

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА — ФИЛИАЛ ФГБУН ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
«ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

Вып. 24 (63) 2017

Владикавказ 2017

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

Ежеквартальный научный журнал
Гуманитарные науки
Издается с 1925 г.

Главный редактор

З.В. Канукова – докт. ист. наук, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Редакционная коллегия:

С.А. Айларова – докт. ист. наук (зам. главного редактора), Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Е.И. Кобахидзе – докт. ист. наук (ответственный секретарь), Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Е.Б. Бесолова – докт. филол. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Л.Б. Гацалова – докт. филол. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Ф.Х. Гутнов – докт. ист. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

А.А. Туаллагов – докт. ист. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Р.Я. Фидарова – докт. фил. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Л.А. Чибиров – докт. ист. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Э.В. Хубулова – канд. ист. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Г.В. Чочиев – канд. ист. наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Учредитель: ФГБУН Федеральный научный центр «Владикавказский научный центр Российской академии наук»

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ТУ15-00143 от 22 мая 2017 г.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по РСО-Алания*

Подписной индекс 66085 в каталоге «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»

*Адрес учредителя: 362027, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 22,
e-mail: vncran@yandex.ru*

*Адрес редакции и издателя: 362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10,
e-mail: soigsi@mail.ru*

Электронная версия журнала выставлена на сайте <http://www.izvestia-soigsi.ru>

ISSN 2223-165X

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ**

ДАРЧИЕВ А.В. О ВОЕННОМ КУЛЬТЕ АЛАНОВ	5
НАРОЖНЫЙ Е.И. В.Н. ТАТИЩЕВ И ЕКАТЕРИНА II: ПЕРВЫЕ ШАГИ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	18
ПИГАРЬ С.С. ЛИДЕРСТВО У ГОРЦЕВ КАВКАЗА В XIX в.: АБХАЗСКИЙ ВАРИАНТ	26
МАРЗОЕВ И.-Б.Т. РОД БАЕВЫХ В ИСТОРИИ ОСЕТИИ (XIX – НАЧАЛО XX в.).....	37
ДАЛГАТ Э.М., САЛИХОВА Л.Б. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ ДАГЕСТАНА (XX ВЕК)	49
ЦОРИЕВА И.Т. КИНЕМАТОГРАФ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1960-е – 1980-е гг.: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ.....	59
ЦИБИРОВ Г.И. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОСЕТИИ И НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ТРУДАХ А.К. ДЖАНАЕВА	70

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЦАЛЛАГОВА И.Н. СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ДЕНОТАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА	82
САТЦАЕВ Э.Б. ЭВОЛЮЦИЯ РОДА В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ.....	90
КАЛАБЕКОВА Л.Т. СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В ЯЗЫКАХ РАЗНОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ	98
ДЗАПАРОВА Е.Б. СОЗЫРЫКО БРИТАЕВ КАК ПРАКТИК И ТЕОРЕТИК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	110
БРИТАЕВА А.Б. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР С.А. БРИТАЕВА.....	120
МАМИЕВА И.В. СОВРЕМЕННАЯ ОСЕТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ.....	133

ИСТОЧНИКИ

ДЗАЛАЕВА К.Р. К ИСТОРИИ РУССКОГО ТЕАТРА ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ.....	158
--	-----

НОВЫЕ КНИГИ

ХАДИКОВА А.Х. О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ И АРЕАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ ОСЕТИНСКОЙ НАРТИАДЫ.....	185
НАШИ АВТОРЫ.....	193

CONTENTS

HISTORY. ETHNOLOGY

DARCHIEV A.V. ON THE MILITARY CULT OF THE ALANS	5
NAROZHNYI E.I. V.N. TATISHCHEV AND CATHERINE II: THE FIRST STEPS IN THE STUDY OF MEDIEVAL MONUMENTS OF THE NORTH CAUCASUS	18
PIGAR S.S. LEADERSHIP AMONG CAUCASIAN HIGHLANDERS IN THE XIX CENTURY: THE ABKHAZIAN VARIANT	26
MARZOEV I.-B.T. THE BAEVS FAMILY IN THE HISTORY OF OSSETIA (THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY).....	37
DALGAT E.M., SALIKHOVA L.B. THE HISTORY OF DAGESTAN TOWNS' EMERGENCE (XX CENTURY).....	49
TSORIEVA I.T. CINEMATOGRAPHY OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE 1960s – 1980s: HISTORICAL AND POLITICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT	59
TSIBIROV G.I. THE PROBLEMS OF THE HISTORY OF OSSETIA AND THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE A.K. DZHANAIEV'S WORKS	70

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. FOLKLOR STUDIES

TSALLAGOVA I.N. SEMANTIC AND DENOTATIVE CHARACTERISTICS OF THE SOMATIC VOCABULARY OF THE DIGORIAN VARIANT OF THE OSSETIAN LANGUAGE	82
SATTSAEV E.B. EVOLUTION OF THE GENDER IN THE IRANIAN LANGUAGES.....	90
KALABEKOVA L.T. THE SEMANTIC DOMINANT OF ASPECT IN THE TYPOLOGICALLY DIFFERENT LANGUAGES	98
DZAPAROVA E.B. SOZYRYKO BRITAEV AS PRACTITIONER AND THEORIST OF LITERARY TRANSLATION IN OSSETIC LITERATURE.....	110
BRITAEVA A.B. THE ARTISTIC WORLD OF SOZYRYKO BRITAEV	120
MAMIEVA I.V. MODERN OSSETIAN POETRY: AFTER-LIFE	133

SOURCES

DZALAEVA K.R. ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN THEATER IN VLADIKAVKAZ	158
---	-----

NEW BOOKS

KHADIKOVA A.KH. ON THE MYTHOLOGICAL ORIGINS AND AREAL CONNECTIONS OF THE OSSETIAN NART SAGA (REVIEW ON THE L.A. CHIBIROV'S MONOGRAPH).....	185
OUR AUTHORS	194

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

О ВОЕННОМ КУЛЬТЕ АЛАНОВ

А. В. Дарчиев

В статье рассматривается культ военного божества, занимавший важное место в религиозных представлениях аланов. Сопоставление сведений античных источников с данными фольклора и этнографии осетин, современных потомков аланов, проясняет некоторые черты этого культа. Давнее предположение Б. Бахраха о том, что бог войны, почитавшийся аланами в виде меча, был также и повелителем загробного мира, находит подтверждение в осетинском эпосе. Нартовский герой Батраз, который считается эпической ипостасью бога войны, выступает и как владыка загробного мира. В пользу этого свидетельствуют и некоторые специфические элементы осетинской поминальной обрядности (прикосновение ножом ко всей посвящаемой покойному пище, втыкание ножа в могильную насыпь). Легенда о священном мече скифов (resp. аланов), найденном при помощи коровы, трактуется как трансформация мифа о боге войны, рожденном коровой, и о его зооморфном воплощении в образе быка. В пользу такой трактовки свидетельствуют некоторые специфические черты и деяния нартовского Батраза: в детстве его вскармливают коровы, он способен превращаться в быка, по велению Шатаны он схватывается с нартовским стадом бугаев, бодаясь с ними, словно бык. Известная гипотеза о влиянии аланского военного культа на формирование западноевропейских легенд об Артуре дополнительно подкрепляется в статье некоторыми данными осетинского нартовского эпоса. К уже известным нартовским аналогиям мотиву артуровских легенд о «мече в камне» приводится еще одна: Батраз вонзает в землю необычное оружие, представляющее собой меч и копье одновременно. Кроме того, в качестве соответствий мотивам о «мече в камне» и «мече из озера» приводятся примеры из ведийской мифологии: ваджра, чудесное оружие грозового божества, пронзает гору/камень, а в некоторых контекстах описывается как лежащая в море. Высказывается предположение, что в аланском военном культе существовали ритуальные танцы с мечами.

Ключевые слова: аланы, священный меч, бог войны, осетины, нартовский эпос, король Артур, меч в камне.

The article considers the cult of the military deity that occupied an important place in the religious views of the Alans. Comparison of the ancient sources with folklore and ethnography of Ossetians, modern descendants of the Alans, clarifies some features of this cult. B. Bakhrakh's long-standing assumption that the god of war, worshiped by the Alans in the form of a sword, was also the lord of another world, finds confirmation in the Ossetian epos. The Nartic hero Batraz, who is considered the epic hypostasis of the god of war, acts also as the lord of another world. Some specific elements of Ossetian memorial rites (a knife touching all food commemorating the deceased, stabbing the knife in the grave mound) testify in favor of that. The legend of the sacred sword of the Scythians (resp. Alans), found with the help of a cow, is interpreted as a transformation of the myth about the god of war, born of a cow, and about his zoomorphic incarnation as a bull. Some specific characteristics and actions of Nartic Batraz speak well for this interpretation: in the childhood he is fed by cows, he is able to turn into a bull, at the behest of Shatana he seizes with the Nartian herd of bulls, battling with them like a bull. A well-known hypothesis about the impact of the Alanian military cult on the formation of West European legends about Arthur is additionally supported in the article with some data of the Ossetian Nart epos. Already well-known Nartian analogies of the motif of the Arthurian legends about the «sword in stone» are supplemented by one more: Batraz thrusts in the ground an

unusual weapon, which presents simultaneously a sword and a lance. Moreover, as the accordance to the motifs of the «sword in stone» and «sword from the lake» the examples from the Vedic mythology are given: the vajra, the miraculous weapon of the storm god, pierces the mountain/stone, and in some contexts is described as lying in the sea. It is suggested that ritual dances with swords existed in the Alanian military cult.

Keywords: *Alans, sacred sword, God of War, Ossetians, Nart Epic, King Arthur, sword in stone.*

В религиозных представлениях ираноязычных кочевников древности и средневековья военный культ занимал особое место. Согласно Геродоту (V в. до н.э.), скифы почитали бога войны в образе железного меча, который устанавливался на вершине огромного алтаря, сложенного из вязанок хвороста. Не зная скифского имени этого божества, Геродот называет его Аресом, т.е. именем греческого бога войны («История», IV, 62) [1, 121-123]. Через восемь веков после Геродота о почитании бога войны в образе меча у близкородственных скифам аланов сообщает Аммиан Марцеллин (IV в. н.э.): «Они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют» («Деяния», 31, 2, 23) [2, 72].

Еще одно важное свидетельство принадлежит автору V в. н.э. Приску Панийскому. Он сообщает о доставшемся гуннскому вождю Аттиле священном мече скифов, который считался потерянным, но был обнаружен при следующих обстоятельствах: «Некий пастух, — говорит он, — заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле» [3, 102]. Уже Густав Фридрих Клемм полагал, что речь здесь идет о почитании священного меча, которое гунны восприняли от

скифов или, по крайней мере, от аланов [4, 110-111, 164]. Бернанд Бахрах также допустил, что гунны заимствовали культ священного меча у аланов [5, 111], а по мнению Яноша Маккая, это заимствование могло быть результатом более ранних контактов между скифами и предками гуннов [6, 22]. Отто Мэнхен-Хельфен считал, что происхождение культа меча у гуннов не может быть установлено со всей определенностью, однако не исключал (хотя и с изрядной долей скепсиса) возможность его заимствования у аланов [7, 279-280]. Особняком стоит мнение Эллиса Ховелла Миннза, считавшего, что рассказ Приска не может быть доказательством того, что гунны действительно почитали меч как инкарнацию бога войны [8, 71]¹.

Иногда к античным свидетельствам об аланском военном культе относят одну строку из поэмы Лукана (I в. н.э.) «Фарсалия» [12], в которой упоминаются аланы, «загрубелые от вечного Марса» (8, 223) (см., например: [13, 1351]). Однако здесь мы имеем дело с поэтической фигурой, которая весьма часто обозначает у Лукана войну как таковую, и потому в ней вряд ли можно видеть прямое указание на аланского бога войны².

Несмотря на сходство в главных элементах, аланский культ бога-меча отличался от скифского: ему не воздвигали огромных алтарей, а ритуал жертвоприношения не был столь пышным и жестоким, как у скифского Ареса. Впрочем, рассказ византийского историка

Пахимера о том, как в 1305 г. аланы, верша кровную месть, убили в Адрианополе знаменитого предводителя каталонских наемников Рожера де Флора («они разорвали его на части и отведали его крови»), по мнению Агусти Алеманя, возможно, говорит о существовании у аланов обычаев, близких воинским обычаям скифов и ритуалу жертвоприношения скифскому Аресу [2, 396].

Как видим, прямых свидетельств об аланском военном культе сохранилось немного, однако для его изучения появились дополнительные возможности после того как в науке утвердилась теория иранского происхождения аланов, а осетины были признаны их прямыми потомками. Исходя из этой преемственности, исследователи высказали мнение, что культ меча у северокавказских аланов мог повлиять на дохристианские верования грузин. Известно, что Армази, глава древнегрузинского пантеона, представлялся божеством, держащим в руке меч. По этому поводу Отто-Гюнтер Везендонк писал: «An den skythischen Schwertkult sei hier nur erinnert, weil in unmittelbarer Nähe der Georgier die Osseten als Nachkommen der nächsten Verwandten dieser iranischen Nomaden leben. Bei den Alanen, aus denen die Osseten hervorgegangen sind, hat nämlich Ammianus Marcellinus die Verehrung des Schwertes festgestellt» («Здесь следовало бы лишь напомнить о культе меча у скифов, поскольку в непосредственной близости с грузинами живут осетины, потомки ближайших родственников этих иранских кочевников. У аланов, от которых произошли осетины, тот же Аммиан Марцеллин отметил почитание меча») [14, 82]. К аналогичному выводу пришел и Уильям Аллен: “[H] is worship may be connected with the sword cult of the Scythians and Alans» («Его (т.е. Армази с мечом. — А. Д.) почитание,

вероятно, связано с культом меча у скифов и аланов») (цит. по: [15, 70]; см. также: [16, 151]).

Признание осетин прямыми потомками аланов поставило перед учеными вопрос о возможных следах аланского военного культа в религиозных верованиях осетин. И такие следы обнаружались. Уже в 1872 г. В. Б. Пфаф пишет: «У осетин некоторые семейства молятся священным мечам. Верование это происходит от аланов Аммиана Марцеллина» [17, 132]. Действительно, священные мечи как фамильные святыни почитались, например, у Акоевых и Джатиевых. Более того, предания об этих мечах в важнейших чертах совпадают с приведенным выше сообщением Приска: чудесные мечи Акоевых, Джатиевых, а также меч Дзадже Цаликова были изготовлены из небесного железа, обнаруженного пастухом при помощи коровы, так же как при помощи коровы пастухом был обнаружен священный меч скифов (resp. аланов) [18, 218-239]³.

В.Ф. Миллер первым сопоставил сказания нартовского эпоса осетин с античными свидетельствами о скифах и показал, что осетины сохранили в своем эпосе многие пережитки скифских военных обычаев [20, 191-207]. Разработка намеченной Миллером темы скифо-нартовских параллелей позволила Жоржу Дюмезилю выявить значительное сходство между скифским Аресом и нартовским героем Батразом: Ареса почитали в образе меча, но и Батраз отождествляется со своим мечом. По мнению ученого, в дохристианскую эпоху Батраз, возможно, был тем самым богом войны, которому поклонялись осетины. Дюмезиль отметил также важные аналогии между Батразом и ведийским богом грозы и войны Индрой [21, 60-67]⁴.

Дальнейшие исследования позволили обнаружить не менее удивительные аналогии между Батразом и героем средневековых европейских легенд королем Артуром [24, 6-21]. Для нас особенно важно подчеркнуть их сходство как обладателей чудесных мечей. Особая роль меча в Артуриане, по мнению многих исследователей, объясняется влиянием культа священного меча, который аланы принесли с собой в Европу [5, 111-112; 25, 248; 26, 34; 27, 452; 28, 14-26; 29, 155]⁵.

Таким образом, сказания о Батразе помогают реконструировать некоторые представления не только о скифском, но и о собственно аланском военном божестве, почитавшемся в образе меча. Этой теме уже посвящена значительная исследовательская литература [34, 83-87; 35, 101-111; 36; 37], вполне доступная и, полагаем, хорошо известная заинтересованному читателю. Поэтому мы отметим только некоторые детали, дополнительно проливающие свет на образ аланского бога войны.

Принято считать, что аланы почитали священный меч исключительно как воплощение бога войны. На этом основании Р.Л. Райк ставит совершавших человеческие жертвоприношения крымских тавров по уровню развития религии даже выше аланов, поскольку тавры поклонялись богине-деве Орсилохе, которая не была «только лишь божеством войны, мечом, воткнутым в землю» [38, 90].

Однако в известной своей монографии Бахрах предлагает весьма интересное наблюдение, на которое исследователи не обратили пока должного внимания. Опираясь на сообщение Клавдия Мария Виктора (V в. н.э.) о том, что аланы особо чтити умерших предков, Бахрах отмечает: «У аланов «умершие счастливой смертью», т.е. те,

кто умер в бою, служа богу войны на его земле, считались достойными почитания их потомками» [5, 22]. И далее: «Этот бог войны также считался у аланов и богом «потустороннего мира», который владычествует над душами предков, умерших счастливой смертью, т.е. в бою, служа богу войны» [5, 111]. Вывод Бахраха следует признать вполне допустимым, поскольку связь военного божества с представлениями о загробном мире находит соответствия в мифологии других народов (вспомним хотя бы скандинавского Одина, которому принадлежит Вальхалла — небесное царство, где вечно живут павшие в бою храбрые воины).

В связи с этим обратим внимание на финал одного из сказаний о гибели Батраза: «Хуыцау сын загъта: «Ацаут, ама, мардфалдисинагай адам фыццаг Хуыцауы ном цаемай ссарой, уый-иу [Батырадзы] уад Мардты, ама уын бакомдзани». Ацыдысты ама йа Соппайы зеппазмæ бахастой ама йа уым баныгадтой. Ныр, адам æппæт марды фалдисинагай разгай Хуыцауы ном цаемай ссарыны-иу, уый Батырадзы хай у» («Бог сказал им: «Идите, и та часть из посвящаемого покойнику, которой люди в начале [посвящения] станут призывать имя Божье, в Стране мертвых пусть принадлежит [Батыразу], и он согласится [войти в склеп]». Они пошли и внесли его в склеп Соппии и там его похоронили. И теперь, та часть из посвящаемого покойнику, которой прежде всего [посвящения] призывают имя Божье, есть доля Батыраза») [39, 314]⁶. Мы видим вновь, что в образе Батраза присутствуют явные черты божества, статус которого был чрезвычайно высок: в Стране Мертвых Батраз получает ту часть поминального приношения, которая предназначается самому Богу, что, по сути, ставит Бат-

раза на уровень божества загробного мира. И если в данном тексте об этом не сказано прямо, то в другом сказании о смерти Батраза его особая функция в загробном мире подтверждается настолько ясно, насколько этого можно желать: «Зæрбатуг æ базуртæбæл исхаста уæларвмæ Батрази. Уоци рауæн Батраз Хуцауæй райста барæ ама уой адæбæл иссæй мæрдти Барастæр, раст ама хæран гъудтæгити æвзараæг» («Ласточка на крыльях своих подняла Батраза на небеса. Там Батраз от Бога получил позволение и поэтому стал повелителем загробного мира Барастаром, разбирающим праведные и грешные дела [умерших людей]») [41, 10об.].

Таким образом, Батраз, сохранивший в своем образе черты древнего бога-меча, выступает и как владыка загробного мира. Полагаем, что этим объясняются некоторые элементы осетинской поминальной обрядности. Посвящая покойному еду и напитки, ко всему приготовленному обязательно притрагиваются ножом. Кроме того, у осетин существовал обычай «приходить на могилу недавно умершего родственника и втыкать в могильную насыпь обломок железного ножа или вообще нож» [42, 149].

Итак, данные осетинского эпоса и этнографии в определенной мере подтверждают предположение Бахраха о присущей аланскому богу войны функции повелителя загробного мира.

Как уже отмечалось, согласно Аммиану, аланы поклонялись мечу, водруженному в землю. Эта деталь, т.е. вонзание меча в землю, уже давно привлекла внимание исследователей. Знаменитый первооткрыватель минойской цивилизации Артур Эванс привел данный элемент аланского культа в качестве типологической параллели к изображенной на одной из микен-

ских ваз священной секире (лабрису), установленной вертикально на земле: «We have here therefore an indication that the double axe itself was an object of worship, and represented the material form or indwelling-place of the divinity, in the same way as his aniconic image of stone or wood. It is a form of worship very similar to that described by Ammianus as still existing in his days among the Alans of the East Pontic coastlands, who simply fixed a naked sword into the ground with barbaric ritual, and worshipped it as the God of War» («Поэтому мы видим здесь указание на то, что двойной топор сам являлся объектом поклонения и представлял собой материальную форму или постоянное местопребывание божества, таким же точно образом как его аниконичные воплощения в камне или дереве. Эта форма поклонения весьма похожа на ту, что описал Аммиан как еще существовавшую в его время у аланов на восточном побережье Понта: совершая варварский ритуал, они просто вонзали обнаженный меч в землю и поклонялись ему как богу войны») [43, 9].

Впоследствии были выявлены аналогии в Артуриане, где главный герой проходит испытание, извлекая чудесный меч, вонзенный в камень. К. С. Литтон и Л. Малкор отмечают, что, хотя Аммиан ничего не говорит о выдергивании меча из земли (ср., однако, выкапывание меча из земли в сообщении Приска. — А. Д.), наличие этого мотива в Артуриане позволяет реконструировать подобный ритуал и для аланского культа меча. В подтверждение приводятся данные из кабардинской нартиады о выдергивании меча или копья из земли, дерева или наковальни Тлепша [25, 249-250]. Но еще раньше Жоэль Грисвар сопоставил мотив втыкания в землю деревянных вил Кухулином, героем ирландских мифов, с тем, как

нартовский Батраз вонзает в землю, а затем выдергивает свое копьё: в обоих случаях, согласно Грисвару, речь идет об испытании [24, 43-44]. Развивая эти идеи, А. А. Туаллагов приходит к выводу о несомненном сходстве указанного мотива в сказаниях о Батразе с извлечением меча из камня в легендах об Артуре. Отличие состоит в том, что в нартовских сказаниях меч заменяется копьем. Для объяснения этого отличия исследователь предложил убедительные доводы [36, 130-134], и мы лишь попытаемся их дополнить.

В одном из сказаний оружие, которое Батраз вонзает в землю, названо *мыдзыра*: «*Батрадз бацъидис, йæ мыдзыра зæххы арсагъта*» («Батраз прибыл [к дому Сау Айнаджы алдара], воткнул мыдзыра в землю») [44, 484]. Все словари дают для *мыдзыра* значение «копье, пика, штык». Однако в самом тексте приводится несколько иное пояснение этого термина: «*мыдзыра — кард æмæ джебогъ иумæ*»/«*мыдзыра — меч и пика вместе*» [44, 476]. Иными словами, Батраз вонзает в землю оружие, являвшееся одновременно и мечом и пикой. Возможно, здесь имеется в виду какой-то реально существовавший тип древкового оружия, наподобие средневекового протазана. Но обратим внимание на следующий факт. В ведийской мифологии ваджра, чудесное оружие бога войны Индры, имеет настолько разнообразные описания, что исследователи затрудняются в определении ее конкретного вида: это и дубина с сотней лезвий [45, 591] (острых крюков или граней [46, 673]), и метательное оружие в виде медного наконечника на деревянной рукоятке [47, 516], и, вероятно, копьё (=пика) [45, 652]. В ритуальной литературе ваджра отождествляется с мечом [48, 138]. Не сохранила ли Батразовская *мыдзыра* следы этого

многообразия, присущего оружию его ведийского «собрата» Индры?

Немалый интерес представляет вопрос об этимологии осетинского *мыдзыра*. Согласно В. И. Абаеву, оно происходит «из араб., перс. *mizrāq*, тюрк. *təzraq* “копье”» [49, 137]. В то же время, по мнению М. К. Андроникашвили, арабско-новоперсидское *mizrāq* восходит к среднеперсидскому *vazrak от *vazr* «дубина, палица» [50, 339]⁷. В таком случае, осетинское *мыдзыра* в этимологическом плане, хотя и опосредованно, может соответствовать иранскому *vazra* «палица» и ведийскому *vajra* «ваджра» [52, 168]⁸.

Хотя Батраз вонзает свое оружие не в камень, а в землю, мотив «меча в камне», согласно наблюдениям А. А. Туаллагова, имплицитно присутствует и в сказаниях о Батразе [36, 132-134]. В связи с этим, возможно, следует вспомнить основной космогонический мотив ведийской мифологии: Индра пронзает ваджрой гору/скалу [53, 125, 131, 156; 54, 170-194], причем нередко в «Ригведе» эта скала обозначается словом *aṣṭan* — «камень» [54, 190-191; 53, 122, 183, 186]. Возможно, вонзание и последующее извлечение меча из камня есть трансформация этого архаичного космогонического мотива⁹.

Кроме меча, извлеченного из камня, Артур владел еще одним мечом — Экскалибуром, который был дарован ему Владычицей Озера. Умирая, Артур велит забросить свой меч в озеро, и таким образом Экскалибур возвращается в те водные глубины, из которых некогда появился на свет. В сказаниях о Батразе уже отмечены явные параллели и мотиву появления меча из воды (моря/озера) [36, 142-143], и особенно — мотиву его возвращения в водную стихию в момент гибели героя [24]. Решая вопрос о происхождении

этого мотива, который в более общем виде можно обозначить как «меч в море/воде», следует обратить внимание и на тот факт, что чудесная ваджра в «Ригведе» (VIII, 100, 9) описывается как «лежащая среди моря» и «покрытая водой». Этот фрагмент, по мнению Т. Я. Елизаренковой, также имеет космогоническое значение [54, 163].

Рассматривая сообщение Приска Панийского о священном мече скифов, мы предположили, что обнаружение священного меча при помощи коровы в мифологическом смысле могло означать рождение коровой самого божества войны и, следовательно, наличие у него зооморфного образа быка. Такое предположение хорошо поддерживается данными индоиранской мифологии: ведийский Индра постоянно сравнивается или прямо отождествляется с быком, а его иранский аналог Вэрэтрагна в одном из своих воплощений выступает в образе быка [56, 120-169]. Учитывая многочисленные соответствия, которые Батраз обнаруживает с ведийским Индрой, весьма ожидаемым было бы наличие такой связи с этим животным и у прославленного нартовского героя. В свою очередь, это послужило бы подтверждением аналогичной зооморфной инкарнации и у почитавшегося скифами и аланами военного божества, с которым Батраза также связывают давно установленные соответствия.

Мы уже приводили некоторые примеры из Батразовского цикла, которые могут свидетельствовать о подобной связи: новорожденного Батраза вскармливает дойная корова (или водные коровы *доны хьуиццитаэ*), что не характерно для других нартовских героев; на состязании нартов один из главных «призов», бык, благодаря Батразу и в его честь присуждается Ахсартагката, нартовскому роду воинов; и, наконец,

главное — Батраз способен превращаться в быка [57]. Эти примеры мы хотели бы дополнить еще одним. Желая проверить доблесть юного Батраза, Шатана назначает ему следующее испытание: «[Шатана] дзуры Батырадзмаэ: «Нарты богърагъауттаэ арицауыни, семæ сахæст¹⁰ скаен». *Æцагдæр, Нарты богърагъауттаэ арицайцыдысты задæзæдæйæ. Батырадз сæм бацыди, йæ сæр сæм фæдардта æмæ кæй стъæпп ласы, уый дард фæхауы, афтæмæй Нарты богърагъауттаэй иу [дæр] хъæумæ не 'рбахæцица ис*» («[Шатана] говорит Батыразу: «Возвращаются [с пастбищ] нартовские стада бугаев, схватись с ними». И в самом деле, [в это время с пастбищ] возвращались многотысячные нартовские стада бугаев. Батыраз вышел к ним навстречу, выставил вперед свою голову, и кого [из них] ударит, тот падает далеко, и так из нартовских стад ни один бугай не вернулся в селение») [58, 114]. Испытанием для Батраза становится схватка с быками, и положение, которое он принимает перед схваткой («выставил голову вперед»), показывает, что Батраз ведет себя не как человек, но как бык, нанося свои сокрушительные удары головой, т.е. по сути, боаясь с нартовскими бугаями. Этот фрагмент, как мы полагаем, также может свидетельствовать о том, что некогда древнее божество войны, которому соответствует эпический Батраз, представлялось в образе быка.

Культе бога войны в образе меча засвидетельствован у многих народов древности, в том числе и у германских племен. Предкам современных баварцев бог войны в образе меча был известен под именем Ир, а вторник, т.е. посвященный ему день, еще в начале XX в. в Баварии назывался Иртаг «день Ира» ([59, 72-73; 60, 38-39]; ср.: [61, 249]). Вплоть до XVI в. баварцы исполняли

особые праздничные танцы с мечами, которые, по мнению Антона Квитцмана [59, 76-77], некогда имели отношение к культу бога-меча и к тому древнему обычаю германцев, описание которого оставил Тацит: «24. Вид зрелищ у них единственный и на любом сборище тот же: обнаженные юноши, для которых это не более как забава, носятся и прыгают среди врытых в землю мечей и смертоносных фремей. ... вознаграждение за легкость их пляски, сколь бы смелой и опасной она ни была, — удовольствие зрителей» [62, 363].

Хотя у нас нет свидетельств о ритуальных танцах с мечами в аланском военном культе, очевидно, не будет слишком смелым предположение, что таковые у аланов все же существовали. Во всяком случае, если мы видим в нартовском Батразе эпическую ипостась древнего бога-меча, то следует учесть, что наш стальной «задира» — любитель танцев с мечами, причем не менее опасных, чем описанные Тацитом пляски германцев. Он предлагает нартам поставить мечи остриями вверх и станцевать на них: *«Борæты адамæн сæ къæхтæ цилхъытыл кæмттыл ныллыгтæ сты, æмæ сæ туг калдис, стæй сæ кафт ныууагътой. Кафты бар радтой Батрадзæн. Йæ цæнгтæ фæфистæг кодта, дынджыр къухтæ дардыл аппæрста æмæ сын сæ цилхъытыл кафын байдъидта, къахфындзтыл æрзылдис. Разылдис та æмæ къахы завæттæй цилхъыты кæмттæ ныкъкъуымы кодта. Хæрдмæ-иу фæхаудис æмæ сын ныцъцъæлтæ кодта йæ къæхты бын сæ цилхъыты»* («Люди из рода Бората изрезали ноги об острия мечей и

истекали кровью, затем они остановили свой танец. Позволили станцевать Батразу. Он засучил рукава, раскинул широко свои большие руки и начал танцевать на их мечах, прошел круг на носках. Прошел еще один круг и пятками затупил острия мечей. Стал подпрыгивать вверх и изломал под своими ногами их мечи») [44, 492]. Если, образно говоря, Батраз это меч, то танец, в котором он сломал все нартовские клинки, показывает, что это лучший из мечей.

Не следует видеть в священном мече аланов лишь символ военной агрессии. Ведь, согласно Аммиану, аланы почитали воплощенного в мече бога как защитника и покровителя своей земли. Что касается Батраза, то, несмотря на всю сложность его отношений с нартами, он неизменно спасает их от жестоких завоевателей. Кроме того, Батраз — гроза спесивых богачей и защитник слабых.

Подведем итог.

Есть основания полагать, что в образе священного меча аланы почитали полифункциональное божество (не только бога войны, но и владыку загробного мира), имевшее, очевидно, и зооморфное воплощение.

Для представлений об аланском божестве-мече могут быть реконструированы мифологические мотивы «меча в камне» и, возможно, «меча в море». Приведенные к этим мотивам ведийские параллели требуют дальнейшего изучения.

Весьма вероятно, что в военном культе аланов существовали ритуальные танцы с мечами.

Примечания:

1. В венгерских легендах об Атилле доставшийся ему священный меч имеет собственное имя — *Isten Kardja* «Божий Меч» [9, 13]. Интересно отметить, что венг. *kard/kardja* «меч», вероятно, аланского происхождения [10, 571]. Согласно венгерской традиции, этот меч Атилы стал реликвией королевской династии Арпадов. Когда в 1063 г. герцог Баварии Оттон Нортхаймский помог королю Шоломону занять венгерский престол, мать Шоломона, Анастасия Ярославна (дочь Ярослава Мудрого), в знак благодарности подарила Оттону королевскую реликвию — «меч Атилы» [11, 186; 6, 9-12].

2. Ср., например, следующие места из «Фарсалии»: «8, 382-3. Полны коварства стрелки, но доблести им не хватает/Вытерпеть Марса вблизи»; «7, 111. Рим ты расцветшим прими, защити от Марса слепого!»; «6, 578-9. Опасаясь,/Как бы кочующий Марс не унесся в земли чужие»; «5, 723-4. Видел Помпеи, что последний удар сурового Марса/Стану его уж грозит»; «4, 770-771. Не колебались в тот час решенья неверного Марса,/Но беспощадная смерть овладела участью боя» и т.д.

3. Весьма примечателен следующий эпизод из мемуаров русского офицера А. С. Пишчевича (1764-1820). Оказавшись осенью 1784 г. по долгу службы в Ларсе, он так описывает свою встречу с осетинским князем Ахметом Дударовым: «Его сиятельство я нашел сидящим у огня, разложенного посреди его норы, ноги поджавши. На одной стороне лежало ружье, а на другой сабля» [19, 107]. Прочитав предписание генерал-поручика Потемкина, обязывающее оказывать Пишчевичу всемерную помощь, Ахмет Дударов ответил: «Я дам лошадь и проводника до деревни Степанц-Минде, за безопасность в дороге отвечаю я, для того, что мой будет проводник; впрочем, вот мой бог (указывая на небо), а это мой государь (указывая на саблю), я никаких Потемкиных знать не хочу; я князь и никого не боюсь» [19, 108]. Разумеется, огнестрельное оружие имеет огромное боевое преимущество перед холодным. Известно также, с какой бережливостью и даже трепетом осетины относились к своим ружьям. Но, несмотря на это, князь Дударов называет своим «государем» не ружье, а лежавшую рядом саблю, подтверждая более высокий статус этого оружия, сохранившийся, вероятно, от тех времен, когда меч почитался как божество.

4. Актуальность этих выводов признается не только отечественными, но и зарубежными специалистами. Так, например, Кристоф Баумер пишет: «The sword-worship of the Scythians and the Alans is also echoed in the Ossetian version of the Nart saga» («Почитание меча скифами и аланами также нашло отражение в осетинской версии нартовских сказаний») [22, 196]. Также и Майкл Шенкар, процитировав известный пассаж Аммиана о культе меча у аланов, отмечает: «A similar motif is attested in the epos of the Caucasian Ossetians, the descendants of the Alans» («Аналогичный мотив засвидетельствован в эпосе кавказских осетин, потомков аланов») [23, 16].

5. Кристофер Беквит даже признает это мнение весьма распространенным: «The name Lancelot and the story of the sword in the stone, among other elements of the story, are widely thought to be Alan in origin and to have modern reflexes in the language and folklore of the Ossetians, the Alans' modern descendants in the Caucasus region» («Широко распространено мнение, согласно которому среди прочих элементов данного сюжета имя Ланселот и мотив о мече в камне являются аланскими

по происхождению и отразились также в языке и фольклоре осетин, современных потомков аланов на Кавказе») [30, 82]. В то же время следует отметить, что гипотеза о сармато-аланском влиянии на Артуриану имеет немало оппонентов [31, 15-16; 32, 24-26; 33, 149-153].

6. Похожий мотив обнаруживается в грузинской легенде «Сапицари, ад и смерть»: «После того как Самаал (злой дух. — А. Д.) и бог стали побратимами, Самаал пошел к богу и на правах брата потребовал своей доли. Бог отказал ему. “Так зачем ты побратался со мною? — сказал Самаал богу. — Если другого ничего не дашь мне, уступи хоть сапицари”. Сапицари было то, что по обету приносилось человеком в жертву богу или за упокой души усопшего. Все это с того дня должно было поступать к Самаалу. Уступил бог сапицари Самаалу. Тот проглотил его и отправился в ад» [40, 258-259].

7. См. также возражения Йюста Гипперта [51, 313-314].

8. Не относится ли сюда и *mazara*, небольшая палица («the small mace»), упоминаемая Сэмюэлем Р. Мэйриком в числе европейского оружия начала XIV в.? [52, 168]

9. Мотив вонзаемого в землю меча присутствует и в опубликованном Г. Т. Шанаевым сказании о Каурбеке: «Каурбек видит свою неудачу, подбегает к берегу и убивает свою ветрогонку, мигом содрал с нее кожу и делает из кожи ремни. Привязав концами один ремень к другому, прикрепив один конец их к всаженному в землю своему мечу, а другой — себе на шее, он бросился в море за дочерью Донбеттыра» [55, 44]. Этот интересный эпизод, исполненный мифологического символизма (меч как образ Мирового Древа и человек, привязанный к нему, конь как средство перемещения в иной мир и т.д.), требует отдельного рассмотрения.

10. *Сахаст скаен* — точное значение неизвестно, но из контекста следует, что речь идет о предложении померяться силами с быками. В тексте выражение помечено звездочкой, и, очевидно, Д. Г. Бегизов, записавший это сказание, собирался его пояснить. Однако ожидаемый комментарий в рукописи отсутствует.

---

1. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.

2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

3. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica»/Пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М. 1960.

4. Klemm G. F. Attila nach der Geschichte, Sage und Legende. Leipzig: G. Reimer, 1827.

5. Bachrach B. S. A History of the Alans in the West. From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973.

6. Makkay J. Attila kardja, Árpád kardja: irániak, szarmaták, alánok, jászok. Szeged: Csongrád Megyei Múzeumok Igazgatósága, 1995.

7. *Maenchen-Helfen O. J.* The world of the Huns. Studies in their history and culture. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press, 1973.
8. *Minns E. H.* Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: Cambridge University Press, 1913.
9. *Kelecsényi G., Balogh G.* Hétágú csatacsillag: magyar mondák és legendák. Budapest: Népszava, 1988.
10. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
11. *Grimm J.* Deutsche Mythologie. 2-te Ausgabe. Göttingen: Dietrichsche Buchhandlung, 1844. Bd. I.
12. *Лукан Марк Анней.* Фарсалия или Поэма о гражданской войне. М.-Л., 1951.
13. *Grimm J.* Teutonic Mythology. London: George Bell & Sons, 1888. Vol. IV.
14. *Wesendonk O.-G. von.* Über georgisches Heidentum. Leipzig: Asia Major, 1924.
15. *Berman M.* The Shamanic Themes in Georgian Folktales. Newcastle: Cambridge Scholars, 2008.
16. *Rapp S. H.* The Sasanian world through Georgian eyes: Caucasia and the Iranian Commonwealth in Late Antique Georgian literature. Farnham — Burlington: Ashgate, 2014.
17. *Пфаф В. Б.* Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. II. С. 80-144.
18. *Дарчиев А. В.* Рождение громовержца. К интерпретации сообщения Приска о священном мече скифов // Дарьял. 2005. № 2. С. 218-239.
19. *Пишчевич А. С.* Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб., 2002. С. 89-203.
20. *Миллер В. Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // Журнал министерства народного просвещения. 1882. Ч. ССХХII. Август. С. 191-207.
21. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
22. *Baumer Ch.* The History of Central Asia: The Age of the Steppe Warriors. London — New York: J. B. Tauris, 2012.
23. *Shenkar M.* Intangible spirits and graven images: the iconography of deities in the pre-Islamic Iranian world. Leiden — Boston: Brill, 2014.
24. *Грисвар Ж.* Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ, 2003. С. 6-81.
25. *Литлтон К. С., Малкор Л. А.* От Скифии до Камелота. М., 2007.
26. *Winn S. M. M.* Heaven, heroes, and happiness: the Indo-European roots of Western ideology. Lanham — New York — London: University Press of America, 1995.
27. *Makky J.* Middle Iranian (Sarmatian/Alanian) elements in early Medieval German heroic poetry: the Arthurian and Nibelungian cycles // Kontakt –Kooperation — Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12-16 Februar 1998. Carnap-Bornheim, Claus von [Hrsg.]. Neumünster: Wachholtz, 2003. S. 447-473.
28. *Anderson G.* King Arthur in Antiquity. London — New York: Routledge, 2004.
29. *Hyun Jin Kim.* The Huns. Rome and the birth of Europe. New York: Cambridge University press, 2013.

30. *Beckwith Ch. I.* Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2009.
31. *Snyder Ch.* Arthurian Origins // A History of Arthurian Scholarship. Rochester: D. S. Brewer, 2006. P. 1-18.
32. *Green Th.* Arthuriana: early Arthurian tradition and the origins of the legend. Louth: Lindes Press, 2009.
33. *Halsall G.* Worlds of Arthur: Facts and Fictions of the Dark Ages. Oxford: Oxford University Press, 2013.
34. *Чибиров Л. А.* Осетинский меч (æхсаргард): сакральные связи и эпические параллели // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2016. № 1. С. 83-87.
35. *Кочиев К. К.* Скифский Арес на Кавказе // Скифская Евразия. История, культура и язык древнеиранских кочевников Евразии. Paris — Vladikavkaz, 2006. Т. I. № 1. С. 101-111.
36. *Туаллагов А. А.* Меч и фандыр. (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ, 2011.
37. *Салбиев Т. К.* Аланский культ меча в свете религиозной традиции осетин // PLURIVERSUM. Глобальная политическая альтернатива [сайт]. URL: <http://pluriversum.org/~6DS5F>
38. *Rike R. L.* Apex Omnium. Religion in the Res Gestae of Ammianus. Berkley — Los Angeles — London: University of California Press, 1987.
39. Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1990. Кн. 1.
40. Грузинские народные предания и легенды. М., 1973.
41. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 160.
42. *Магомедов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968.
43. *Evans A. J.* The Mucenaean tree and pillar cult and its Mediterranean relations. London — New York: The Macmillan Company, 1901.
44. Нарты кадджытæ. Ирон адæмон эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфцион куыстуат, 2005. Ч. 3. 712 ф. (на осет. яз.)
45. Ригведа. Мандалы I-IV. М., 1999.
46. Ригведа. Мандалы V-VIII. М., 1999.
47. *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V-VIII. М., 1999. С. 487-525.
48. *Liebert G.* Indoiranika // Orientalia Suecana. 1963. Vol. XI. S. 126-154.
49. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. II.
50. *Андроникашвили М. К.* Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966. Т. I. (на груз. яз.)
51. *Gippert J.* Iranica. Armeno-Iberica. Studien zu den iranischen Lehnwörtern im Armenischen und Georgischen. Wien: VÖAW, 1993. Bd. I. S. 313-314.
52. *Meyrick S. R.* A Critical Inquiry into Antient Armour, as it existed in Europe, particularly in Great Britain, from the Norman Conquest to the reign of king Charles II. Second ed. London: Henry G. Bohn, 1842. Vol. I.
53. *Кейпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.

54. *Елизаренкова Т.Я.* Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.
55. *Шанаев Г.Т.* О сыне знаменитого богатыря-борца Аслана — Каурбеке // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 35-64.
56. *Дарчиев А.В.* Скифский военный культ и его следы в осетинской нартиаде. Владикавказ, 2008.
57. *Дарчиев А.В.* Об одном зооморфном воплощении Батраза // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. 2013. № 2. С. 236-244.
58. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 2. Д. 560.
59. *Quitmann A.* Die heidnische Religion der Baiwaren. Erster faktischer Beweis für die Abstammung dieses Volkes. Leipzig-Heidelberg: C. F. Winter, 1860.
60. *Binder J.J.* Streifzüge auf dem Gebiete der Nibelungenforschung. Laibach: Verlag der Staats-Ober-Realschule, 1886.
61. *Jungbauer G.* Dienstag // Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1987. Bd. 2. Sp. 249-254.
62. *Тацит Корнелий.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. I. С. 353-373.

В. Н. ТАТИЩЕВ И ЕКАТЕРИНА II: ПЕРВЫЕ ШАГИ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Е. И. Нарожный

В статье рассматривается документ 1768 года с автографом Екатерины Великой, повествующий об анонимном посещении (1742 г.) целого ряда средневековых памятников Северного Кавказа. На основании сведений историка начала XX в. Н.Ф. Катанова, справедливо указавшего на существование в документе трех случаев, когда императрица ведет свое повествование «от мужского лица», в статье проверяется его предположение о том, что эта информация была «списана императрицей» из какого-то источника. Сравнение упоминания золотоордынского Маджара, легенды об атамане А. Шадре и других данных позволяет предположить, что содержащиеся в документе сведения могли быть заимствованы у В.Н. Татищева. Сегодня это мнение подкреплено и находкой почти идентичного текста в «Истории Российской» Татищева. Сопоставление текстов документа императрицы и отрывка из сочинения российского историка вполне объясняет причины повествования Екатериной «от мужского лица». При этом очевидной становится и необходимость дальнейшего (в перспективе) анализа данных о том, когда и по каким причинам посещался Кизляр, Татартуп, «Юлат» и другие памятники региона.

Ключевые слова: сочинения Екатерины Великой, Болгар, Северный Кавказ, Маджары, Кизляр, В.Н. Татищев, начало изучения Северного Кавказа.

The article considers a document of 1768 with the autograph of Catherine the Great, telling about her incognito travelling (1742) to a number of medieval monuments of the North Caucasus. On the basis of data of the early XXth century historian N.F. Katanov, who rightly pointed to the three facts in the document when the empress narrated from the “man’s perspective”, the article verifies his presumption that this information was “copied by empress” from some another source. Comparison of the mention of Golden Horde Majar, legends of the ataman A. Shadra and other data allows to suggest that the data of the document could be borrowed from V.N. Tatishchev. Today this assumption is supported also by the find of an almost identical text in the Tatishchev’s “Russian History”. The comparison of the texts of the empress’ document and the fragment from the Russian historian’s work clearly explains the reasons for Catherine narrating from the “man’s perspective”. This also highlights the necessity for further investigation (in prospective) of the data stating reasons and time when Kizlyar, Tatartup, “Yulat” and other monuments of the region were visited.

Keywords: works of Catherine the Great, Bolgar, North Caucasus, Majar, Kizlyar, V.N. Tatishchev, beginning of the North Caucasus studies.

В отечественном кавказоведении к рассматриваемым ниже историческим сведениям — отрывку из документа Екатерины II и сведениям В.Н. Татищева — проявлялось определенное внимание, но данные на этот счет ныне нуждаются в уточнении, систематизации и комментариях.

Еще в 1947 г. Л.П. Семенов, будучи разносторонним ученым с интересами в различных научных сферах (археология, этнография и литература — об этом см.: [1, 3-16; 2, 127-133] и др.), опубликовал небольшую по объему, но до сих пор не потерявшую своей значимо-

сти брошюру, посвятив ее знаменитому Татартупскому минарету [3]. В брошюре автор собрал все на то время доступные ему свидетельства об этом памятнике эпохи Золотой Орды, особо выделив среди них лаконичное упоминание о «Тартупе», содержавшееся в архивном документе с автографом Екатерины II 1768 г [3, 6]. Ссылаясь на комментарии к документу, опубликованные историком из г. Казани Н. Ф. Катановым (о нем см.: [4, 214, №239]) [5, 228-244], Семенов вполне справедливо оценил его как «самый ранний архивный документ», в котором упоминается городище «Тартуп» — Татартуп [3, 6]. Позднее, уже другими специалистами, городище было отождествлено не только со «славным яским городом Дедяковым» русских летописей [6, 152-161]¹, но и также и с «Верхним Джулатом»².

После Семенова этот же исторический документ лишь несколько раз упоминался другими исследователями и объектом специального анализа стал только в начале 1990-х гг. [19, 3-8]. Малый тираж издания, определивший во многом недостаточную доступность публикации и систему ее аргументации, а также целый ряд иных, главным образом историографических, «пробелов» в ряде публикаций наряду с попытками «нового открытия» давно уже известного, что наблюдается в некоторых работах последних лет, заставляют нас вновь вернуться к историческому документу Екатерины II. Однако сделать это необходимо с учетом принципиально новых данных. Актуальность такого подхода продиктована не только потребностью в уточненных представлениях о начальном этапе становления научного интереса российских ученых к Северному Кавказу, причем не только как составной части Астраханской губернии, куда регион входил в конце

XVIII в., но и в пределах всей южной периферии Российского государства.

Упомянутая Семеновым статья Катанова³ действительно вызывает неподдельный интерес, обусловленный не только проблемой установления реального авторства той информации исторического характера, которая оказалась включена Екатериной II в исследуемый документ. Историографическую значимость статья имеет и в связи с прямым ее отношением к истории изучения как золотоордынских, так и более поздних северокавказских бытовых и культовых объектов, показывая самый ранний, *начальный этап* становления подлинно научного интереса к древностям нашего региона в отечественной истории [20, 111-117; 21, 8].

Внимание Катанова к историческому наследию Екатерины II было не случайным. Уже в преамбуле к его статье, сделанной от имени редколлегии сборника, сообщалось: «Академик А. Н. Пыпин, по поручению Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге предпринял издание сочинений императрицы Екатерины II на основании подлинных ее рукописей и снабдил их объяснительными примечаниями». В XI-м томе⁴ этого документального сериала А. Н. Пыпин поместил исторические труды императрицы, «а именно записки, касательно Российской истории...» На страницах 502-503 издания помещена одна статья, озаглавленная «О Болгар [ах] и Хвалисах» и снабженная указанием: «Госуд. Архив. X. 357. Автограф 1768 г.». В виду интереса, который могут представлять эти документы для местных историков, и осознавая значимость самого источника, Катанов и сделал замечания относительно «истории Волжско-Камского края, которые имелись в документе у него под руками» [5, 228, прим. 1].

Катанов, судя по тексту его статьи, вначале подготовил обстоятельный научный доклад, прочитанный им «общему собранию» всего Общества «19-го мая 1907 года» [5, 228, прим. 1]. Доработанный вариант доклада затем был опубликован уже в виде статьи [5, 228-244]. Среди прочего, Катанов в своей статье обращает внимание читателей на один, достаточно важный аспект проблемы. В частности, возвращаясь к публикации исторических свидетельств Екатерины II, он пишет следующее: «А.Н. Пыпин на стр. 669 названного XI-го тома говорит, что статья «О древностях Волги и Кавказа» составляет собственноручную выписку Екатерины II, т.к. на вложенном в тетрадь листе, рукою А.А. Безбородко надписано: «История о Болгарах, писанная собственноручно Императрицею во время Высочайшего ее Величества путешествия в Казань». Так как в статье **трижды** (здесь и далее выделено мной. — *Е. Н.*) **говорится от имени мужчины**, именно в той части, которая начинается древностями Черемшана и кончается древностями Кизляра и Яика, то **можно полагать, что эта-то именно часть и была** списана Екатериною II из какого-нибудь сочинения, а **не есть ее собственное произведение**. Что же касается остальной части статьи и письма на имя Н.И. Панина, где говорится о Болгарах, которые она видела 2 июня 1767 года сама, то они, без сомнения, принадлежат ее перу» [5, 228, прим. 2]. Далее Катанов подробно разбирает «волжскую» часть сочинения российской императрицы. А вот часть сведений, касающихся уже территории Северного Кавказа, действительно нуждается в скрупулезном изучении.

Обратимся к первоисточнику. Первая часть интересующего нас документа с автографом Екатерины II, если

опираться на его публикацию Пыпиным, повествует сначала о территории Поволжья (от среднего течения к нижнему течению Волги) и завершается упоминанием уже нижнего течения р. Терек на Северном Кавказе. Во второй же части содержится следующая информация: «Великие запустевшие грады между которыми знатнейшие на правой стороне Кумы реки от Каспийского моря разстоянием до 200 верст, Маджар именованный, **который в 1742 году нарочно послан описать, план и проспект снять** (здесь и далее выделено мной. — *Е. Н.*); другой град на реке Терк от Кизляра с 200 верст, Тартуп имянуем, имеет стены каменные и внутри церковь с башнею высокою, круглая бывших некоторых полат. На чертеже Юлат выше онаго в Большой Кабарде в горах, в которой церковь христианская стоит цела и замкнута; в ней, сказывают, что много книг греческих находится; токмо в оную, под смертью входить запрещено, а книги, **сказывают**, чрез окна видеть можно; **охотно желал чрез посланных удостовериться**, токмо и в город оной близ живущие не пустили. На Сулаке имянуемый Андреев запустели каменной город, поперек не более 150 сажень, стены толстые и высокие, из великих камней тесанных отстроены и одни ворота имеет, но в него от суеверства не пуцаиуть, сказуя многия басни. Имя сие новое, данное от казаков донских, ушедших во время взятия Астрахани от атамана Андрея Шадры; и другие еще в горах города находятся; сие особо удивительно от куду так великие камни брали, ибо ни за 200 верст такого не находится» [22, 503-504]. Выкопировка этого же отрывка была опубликована Катановым [5, 242].

Поскольку сведения в документе с автографом Екатерины II, касающиеся территории Поволжья, как это про-

комментировал Катанов, вполне могли быть сообщены самой императрицей, как известно, побывавшей там, включая и руины знаменитого города Болгара, то относительно Северного Кавказа этого сказать нельзя, так как известно, что там императрица никогда не бывала. Именно поэтому вполне оправдан интерес к источнику информации, возможно, почерпнутой императрицей у кого-то, на чем и сконцентрировал внимание Катанов.

Если следовать перечню северокавказских географических и топонимических названий в той последовательности, в которой они упоминаются в документе императрицы, бросается в глаза попытка соединения в одном фрагменте описания разных уголков Северного Кавказа. Сначала в документе речь идет о р. Куме с руинами золотоордынского города Маджара (на территории современного Ставропольского края). Оттуда повествование переносит читателя к верхнему течению р. Терек, на руины другого золотоордынского городища в северокавказском регионе — «Тартупу» — Татартупу (Восточное Придарьялье), у выхода в Дарьяльское ущелье. Затем в источнике упомянут некий «чертеж Юлат» и сам «Юлат», ныне отождествляемый с балкарским сел. Уллу-Эльт в Чегемском ущелье [23, 86]. Затем описание возвращает читателя на территорию современного Дагестана к «Андрееву городку», под которым, скорее всего, подразумевается одно из средневековых городищ, ныне известных как «Андрейаульских»; среди них наиболее вероятным претендентом может быть раннесредневековая «Андрейаульская крепость»⁵. Ее руины находились на левом берегу р. Акташ, в 2-х км севернее современного сел. Андрей-аул (Хасавюртовский район Дагестана) [24, 120, № 95]. Упоминание источником «Андреева городка», в свое время освоенно-

го казаками донского атамана Андрея Шадры, позволяют нам предположить следующее.

Полулегендарные свидетельства о появлении на Тереке вольного казачьего сообщества, один из «выплесков» которого возглавлял атаман А. Шадра, достаточно часто упоминаются в современной кавказоведческой литературе. Подробно сведения о нем были исследованы в свое время А.А. Шенниковым, на наблюдения которого мы и сошлемся. Исследователь заметил: среди немногих интересующих нас свидетельств самым ранним является вариант, использованный в «Лексиконе» В.Н. Татищева. Рукопись «Лексикона» была закончена Татищевым, как известно, еще в 1745 г., т.е., как минимум, за 23 года до появления интересующего нас архивного документа российской императрицы с ее автографом 1768 г. Легенды об Андрее Шадре, на которые опирался Татищев в «Лексиконе», сообщали: уже в 1554 г. группа донских казаков, возглавленных атаманом Шадрой, до этого разбойничавшая на Волге, уходит оттуда и оказывается на Тереке. Здесь, как это комментирует уже Шенников, «на кумыкской земле» донские казаки забирают себе давно заброшенную крепость, назвав ее «Андреевой», или «Андреевой деревней» (местный и чуть более поздний вариант названия — Эндери). Оттуда казаки во главе с атаманом Шадрой в 1569 г. переместились вверх по Тереку, где и остались впоследствии под именем гребенских казаков (не считая локальных передвижений в пределах данного района) [26, 53-54]. Очевидно, эта информация из рукописи «Лексикона» Татищева и могла быть впоследствии заимствована в виде короткой записи, оказавшись затем в тексте документа с автографом Екатерины II. Не останавливаясь далее

на критическом разборе всех наблюдений Шенникова на этот счет, отметим лишь одно. Установленный факт изначальной принадлежности Татищеву интересующей нас записи об А. Шадре и его пребывании в «Андреевом городке» — это версия легенды об Андрее Шадре, положенная на бумагу. Наиболее вероятно, что в рассматриваемом нами документе Екатерины II сведения об атамане Шадре, впрочем, как и другие интересующие нас сведения, также могли быть почерпнуты императрицей из сочинений Татищева [19, 3-8], хотя это предположение требует дальнейших доказательств.

Однако сегодня предположение, высказанное нами в 1994 г. (см.: [19, 3-8]), имеет достаточно веские подтверждения, поскольку соответствующую информацию мы обнаружили в «Истории Российской» Татищева, которую можно дословно сравнить со сведениями из документа Екатерина Великой (см. табл. 1). На первый взгляд, предлагаемое сопоставление может показаться не соответствующим высказанной гипотезе, т.к. очевидна хронологическая разность сравниваемых между собой отрывков. Более раннее появление записи Екатерины Великой, напомним, подтверждает ее личный автограф, датирующий

Таблица 1

Сопоставление сведений из документа Екатерины II и «Истории Российской»
В. Н. Татищева

Отрывок из документа 1768 года [22, 503-504]	Отрывок из «Истории Российской» В. Н. Татищева [27, 362-363]
<p>«Великие запустевшие грады между которыми знатнейшие на правой стороне Кумы реки от Каспийского моря расстоянием до 200 верст, Маджар именованный, который в 1742 году нарочно послан описать, план и проспект снять; другой град на реке Терк от Кизляра сь 200 верст, Тартуп имянуем, имеет стены каменные и внутри церковь с башнею высокою, круглая бывших некоторых полат. На чертеже Юлат выше онаго в Большой Кабарде в горах, в которой церковь христианская стоит цела и замкнута; в ней, сказывают, что много книг греческих находится; токмо в оную, под смертию входить запрещено, а книги, сказывают, чрез окна видеть можно; охотно желал чрез посланных удостовериться, токмо и в город оной близ живущие не пустили. На Сулаке имянуемый Андреев запустели каменный город, поперек не более 150 сажень, стены толстыя и высокие, из великих камней тесанных отстроены и одни ворота имеет, но в него от суверства не пуцаиут, сказуя многия басни. Имя сие новое, данное от казаков донских, ушедших во время взятия Астрахани от атамана Андрея Шадры; и другие еще в горах города находятся; сие особо удивительно от куду так великие камни брали, ибо ни за 200 верст такого не находится».</p>	<p>«Место их обитания оставшие великие запустевшие грады уверяют, между которыми знатнейший на правой стороне Кумы реки от Каспийского моря расстоянием до 200 верст, Маджары именованы, которой я в 1742 нарочно посылаю описать, план и проспект снять <...> Другой град на реке Терке, от Кизляра верст с 200. Тартуп именуем имеет стены каменные и внутри церковь с башнею высокою, круглою, обвалены бывших нескольких палат; на чертеже Юлат (?) выше онаго в большой Кабарде в горах. В котором церковь Христианская стоит цела и замкнута. В ней сказывают, что много книг Греческих находится, токмо в оную под смертию запрещено, а книги, сказывают, что чрез окна видеть можно; я охотно желал чрез посланных удостовериться, токмо и в город оной близ живущие не пустили; на Сулаке именуемой Андреев, запустели каменный город, поперек не более 150 сажень, стены толстые и высокие из великих камней тесанных отстроены и одни ворота имеют. Но в него от суверства никого не пуцают, сказуя многия басни. Имя сие новое, данное от казаков донских, ушедших во время взятия Астрахани от атамана Андрея Шадры и другие в городах города находится. Сие, особливо о Маджарах удивительно откуду так великие камни брали. Ибо ни за 200 верст такого не находится».</p>

этот документ 1768 г. Текст же Татищева, судя по дате на обложке книги, относится к 1769 г. Однако необходимо учитывать, что «История Российская» — это посмертное издание, подготовленное задолго до выхода в свет. Следовательно, вопрос о первоначальном источнике анализируемой информации и заимствованиях не должен вызывать никаких сомнений. К тому же, установленная и вполне очевидная при сравнительном сопоставлении последовательность заимствований императрицей у Татищева интересующих нас сведений вполне объясняет и причины, почему повествование Екатерины II ведется от мужского лица, на что и обратил внимание Катанов.

Тем не менее, полагаем, что проблема продолжает оставаться откры-

той и не только в виду необходимости выявления потенциальных и непосредственных посетителей всех северокавказских объектов, упомянутых в документальных источниках, — помимо Маджара (с ним более или менее ясно) еще и «Тартупа», «Юлата» и не только их. Для решения этой проблемы необходимо вновь вернуться к документальным свидетельствам XVIII в., не только письменным, но и изобразительным, часть из которых хранится в Библиотеке Российской академии наук. Их анализ позволит реконструировать последовательность и маршруты передвижений российских исследователей и путешественников XVIII в. по Северному Кавказу и т.п., что мы и планируем сделать в ближайшее время.

Примечания:

1. Попытки иной локализации летописного Дедякова [7, 83-96], как было показано позднее [8, 112-120], недостаточно убедительны. Аналогичные сомнения вызывает и пропущенная Е. Г. Пчелиной версия А. Кобеко с иной, причем без какой-либо аргументации, локализацией Дедякова (об этом см.: [9, 154-162]). Недостаточно аргументированы и недавние версии на этот счет [10, 8-19; 11, 20-26; 12, 31-35].

2. Наименование городища «Верхний Джулат» ныне представляется искусственным и откровенно надуманным [13, 228, прим. 3], поскольку версия Х. М. Френа базировалась на прочтении им на одной из золотоордынских монет близкого по звучанию названия города [14, 43]. Однако, как следует из новых обзоров литературы [15, 10-15 и сл; 16, 232-237], необходимо учитывать следующее. Во-первых, монета «Джюлада», о которой писал Френ, происходит не с Северного Кавказа, а откуда-то с Поволжья. Во-вторых, в начале 2000-х гг. В. П. Лебедев опубликовал еще несколько таких же монет. Приводя в качестве аналогии им интересующую нас монету из каталога Френа, название их монетного двора Лебедев читает как «Сарай» [17, 277-282], что не позволяет принимать версию Френа как исчерпывающую и полагать, что название «Верхний Джулат» может быть отнесено к Татаргупу-Дедякову [18, 322-330].

3. Катанов Николай Федорович (1862-1922) — с декабря 1884 г. обучался в С.-Петербургском университете; с апреля 1894 г. — Действительный член, проф. Императорского Казанского университета, «член-сотрудник» «Общества археологии, истории и этнографии» Казанского Императорского университета. Тюрко-

лог, этнограф, с 1907 г. — доктор сравнительного языкознания, а затем — пожизненный член указанного «Общества...» [4, 214, № 239].

4. Н. Ф. Катанов называет этот том «заключительным томом сочинений императрицы», хотя был издан еще один, XII, вспомогательный том с различного рода указателями и пр.

5. О стратегическом месторасположении этого раннесредневекового укрепления свидетельствует и тот факт, что и в первой половине XIX в. (1819 г.), в непосредственной близости от Андрейаульской крепости, было заложено российское военное укрепление — крепость «Внезапная». Один из инициаторов ее строительства, генерал А. П. Ермолов, объяснял это достаточно просто. Крепость, по его утверждению, прикрывала традиционную и стратегическую переправу через р. Сулак, посредством которой легко «связывались» территории Чечни, Салатавии и Дагестана [25, 6]. По-видимому, казаки атамана А. Шадры документа Екатерины II, «освоившие» этот «городок, расположенный близ окраин русских владений», руководствовались именно этими ландшафтно-стратегическими преимуществами расположения крепости.

---

1. Леонид Петрович Семенов. Серия: Российские исследователи Кавказа. История, археология и этнография. Армавир, 1994. Вып. 2.

2. Тахо-Годи Е. А. Литературная предыстория псевдонима ученого: Л. П. Семенов — Глыбов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2012. № 6. С. 127-133.

3. Семенов Л. П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.

4. Сидорова И. В. Ученое братство Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878-1931 годы). Казань, 2014. Ч. 1.

5. Катанов Н. Ф. Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа // Известия Императорского Казанского университета. 1907. Т. XXIII. Вып. 3. С. 228-244.

6. Пчелина Е. Г. О местоположении ясского города Дедякова по русским летописям и археологической литературе // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 114: Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963. С. 152-161.

7. Марковин В. И., Ошаев Х. Д. О местоположении ясского города Дедякова // Советская археология. 1978. № 1. С. 83-96.

8. Мамаев Х. М. О городе Дедякове и Алхан-Калинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 112-120.

9. Нарожный Е. И. Русско-ордынский поход против «славного ясского города» в контексте политической обстановки на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2009. Вып. 2. С. 154-162.

10. Кодзоев Н. Д. О местонахождении «славного ясского города Дедякова» // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева. 2016. № 1. С. 8-19.

11. Кодзоев Н. Д., Хайров Б. А. К вопросу исторической этимологии топонима «Дедяков» (в дополнение к сказанному) // Актуальные проблемы алановедения: Материалы научного семинара. Магас, 2016. С. 20-26.

12. Тариева Л. У. К вопросу о славном городе Дедякове и об ингушском термине

«Даь-даь ков» // Актуальные проблемы алановедения: Материалы научного семинара. Магас, 2016. С. 31-35.

13. Нарожный Е. И. О локализации «Трехстенного городка» на Нижнем Тереке: некоторые вопросы исторической географии XIII-XVII вв. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Ялта — Казань — Кишинев, 2016. С. 225-231.

14. Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832.

15. Кузнецов В. А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2014.

16. Савенко С. Н. К исторической топографии Нижнего и Верхнего Джулатов золотоордынского времени (историографические аспекты) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Ялта — Казань — Кишинев, 2016. С. 232-237.

17. Лебедев В. П. Новые данные о раннеджучидском чекане Хорезма и Сарая // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1. С. 277-282.

18. Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б. О монетных дворах Северного Кавказа XIII-XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 4. С. 322-330.

19. Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Плагиат Екатерины II // Российский исторический журнал. 1994. № II. С. 3-8.

20. Нарожный Е. И. В. Н. Татищев как организатор первых исследований Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2003. № 12. Приложение. С. 111-117.

21. Нарожный Е. И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2010.

22. Сочинения Императрицы Екатерины II с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. Т. XI: Труды исторические. Записки касательно Российской истории. СПб., 1906.

23. Мамаев Х. М. Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 79-94.

24. Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

25. Гаджиев Б. И. Царские и Шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала, 2006.

26. Шенников А. А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Л., 1987.

27. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2.

ЛИДЕРСТВО У ГОРЦЕВ КАВКАЗА В XIX В.: АБХАЗСКИЙ ВАРИАНТ

С. С. Пигарь

Возрождение в настоящее время различных элементов традиционной политической культуры кавказских горцев заставляет обратиться к эпохе, когда эта культура существовала в ее оригинальном состоянии — до и в процессе вхождения Кавказа в Россию в XIX в. Одним из важнейших ее аспектов является лидерство, ярко проявлявшееся в абхазском обществе. У кавказских горцев персональный авторитет являлся сочетанием репутации и связей и определял успех и влияние личности. Титул, сословная принадлежность, богатство являлись подчиненными факторами, соответственно, политическая иерархия не совпадала с социальной. Персональные качества и репутация лидера лежали в основе его власти. Власть как таковая воспринималась горцами как одно из свойств личности. Власть лидера основывалась на численности его добровольных приверженцев, которые поддерживали отношения взаимовыгодного сотрудничества со своим лидером. Поскольку личность лидера была неотделима от сообщества его последователей, лидерство было, скорее, феноменом не личностным, а корпоративным. В основе абхазской культуры лежало стремление не подавить социальную активность людей, а регулировать ее таким образом, чтобы рост влияния лидера, его богатства и известности могли бы рассматриваться как достижения его группы. Более того, команда лидера не только поддерживала его, но и существенно ограничивала его амбиции. Традиции самоуправления в горском обществе не допускали политических лидеров к участию в экономической и духовной жизни общества. Эти функции выполняли лидеры особого типа — старейшины, которые были ведущей силой в неполитических областях общественной жизни. Они являлись посредниками между субъектами и объектами политических отношений, исполняя роль стороннего наблюдателя, дающего морально-правовую оценку происходящим событиям.

Ключевые слова: Кавказ, лидерство, авторитет, социальные отношения, политическая культура.

Renaissance of various elements of Caucasian highlanders' authentic political culture at present necessitates the revision of the time when this culture functioned in its original state — before and during the integration of the Caucasus into Russia in the XIX century. One of the important aspects of that was leadership, vividly exemplified by the Abkhazian society. Personal authority among Caucasian highlanders resulted from the combination of reputation and connections, and defined the success and influence of a person. Titles, estates, and wealth were subordinate factors; therefore, the political hierarchy did not match the social one. Personal qualities and reputation of a leader were the basis of his power. For the highlanders power itself was an element of personality. The leader's power was based on the number of his voluntary followers, which forced people to maintain mutually beneficial cooperation with the leader. As the leader's personality was an integral part of his followers' society, the leadership among the highlanders was rather a corporate phenomenon than a personal one. The goal of the Abkhazian culture and society was not to suppress people's social activity, but to regulate it so that the growth of the leader's influence, wealth, and fame would be considered as an achievement of his group. Moreover, the leader's team did not only support him, but also significantly limited his ambitions. Highlanders' self-government traditions prevented political leaders from participating in the economic and spiritual spheres. There was a special type of leaders in the Caucasus — the elders, which were the dominant force in the non-political aspects of the society's life. The elders were a medium between subjects and objects of political system. They served as outside observers responsible for the moral appraisal and legal evaluation of all current events.

Keywords: Caucasus, leadership, authority, social relationship, political culture.

Сегодня очевидно, что, невзирая на исторические перипетии XX века, горские народы Кавказа не утратили своеобразие общественного строя. Возрождение многих элементов самобытной политической культуры заставляет вспомнить времена, когда ее можно было наблюдать в своем целостном и не искаженном виде — в период включения Кавказа в состав России. Один из наиболее важных и своеобразных элементов этой культуры — лидерство.

В горско-кавказском обществе, лишенном жесткой социальной дифференциации и бюрократического аппарата контроля и управления, власть утверждалась и реализовывалась по иным законам, нежели в Российской империи или царствах и княжествах Грузии. В XIX в., когда горцы еще сохраняли свою социально-политическую структуру, Кавказ поражал слабой властью местной элиты, ее тесными взаимоотношениями с массой простолюдинов, непропорционально большим количеством людей, претендующим на власть в каждой общине, каждой местности или целом народе. Интеграция региона в состав России ставила перед имперской армией и административным аппаратом вопрос о том, как управлять местным населением, разобщенным географически, этнически и конфессионально, чья система жизнеобеспечения покоилась на глубоких традициях самоуправления и групповой солидарности. Стремление опереться на местных лидеров и вести с ними дела как с полновластными правителями, а к их подданным относиться как к покорной массе, приводило к управленческому фиаско. Имперские чиновники и офицеры, представители общества с развитой социальной и служебной иерархией, с негодованием взирали на политическую практику горского Кавка-

за. Здесь было обыкновением, что выходцы из знатнейших родов могли быть лишены всякого влияния, пребывали в безвестности и нищете, тогда как множество незнатных людей добивались выдающегося положения в обществе, а важные управленческие решения принимались посредством долгого обсуждения между народом и его предводителями и на условиях получения обоюдной выгоды.

Лидерство у абхазов — наглядный пример того, что этот институт представлял собой в горском социуме той поры.

Современники, описывавшие социально-политический уклад горских народов Кавказа в XIX в., давали абхазским реалиям такие характеристики: «Предприимчивый, энергичный и смелый человек, владеющий деревней, может стать грозным и создать себе репутацию, которая увеличит его богатство» [1, 146]; «степень влияния каждого лица из [благородных] сословий зависит от лично заслуженного уважения. Сильный дворянин имеет более веса, чем слабый князь» [2, 343]. Относительно верховного правителя страны писали: «Власть владетеля зависит более всего от его личных достоинств и от того влияния, которое он приобрел на народ» [3, 23]. В 1866 г. изучавший сословные взаимоотношения в Абхазии титулярный советник А. П. Черепов отметил, что здесь «привилегированные роды также покоряются личности, как и простые смертные» [4, 160]. Таким образом, согласно источникам, перед фактической способностью обрести влияние никакие формальные ограничения (титул, социальное происхождение) не являлись абсолютными.

Это свидетельствовало о чрезвычайно высокой роли персональных качеств в общественном статусе человека

у абхазов. В стране не было отделенных от населения формализованных институтов управления и обособленной категории управленцев (чиновников). Хозяйство носило натуральный характер, при котором отсутствовало понятие частной собственности (господствовало трудовое право на землю), а товарно-денежные отношения целенаправленно ограничивались в пользу реципрокного обмена. Основой социальной системы являлись самоуправляющиеся родственные и соседские коллективы, основанные на традициях групповой солидарности (см. подробнее: [5]). Это были единственные формы упорядоченности в абхазском социуме, на которые могли опереться лидеры, но платой за лояльность таковых стала необходимость выстраивать отношения между правящим и подчиненным слоями общества на взаимовыгодных условиях. Поэтому властные отношения у горцев реализовывались в форме патрон-клиентских, основанных на непреложных взаимных обязательствах сторон и консенсусном способе принятия решений (см. подробнее: [6]). В 1820 г. этой системе властных отношений была дана такая характеристика: «Владельческий князь Абхазии пользуются в отношении дворян такой же властью, какой те пользуются в отношении своих крестьян. Он является всего лишь старшим родственником, который пользуется влиянием, но не имеет ни законодательной, ни исполнительной власти» [1, 145-146].

В такой ситуации мерилom успешности и могущества человека становился его персональный авторитет, в котором соединялись репутация и широта личных связей, а титулы, должности, сословная принадлежность или богатство играли подчиненную роль. Это была основа общественного статуса горца,

в зависимости от которой находились его материальное положение, политические возможности и даже психологическое состояние. В 1834 г., владелец Абхазии Михаил Чачба (Шервашидзе) признавался в письме: «Таковы наши обычаи... что только владея общим мнением, я могу управлять вверенным мне народом, и что, лишаясь уважения онаго, я лишаясь всякой над ним власти» [7, 446]. Преступая черту, за которой рушилась добрая репутация, абхазский лидер рисковал потерять все: могущество, социальный статус и даже жизнь. Например, в 1813 г. двое крестьян убили удельного правителя Самурзакан (восточная Абхазия. — С. П.) М. Чачба (Шервашидзе) и родственника владельца всей Абхазии, тем самым упредив готовившуюся над ними расправу. На состоявшемся впоследствии Народном Сходе убийцы были полностью оправданы, когда выяснилось, что покойный князь покушался на честь супруги одного из них [8, 129, 133]. Дискредитирующая князя причина гибели полностью обесценила его жизнь. Значение репутации оказалось важнее знатности и могущества.

Еще строже была зависимость горского лидера от своего персонального окружения: значение последнего было столь высоко, что его утрата, например, для аристократа, был чревата переходом на более низкую социальную ступень. Так, ветви могущественных княжеских фамилий Чачба (Шервашидзе) и Гечба, оказавшись за пределами ареала влияния своих фамилий: первая в Сванетии, а вторая в окрестностях Сухума (Гечба правили в Западной Абхазии), превратились в лично свободных крестьян, а князя Амаршан (Маршания), живущие в Убыхии (совр. район Сочи) считались только дворянами [9, 155-156]. Имеются сведения за 1868 г. о

живущих в окрестностях Сухума представителях влиятельной аристократической фамилии Маан (Маргания). Рассматриваемая семья не обладала должным кругом приближенных, а потому они «хотя и принадлежат к настоящим Маргани... но никогда не пользовались никаким значением будучи очень бедны... Пахотной земли они занимали очень мало, только то, что было около их усадеб и в этом отношении положение... анхае (абх. *крестьяне*. — С. П.), живших там же... было несравненно лучше» [10, 479].

В случае же, когда человек благодаря личным качествам приобретал высокий авторитет, ситуация была диаметрально противоположной. Яркий тому пример приводил в 1837 г. В. Розен, когда, описывая положение русских дезертиров и пленных, живущих в Цабале (горная провинция Абхазии), упоминал, что один из них, «старик, проживший в Цебельде более 30-ти лет, одаренный от природы хорошим понятием, пользуется некоторым уважением даже у самих князей, которые нередко допускают его к разбору своих ссор» [11, 459]. Учитывая его иноземное происхождение и изначально маргинальный статус, способность достичь такого авторитета среди абхазов была поразительна.

Приоритет персонального авторитета ярко проявлялся при наследовании власти, препятствуя ее прямой передаче от отца к сыну и закреплению лидерства за конкретными семьями. Авторитет — нематериальный капитал. Он всегда связывался с конкретным человеком и исчезал, когда тот умирал. Поэтому, даже в случае если статус главы-покровителя какой-либо местности страны закреплялся за определенным кланом (но не семьей!), он «всегда переходил в руки одного из многих не по старшинству, а по личному достоин-

ству каким бы путем человек не достиг первенства» [4, 159].

Стоит отметить, что в процессе вхождения Абхазии в состав Российской империи значение персонального авторитета стало определяющим фактором во взаимоотношениях местного населения и государственной системой управления. Имперская администрация, как сила управляющая, воспринималась таковой в глазах местного населения только при условии ее привязки к личности сильного характером и влиятельного руководителя. Всякие договоренности и правила в отношении управляющих инстанций и войск понимались местным населением как заключенные с конкретным их представителем, а не безликим чиновничьим аппаратом. Пример тому — фигура генерала А. Г. Пацовского (1788-1839 гг.), его взаимоотношения с населением Бзыбской Абхазии: «Значение, которое Пацовский умел приобрести в глазах абхазцев, отзывалось на всех русских. В Бзыбском округе... не было слышно о нападениях на наших солдат, ходивших поодиночке в самые дальние селения. Абхазцы встречались с ними как с добрыми знакомыми, детьми Пацовского, которого они любили» [12, 36]. При других администраторах, не сумевших снискать авторитет у местных жителей, такие взаимоотношения носили явно враждебный характер.

Такое понимание власти обуславливало одну из важнейших особенностей лидерства у абхазов и, шире, у кавказских горцев: грань между господствующим классом и подвластными определялась не принадлежностью к тому или иному сословию, а фактом реального общественно-политического преимущества одной персоны над другой в конкретных обстоятельствах. Абхазский социум «несмотря на разли-

чие сословий... состоял из элементов покровительствующего и покровительствуемого. В абхазском языке эти понятия выражаются словами: *ахылапшыу* — патрон, покровитель, заступник и *хипши* — состоящий под покровительством, подвластный, зависящий» [13, 4]. Поэтому правящий слой в рассматриваемом социуме имел разнородный социальный состав: князья, дворяне и влиятельные лично свободные люди незнатного происхождения составляли единую категорию лидеров-покровителей (патронов). Категория подвластных также была всесословной: «Класс хипши — покровительствуемых — представляет собою совокупность родов всех сословий... В этом случае классовые отличия не имеют мест» [4, 160].

Интересно, что это отражалось на правовой оценке тяжести убийства человека: уничтожение простолюдином аристократа, как следствие преступного поведения последнего, не считалось у абхазов экстраординарным преступлением и зачастую влекло за собой лишь уплату штрафа в пользу родственников жертвы. Так было в случае убийства князя Цамба, дворян Инал-ипа и Эмхаа (Эмухвари) [14, 24-25].

Важно обратить внимание на роль социального происхождения в качестве источника власти. Сама по себе знатность не гарантировала лидеру серьезных политических преимуществ, однако, учитывая унаследованный от средневековья престиж знатности, серьезно облегчала ему задачу легитимации собственного лидерства, подкрепляло его авторитетом «благородного» сословия.

Весомую роль знатность играла только в самом верхнем эшелоне власти, всегда представленном лишь несколькими людьми: верховным правителем страны — владетельным князем из рода Чачба (Шервашидзе), а также

удельными князьями (фамилии Чачба, Амарщан (Маршания), Гечба) управлявшими целыми провинциями страны. Но и среди них обретение власти определялось авторитетностью, а не правом родства и наследования. Это объясняет, почему вопрос о том, кто конкретно из представителей могущественного рода станет его лидером и возглавит подопечные земли, хронически приводил таковые к расколу. В конфликт втягивалось подвластное население, и между конкурирующими партиями начиналась борьба, открытая и тайная, не на жизнь, а на смерть. Примерами тому междоусобная борьба князей Амарщан (Маршания) за власть над областью Цабал в 60-х гг. XIX в. или спор между двумя ветвями фамилии Чачба (Шервашидзе) за господство над провинцией Гумаа (совр. Сухумский район), длившийся всю первую половину XIX в. Причиной ожесточенного противостояния была не только жажда власти, но и сам ее характер в Абхазии, где лидерство было персонифицированным: власть и привилегии, которыми обладали владетель и удельные князья, не распространялись на весь их род и даже его отдельную ветвь — патронимию [3, 23; 2, 355].

Таким образом, в политической культуре абхазов приоритетную роль в обретении статуса лидера играли персональные качества. На высшем, княжеском уровне власть передавалась главным образом не по линии одной семьи, а в пределах патронимической группы или целой фамилии. Это в частности означает, что власть князей и крупных дворян в Абхазии XIX в. являлась возобновляемой. Круг потенциальных преемников внутри фамилии мог сужаться только до масштабов отдельной патронимии, все равно состоящей не из одной, а нескольких больших семей.

Социальное происхождение становилось дополнительным аргументом в обретении власти только в случае принадлежности потенциального лидера к конкретной фамилии, обладающей политически весом. На низовых уровнях организации власти социальный состав лидеров был смешанным. Необходимым условием наделения властью являлось непосредственное участие в жизни подвластного населения, поэтому роль персональных качеств потенциального лидера становилась определяющей. Здесь действовал принцип социального лифта, а сословное происхождение оказывалось несущественным фактором. Ряд примеров тому приводил в 1872 г. А. Н. Введенский: в сообществе (*акыта*) Отхара семья Чачба (Шервашидзе), изначально правившая там, не сумела «поддержать своего значения», и жители, «признававшие их покровительство, перешли под покровительство выходца из Кабарды, Цивш»; в с. Дихазурга крестьяне из рода Микаа перехватили власть у дворян Маан (Маргания) [14, 22-23]. «Во всех этих случаях обладание тавадским и аамстинским (княжеским и дворянским. — С. П.) званием ничего не значило, если представители их делались неспособными к тому делу, к которому были призваны. Они терялись в толпе и уступали место тем, кого предпочитал им народ, причем неаристократическое происхождение последнего ничего не значило перед его заслугами, умом, ловкостью и энергией» [14, 22-23].

Как следует из этого источника, не знатность, а народная симпатия и эффективное выполнение своего призвания открывало претендентам путь к лидерству. О каком призвании идет речь? Вспомним, что власть у горцев реализовывалась в форме патрон-клиентских отношений, которые предпо-

лагали наличие обоюдных обязательств между господином и подвластным, а при их нарушении прекращались. Основной формой социально-политического устройства Абхазии были *акыта* — территориальные всесословные сообщества (см. подробнее: [15]), во главе каждого из которых стоял покровитель — *ахылапшюу*, обязанный обеспечить безопасность своих подвластных. Они в свою очередь должны были оказывать поддержку его политическим устремлениям.

В итоге оказывалось, что эффективный защитник становился главой множества сообществ, что в свою очередь увеличивало число его приверженцев. Личные качества обеспечивали репутацию, а та — влияние: «Пользовавшихся известностью ахылапшюу признавали патронат нередко многие общины... В таких связях обе стороны находили свою долю выгод: ахылапшюу увеличивали влияние на дела края числом общин, состоявших под их покровительством... а хипшы в... той силе, какую располагали патроны для охранения безопасности каждого союза» [4, 160]. На практике это означало, что могущество политических игроков в стране определялось числом и размерами подконтрольных *акыта*. Не случайно в связи с этим, что верховный правитель Абхазии, владетельный князь, был покровителем двух наиболее крупных по размерам и населению сообществ в стране — Лыхны и Джгерды.

Другой важный факт, который указывает на прозрачность социальных перегородок в рассматриваемом обществе, заключается в том, что аристократия не являлась замкнутой группой элитарных фамилий, заключающих браки исключительно между собой. Даже владетельный князь мог жениться на простолудинке, как это сделал Келеш-бей

Чачба (Шервашидзе) (1747-1808), женатый вторым браком на крестьянке из рода Лейба, без существенной потери престижа. Полезные родственные связи были важнее сословной спеси, что мотивировало знать идти на заключение уз кровного или фиктивного родства с незнатными крестьянскими фамилиями. Как писал Г. А. Рыбинский, «между крестьянами... дворянин ловко пользуется для своих целей молочной роднею, которая пойдет в огонь и воду по его требованию. [Он] может заставить ее совершать даже преступление, ибо молочный брат подчиняется ему как загнипнотизированный, лишенный личной воли человек» [16, 309].

Все описанное выше позволяет заключить, что в абхазском обществе:

а) политическая иерархия не совпадала с сословной, а носила надсословный характер. Правящий и подвластный слои общества имели смешанный социальный состав;

б) власть понималась горцами не как безликий институт (как в социумах со сложившейся системой контроля и управления — бюрократией), а как свойство личности. Поэтому личные качества и персональный авторитет лидера были определяющими факторами в обретении и удержании власти;

в) могущество лидера основывалась на массе его добровольных приверженцев, что обуславливало актуальность взаимовыгодного сотрудничества с ними.

Особое состояние, когда лидер не был отчужден от своих подопечных ни бюрократическим аппаратом, ни жесткими социальными перегородками, приводило к тому, что горское лидерство представляло собой феномен не столько личностный, сколько корпоративный, когда персона предводителя неотделима от массы его приближен-

ных. Поэтому, например, обязательства по кровной мести в адрес патрона распространялись не только на его семью, но на всех его клиентов. Основой такого лидерства был баланс между двумя противоположными формами социального бытия: выраженным индивидуализмом лидера и групповой солидарностью, при которой приближенные не противостояли ему, а были связаны со своим патроном в единую систему. Горский предводитель не был отчужден от рядовых членов тех родственников и соседских коллективов, на которые опирался. Это был не полновластный диктатор, а первый среди равных. Отсюда проистекало два важных социокультурных следствия.

Первое заключалось в том, что культура и социум у абхазов не подавляли социальную активность личности, ее желание утолить собственные амбиции, а стремились их регулировать таким образом, чтобы растущее влияние, богатство и слава человека становились достоянием не его одного, но тех родственников и соседских групп, к которым он принадлежал. В результате всякий коллектив был заинтересован в успешной социальной активности своих членов. Те из них, кто был на этом поприще успешен и достигал лидирующих позиций, воспринимались как ценное достояние коллектива, а их жизни обретали особую значимость. Например, в середине XIX в. князья Амарщан (Маршания) совершили нападение на сообщество Члоу, управляемое князем Батой Ачба. Он организовал погоню за нападавшими, настиг их и вступил в бой, в результате которого погибли предводители с обеих сторон. Оба они были представителями равных по знатности княжеских фамилий, к тому же организатор нападения поплатился за него жизнью. Тем не менее, Б. Ачба об-

ладал большим личным авторитетом, а потому его род счел себя пострадавшей стороной как потерявший «более выдающегося человека» [17, 82].

Второе следствие: всякое родственное и соседское объединение, на которые опирался лидер как их член и руководитель, не только оказывало ему всестороннюю поддержку, но и одновременно ограничивало его активность и амбиции, выступая как полноправный коллективный политический партнер. Патрон находился под постоянной угрозой утраты своих клиентов в случае, если его действия оборачивались для них слишком большими издержками. Под давлением подвластных лидеры порой отказывалась даже от священного для Кавказа долга мщения: «не мстили не потому, что не могли мстить, а потому, что... выгоды, которых они лишались с потерей всех подвластных, не сочувствовавших вражде... предпочитали чувству оскорбленной чести» [14, 25].

Оба эти следствия объясняют ситуацию положительной обратной связи между индивидуализмом лидера и коллективизмом тех групп, на которые он опирался: целостность, сила и богатство всякого коллектива зависели от успехов его лидера в той же мере, в какой его собственное положение в обществе, безопасность и широта возможностей — от поддержки коллектива приверженцев.

Важной особенностью менталитета горских народов Западного Кавказа, отразившейся в их политической культуре, было понимание политической власти как сугубо светской области человеческой деятельности, которая была лишена сакральности, что было естественно для общества конфессионально неоднородного, лишенного (в отличие от Дагестана и Чечни) всякого религи-

озного фанатизма, а равно и политически влиятельного духовенства¹. Вкупе с традициями народного самоуправления такое понимание власти привело у абхазов к отчуждению политических лидеров от участия в хозяйственной и духовной жизни народа, породив особую, неполитическую форму лидерства. Она, разумеется, основывалась на персональном авторитете, но теперь уже не политической и воинской, а духовной природы.

Характерной чертой жизни горских народов Кавказа была особая роль людей старшей возрастной категории внутри всякого коллектива — старшинство. Эта роль основывалась на высоком значении, которое философско-этическая система доиндустриального общества придавала возрасту человека². Посему, когда в единый коллектив соединялись люди, примерно равные друг другу по политическому и социальному статусу, наибольшим авторитетом наделялся старший по возрасту, разумеется, при условии должной интеллектуальной и физической дееспособности. Всякая социальная группа — родственная и соседская, спаянная общностью жизненного пути и чувством солидарности, имела своего старшего.

Старшинство одного человека существует только в сравнении с другими, поэтому всегда будет иметь строгую привязку к конкретной группе людей. За пределами собственной группы, во взаимоотношениях с членами общества, не входящими в нее, то есть чужаками, старшинство обязывало последних не более чем к общепринятым нормам этикета. Внутри всякой группы лояльность рядовых ее членов к своему старшему основалась на сугубо личных связях, а также нравственных стандартах, принятых у горцев. Лидерство, основанное на старшинстве, имело неполитическую

природу. В то же время старшинство могло сыграть позитивную роль в упрочении авторитета политически активной фигуры. Поэтому следует различать старшинство как один из источников личного авторитета и вырастающую на его основе неполитическую форму лидерства — старейшин.

Суть феномена старейшин у кавказских горцев заключена в том, что по достижении преклонных лет человек обретал статус носителя социального опыта и хранителя нравственных канонov жизни общества, получая право давать морально-правовую оценку поступкам людей и трактовать происходящие события. Умудренность жизненным опытом воспринималась как особое духовное качество человека, связанное с религиозными представлениями: термин, которым абхазы обозначали наиболее старых и авторитетных старейшин — *анаимбар*, — означает «ангел». Старшинство и святость в мировоззрении абхазов были связаны. Не случайно функции жрецов родовых и территориальных культов выполняли исключительно старейшины, выступая посредниками между народом и высшими силами — богами, духами и душами предков. Этим обеспечивалась духовная самостоятельность массы населения по отношению к политическим руководителям, лишённым возможности манипулировать этико-правовыми нормами и духовными воззрениями по своему усмотрению.

Обретая особый нравственный статус, старейшины оказывались как бы вне социальной градации и политической иерархии. Они становились обособленной неформальной социальной группой, осуществляющей контроль над информацией в обществе.

Внутри собственных коллективов старейшины выполняли функцию рас-

порядителей материальных и трудовых ресурсов внутри родственных, а порой и соседских сообществ. Это положение было закреплено в традициях народа и выражалось формулой: «Делай сказанное стариками, кушай сделанное молодыми». У горцев люди преклонного возраста не исключались из трудового процесса, а меняли специализацию, продолжая участвовать в общественном разделении труда. Теперь они выполняли функцию хозяйственного управляющего, а молодое и среднее поколения — функцию производителя.

Кроме того, старейшины исполняли роль представителей своих родственных и соседских сообществ на народных сходах, во взаимоотношениях с административным начальством и в судебных тяжбах. Однако не в роли единоличного владыки, что превращало бы их в политических лидеров, а в роли выразителей общей воли тех коллективов, которые они представляли. Влияние старейшины покоилось на репутации наиболее умудренного жизнью родича и соседа, разделяющего все перипетии жизни с теми, кого он представлял. Статус старейшины мог быть только заслужен и не передавался по наследству.

Старейшины принимали участие в политической жизни, но, учитывая возрастные возможности и в соответствии с заданными традициями образом старости, не в качестве предводителей, а в качестве выразителей общественного мнения и посредников в конфликтах. Иными словами, старейшины не являлись в полном смысле слова ни субъектами и объектами политических отношений, а выполняли двоякую роль посредника между таковыми и одновременно — роль стороннего наблюдателя, дающего морально-правовую оценку происходящим событиям. В этом был

глубокий рациональный смысл, ибо политические конфликты зачастую раскалывали фамилии, общины и сообщества. Занимая нейтральную позицию в политических процессах, старейшины сохраняли за собой статус хранителя единства коллектива, арбитра в спорах между его членами. Сосредотачиваясь на хозяйственных, социальных и духовных сферах, старейшины господствовали в неполитических аспектах жизни общества. В результате, политические лидеры не рассматривали старейшин как своих прямых конкурентов, а потому не боролись с ними.

По сути старейшины — это особая, неполитическая форма лидерства, самобытный институт, выполняющий роль коллективного редистрибутора в хозяйстве, а также духовного наставничества. Поодиночке старейшины не являлись самостоятельной политической силой. Но в совокупности, как обособленная половозрастная категория лю-

дей, обладающая привилегиями и солидарностью, они являлись важным компонентом общественного строя горцев, и всякая политическая сила обязана была с этим считаться.

Складывается картина параллельного существования двух форм лидерства: политической и духовной, совершенно чему всякий горский коллектив обладал двумя организующими центрами: в лице наиболее влиятельного в обществе, политически активного человека — патрона, а также в лице духовного лидера — старейшины. Такое распределение влияния между двумя центрами имело двоякое значение: с одной стороны, оно исключало контроль лидеров сразу над всеми сферами жизни людей, с другой — придавало дополнительную внутреннюю устойчивость обществу в целом и каждому коллективу в отдельности, наделяя их не конкурирующими, а взаимодополняющими центрами власти.

Примечания:

1. Если не считать таковыми османских мулл — людей пришлых, призванных быть идеологическим инструментом в геополитической борьбе на Кавказе.
2. По интересному наблюдению О. В. Маан, у абхазов существовало две независимые системы возрастной градации людей. Если одна отражала психо-физиологическое состояние человека, то вторая — его нравственную зрелость и социальную роль [18].

---

1. *Гибаль П.* Сведения об экономическом положении и социальных отношениях в Абхазском княжестве за 1820 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2008. Т. I. С. 133-151.

2. *Завадский Ф.* Абхазия и Цебельда // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.)*. Сухум, 2005. Кн. I. С. 341-360.

3. *Бутков В.* Записка о вознаграждении владельца Абхазии М. Г. Чачба (Шервашидзе) в связи с предполагаемым упразднением автономии Абхазии от 1864 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 22-28.

4. Черепов А. П. Краткие заметки титулярного советника о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии за 1866 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 154-171.
5. Пигарь С. С. Традиции народовластия и формы самоорганизации населения на западном Кавказе в XIX в. (на примере абхазов) // *Историческая психология и социология истории.* 2015. № 2. С. 80-97.
6. Пигарь С. С. Патрон-клиентские отношения у абхазов в XIX в. // *Проблемы истории, филологии и культуры.* 2015. № 4. С. 185-192.
7. Шервашидзе М. К. Письмо барону Розену от 5-го марта 1834 г. // *Акты Кавказской Археографической Комиссии.* Тифлис, 1888. Т. VIII. С. 446.
8. Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949.
9. Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.
10. Пахомов А. В. Объяснительная записка управляющего имениями Г. Чачба-Шервашидзе губернского секретаря А. В. Пахомова в сухумскую поземельную комиссию за 1868 г. // *Материалы по истории Абхазии XIX в.* Сухум, 2012. Т. III. С. 415-514.
11. Розен Г. В. Отношение командира отдельного кавказского корпуса к военному министру от 8-го мая 1837 г. // *Акты Кавказской Археографической Комиссии.* Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 459-460.
12. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. 1.
13. Краевич П. Д. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // *Сборник сведений о кавказских горцах.* Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-25.
14. Введенский А. Н. Абхазы (Азегга) // *Сборник сведений о кавказских горцах.* 1872. Вып. VI. С. 1-48.
15. Пигарь С. С. Формы территориально-политической самоорганизации абхазов в XVIII-XIX вв. // *Этнографическое обозрение.* 2014. № 3. С. 117-127.
16. Рыбинский Г. А. Скотокрадство в Абхазии // *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX — нач. XX вв.).* Сухум, 2008. Кн. II. С. 308-312.
17. Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории.* Сухуми, 1956. Т. XXVII. С. 71-125.
18. Маан О. В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сухум, 2003.

РОД БАЕВЫХ В ИСТОРИИ ОСЕТИИ (XIX — НАЧАЛО XX в.)

И. Т. Марзоев

В статье представлено историко-генеалогическое исследование фамилии Тагаурского общества Северной Осетии Баевых, основанное на архивных источниках и опубликованных материалах. Фамилия Баевых дала Осетии ряд ярких представителей военной интеллигенции, деятелей науки, общественных и политических деятелей. В статье рассмотрены исторические судьбы представителей этой фамилии в XIX — начале XX в.: генерал-лейтенанта Гадо Баева, блестящего финансиста Льва Баева, героя русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Александра Баева, георгиевского кавалера, участника Дунайской компании Захара Баева, активного члена «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» Василия Баева, участника Белого движения генерал-майора Павла Баева, ученого-астролога, профессора астрономии Константина Баева, организатора ветеринарной службы в Осетии Петра Баева, первого городского голову Гаппо Баева, офицера Генерального штаба Дзандара Баева, присяжного поверенного Измаила Баева, доктора математических наук Андрея Баева, известного революционера Чермена Баева и др. Материалы исследования существенно дополняют историю Осетии, способствуют более глубокому и обновленному исследованию генеалогии осетинских фамилий.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Северная Осетия, военная интеллигенция, образование, общественно-политическая деятельность, революция.

The article presents the historical and genealogical research of the Baevs family (North Ossetia's Tagaurian society), based on archival sources and published materials. The family of Baevs gave to Ossetia a number of prominent representatives of the military intelligentsia, as well as the scientific, public and political figures. The article considers the historical fates of this family representatives in the XIX — early XX century: lieutenant general Gado Baev, an outstanding financier Leo Baev, a hero of Russian-Turkish war of 1877-1878 Alexander Baev, the St. George beau Order, a member of the Danube company Zahar Baev, an active member of the «Society for the spread of education and technical information among the highlanders of the Terek region» Basil Baev, a member of the White movement major general Paul Baev, an astrologer scientist, professor of astronomy Konstantin Baev, veterinary service organizer in Ossetia Peter Baev, the first mayor Gappo Baev, an officer of the General headquarters Dzandar Baev, attorney Ishmael Baev, professor, mathematician Andrei Baev, a famous revolutionary Chermen Baev, et al. The study materials substantially complement the story of Ossetia, contribute to a deeper and updated studying of the Ossetian families' genealogy.

Keywords: Russia, Caucasus, North Ossetia, military intelligence, education, social and political activity, revolution.

С начала основания крепости Владикавказ при ней возник аул из осетин-христиан, которые принимали самое деятельное участие во всех войнах под русскими знаменами, не уступая по беззаветной преданности терским казакам.

В 1840 г. они заняли под поселение участок земли в 10-ти верстах от Вла-

дикавказа по реке Камбилеевке, куда переселились в 60-х гг. XIX в. из Владикавказа, основав самостоятельное сельское общество. «В 1869 г. Августейший Наместник Кавказский Великий Князь Михаил Николаевич и Великая Княгиня Ольга Федоровна осчастливили своим посещением это селение и здесь, в воздаяние заслуг, проявленных этим

обществом на поле брани, Великая Княгиня Ольга Федоровна лично изъявила желание окрестить это общество своим именем. С этого времени бывший Владикавказский аул получил название «селение Ольгинское» [1, 6].

Одной из самых ярких фамилий среди основателей этого селения были Баевы (рис. 1.). БАЙ — родоначальник фамилии Баевых, был сыном от второго брака Галоя Смайлиева, жителя аула Тменикау в Санибанском ущелье Северной Осетии, происходившего из рода тагаурских алдар Тугановых. Ребенком был взят в аманаты в числе 40 мальчиков и отвезен в Кизляр. Был женат дважды. В первом браке у него родился сын Асахмат. Во втором браке он был женат на Колиевой, от которой имел трех сыновей: Бало, Хусина и Хасана [2, 1].

АСАХМАТ БАЕВИЧ, умер неженатым.

БАЛО (РОМАН) БАЕВИЧ, трагически погиб, оставив шестерых детей.

ХУСИНА (ГЕОРГИЙ) БАЕВИЧ (род. в 1794 г.), подпоручик Русской Императорской армии. Был женат на Газдановой. Награжден крестом «За службу на Кавказе». Его портрет работы К. Л. Хетагурова хранится в Художественном музее им. М. С. Туганова во Владикавказе [3, 46].

По собственному желанию поступил на службу к экзарху Грузии митрополиту Ионе переводчиком с грузинского языка при проповедниках. В январе 1825 г. по распоряжению начальства был прикомандирован для несения службы к коменданту Владикавказского укрепления генерал-майору князю Абхазову [4, 169].

В 1833 г. протоиерей осетинской православной церкви Шю Давлениев, проповедуя христианство среди горных ингушей, был подвергнут истязани-

ям, а его спутников сожгли, завалив соломой. Самого же протоиерея спас от смерти Баев, предок той славной осетинской фамилии, поселившейся во Владикавказе в 1805 г., потомки которой не у дверей «сословной комиссии», которые постоянно заперты, а в стенах гимназий и университетов и академий приобрели и приобретают права на алдара-дворянина» [5, 8 об].

Хусина Баевич Баев. Портрет работы К. Л. Хетагурова

В 1845 г. участвовал в депутации осетин в Санкт-Петербург для отдания «верноподданнических чувств» российскому самодержцу. В награду особенной преданности правительству, император пожаловал «Владикавказского округа Кавдасардского общества Хусину Баеву чин прапорщика с содержанием по сто рублей серебром в год; о чем сообщено в отзыве Господина Военного министра от 28 июля 1845 г. № 6460» [6, 36].

19 сентября 1854 г. Х. Баев был направлен для несения службы в депутацию при канцелярии начальника Владикавказского военного округа, а 3 января 1862 г. — назначен депутатом при

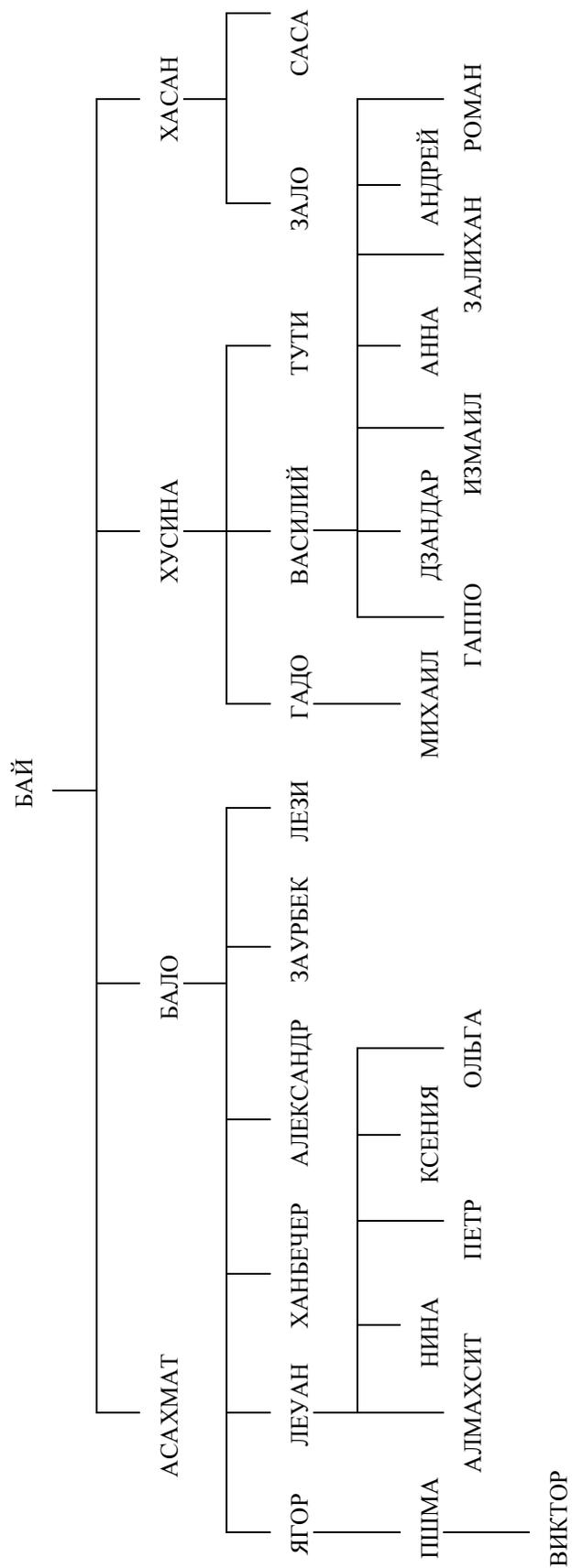

Рис. 1. Родословная таблица фамилии Баевых

Управлении Военно-Осетинского округа по горскому народному суду.

*Леуан Балоевич
(Лев Романович) Баев*

Являлся он и депутатом «от фарсалагов и кавдасард Тагаурского общества в Комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области» [7, 3]. В январе 1864 г. в числе выборных от всех сословий Тагаурского общества, уполномоченных народом «войти в соглашение между собою относительно пользования землею, лежащею на плоскости Тагаурии и установлению ясных и точных прав взаимных сословных отношений», значился и прапорщик Х. Баев.

За отличие по службе произведен в подпоручики милиции, о чем объявлено в высочайшем приказе от 18 марта 1864 г. Был удостоен бронзовой медали на Андреевской ленте в память войны 1853-1856 гг., серебряной медали за покорение Чечни и Дагестана в 1857 и 1859 гг., крестом «За службу на Кавказе» [4, 170].

Умер Х. Баев в 1874 г., похоронен в ограде Осетинской церкви во Владикавказе (могила утеряна).

ХАСАН БАЕВИЧ. Застрелился, оставив двух дочерей.

ЯГОР БАЛОЕВИЧ (ГРИГОРИЙ РОМАНОВИЧ).

ЛЕУАН БАЛОЕВИЧ (ЛЕВ РОМАНОВИЧ) (род. в 1827 г.), получил высшее духовное образование. Окончил Загорскую духовную академию. Затем, получив экономическое образование, стал блестящим финансистом, управлял крупнейшим российским банком в Сибири. При его содействии и на его деньги Г. Баев открыл во Владикавказе «Сельхозбанк» [3, 40]. Умер Л. Баев в 1889 г.

АЛЕКСАНДР БАЛОЕВИЧ (РОМАНОВИЧ), участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., герой Шипки [8, 367].

ЗАУРБЕК БАЛОЕВИЧ (ЗАХАР РОМАНОВИЧ) (род. в 1850 г.), георгиевский кавалер. В разное время являлся старшиной селений Карджин, Христиановского, Ольгинского. Участник русско-турецкой войны и Туркестанской компании — участвовал в экспедиции генерала Скобелева в Среднюю Азию. Награжден золотой медалью за взятие Геок-Тепе. Был назначен пожизненным знаменосцем штандарта, пожалованного императором осетинским сотням, участвовавшим в Дунайской войне [3, 41].

В марте 1902 г. Ольгинскому сельскому обществу начальством было предписано выбрать трех кандидатов на должность сельского старшины, «которые бы удовлетворяли требованиям, изложенным в особой ведомости, где говорилось о годах, о знании русского языка, грамотности, о судимости, об имущественном положении кандидата». Обществом были избраны: 1. Захар Баев — урядник из вольноопределяющихся, прослуживший 10 лет в должности старшины в плоскостных

осетинских селениях — Христиановском, Карджинском, Заманкульском и Ольгинском. 2. Тарас Тотров — урядник осетинского дивизиона. 3. Михаил Тибилон — бывший учитель министерской школы, окончивший курс во Владикавказском Горском училище, казначей Ольгинского сельского общества. Источник сообщает, что «все эти три лица имеют лучшее хозяйство в нашем селении, пользуются уважением и доверием, хорошо грамотны и зарекомендовали себя среди окружающего нас ингушского населения, как хорошие охранители от дурных людей нашего имущества» [1, 10б.].

Умер Заурбек Балоевич Баев в 1919 г.

Стоят: Гапо Васильевич Баев, Заурбек Балоевич Баев

ГАДО ХУСИНАЕВИЧ (МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ) (род. в 1837 г.), генерал-лейтенант. Первым из осетин окончил Академию Генерального штаба. Занимался историей, географией, этнографией, топографией, литературой. Состоял чиновником особых поручений при Министерстве финансов по делам карантинно-таможенной части на Кавказе, затем начальником топогра-

фической службы Кавказского военного округа. В 50-х гг. XIX в. был избран председателем открытого на Кавказе Русского географического общества. Был назначен на должность начальника Бессарабского военного округа. Возглавлял две экспедиции по установлению границ России с Персией и Афганистаном. Являлся автором исторического очерка «Тагаурское общество и экспедиции генерала-майора князя Абхазова в 1830 г.» [3, 35-38].

Гадо Хусинаевич (Михаил Георгиевич) Баев

В ЦГА РСО-А сохранился документ о награждении орденом Св. Станислава II ст. М. Баева, в котором говорится: «Мы, Александр второй Император и самодержец Всероссийский, царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая. Нашему подполковнику Генерального Штаба, состоящему при войсках на Русско-Прусской границе, Михаилу Баеву в воздаяние отлично-усердной и ревностной службы вашей Начальством засвидетельствованной, Всемилостивейшее пожаловали Мы вас Указом в 16 день апреля 1872 года Капитулу данным Кавалером Императорского и

Царского Ордена Нашего Святого Станислава второй степени. Грамоту сию во свидетельство подписать Орденскою печатью укрепить и знаки орденские препроводить к вам повелели Мы Капитулу Российских и Царских Орденов» [9, 8-8 об.].

Умер в 1895 г., похоронен в ограде Осетинской церкви во Владикавказе.

ВАСИЛИЙ ХУСИНАЕВИЧ (ГЕОРГИЕВИЧ) (род. 18 января 1842 г.), юнкер, служил в регулярных войсках. 26 апреля 1868 года Василий Георгиевич женился на восемнадцатилетней дочери прапорщика Уба Алдатова — Чечи (Надежде Давидовне Алдатовой). Значится членом «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» за 1883 г. [10, 9 об.-10]. Умер 15 октября 1897 г.

ПШМА ЯГОРОВИЧ (ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ) (род. в 1882 г.), присяжный поверенный в Москве, участник белого движения. В эмиграции в Германии. Умер 26 декабря 1925 г. Похоронен в Берлине на православном кладбище Тегель [11, 107; 12, 2].

Алмахсит Леуанович (Константин Львович) Баев

АЛМАХСИТ ЛЕУАНОВИЧ (КОНСТАНТИН ЛЬВОВИЧ) (род. в 1882 г.),

ученый-астролог, профессор астрономии Московского государственного университета. Автор пяти монографий по астрономии. Умер в 1956 г.

НИНА ЛЕУАНОВНА (ЛЬВОВНА) (род. в 1883 г.). Родилась Нина Баева в Тюмени. Окончила Петербургский пансион благородных девиц. Работала Председателем Верховного Суда Горской республики. 13 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР была приговорена к расстрелу [13, 148].

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ветеринарный врач, организатор ветеринарной службы Осетии.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (род. в 1893 г.), педагог с многолетним стажем. Одна из первых участниц любительских спектаклей в сел. Ольгинском. Ксения Баева, Пари и Таурзат Алдатовы, Пола Газданова, Кошер Дзантиева, Варинька Карсанова и Роза Кочисова — первые женщины-осетинки, вышедшие на театральные подмостки. С ее участием были поставлены пьесы Р. Кочисовой «Лгун, или наш пристав сошел с ума» и «Земля мой свидетель, а солнце мститель» [14, 75].

Ксения Александровна Баева

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (род. в 1895 г.), заслуженный врач, акушер-гинеколог.

Ольга Александровна Баева

МИХАИЛ ГАДОВЕВИЧ (МИХАИЛОВИЧ) (род. 8 ноября 1871 г.), штаб-ротмистр Нижегородского драгунского полка. С 1 сентября 1888 г. по 5 июня 1890 г. обучался во Владикавказской классической гимназии [15, 188]. Выпускник Императорского Училища Правоведения, 54-го выпуска, 1893 года, 14 мая [11, 31]. В эмиграции в Германии. Скончался 22 ноября 1899 г. в возрасте 28 лет. Похоронен в Берлине на православном кладбище Тегель [3, 38].

ГАППО (ГЕОРГИЙ) ВАСИЛЬЕВИЧ (род. 5 сентября 1869 г.), выдающийся представитель осетинской интеллигенции, публицист, автор многих научно-исторических и этнографических трудов по Кавказу.

Родился во Владикавказе. Окончил курс во Владикавказской классической гимназии в 1889 г. и юридический факультет Одесского государственного университета в 1894 г. В том же году вступил в сословие присяжных поверенных, с 1895 г. по 1905 г. работал в

должности адвоката во Владикавказе. В апреле 1905 г. был избран Гласным Владикавказской городской Думы и членом Управы, заступающим место Городского Головы, и работал на этой должности до 1920 г. [16, 11-а].

Гаппо Васильевич Баев

С 1895 по 1905 гг. он являлся первым секретарем, затем председателем «Общества по развитию народного образования среди горцев Терской области».

В 1897 г. организовал первый в России товарищеский кредитный банк и на протяжении многих лет работал в нем.

В 1899 г. им был издан сборник стихов его друга К. Л. Хетагурова. В последующие годы один за другим вышли сборники стихов и прозы молодых осетинских писателей, в том числе принадлежащие лично Г. Баеву сборник в тысячу осетинских пословиц и сборник осетинских сказок. «Все эти издания рассылались по всем закоулкам Северной и Южной Осетии издателям бесплатно. Они были теми семенами, которые упали на плодородную почву, ибо за короткое время на осетинском языке появились осетинские периодические издания, в целом народе

проявилось пробуждение и интерес к родной книге, появились уже и драматические произведения» [16, 11-а об.]. В том же году по инициативе Г. Баева во Владикавказе к столетию рождения поэта была открыта Пушкинская школа-пансион для горцев.

Работал совместно с русскими иранистами, с академиком Всеволодом Миллером, автором «Осетинских этюдов» (1881-1886). Участвовал в составлении «Осетинско-русско-немецкого словаря», который находился в рукописи в академии в Петербурге, но напечатать его не удалось из-за смерти Миллера в 1913 г.

Г.В. Баев был деятельным участником всех народных собраний осетин Владикавказского округа с 1894 г., на которых поднимались важные вопросы, касавшиеся нужд населения края, в особенности улучшения его правового состояния. Всему краю памятно собрание выборных осетин 5 декабря 1901 г, состоявшееся под председательством начальника Терской области генерал-лейтенанта Толстого с участием всех чинов окружной администрации.

Заявленная здесь программа преобразований была одобрена народом, докладная записка подана тогда же Начальнику Терской области, а 7 марта 1901 г. при личной аудиенции Г. Баев вручил ее военному министру генерал-лейтенанту Куропаткину. Записка касалась введения среди горцев выборного начала — выборов старшин, писарей, замены сходов сельскими думами, улучшения состава и материального положения начальников участков, улучшения состава переводчиков в местных мировых и судебных учреждениях, реформ сельского суда и т.п. Большинство этих реформ, поддержанные аналогичными просьбами местного горского населения, были осуществлены новым

наместником Его Величества графом И. И. Воронцовым-Дашковым.

Особенная заслуга Г. Баева перед всем Терским краем в том, что он еще в 1894 г. был инициатором подачи бывшему Начальнику Терской области генерал-лейтенанту Каханову просьбы о введении земских учреждений в крае, выработанных применительно к местным бытовым особенностям. С тех пор не раз он поднимал этот вопрос официально и в печати. В начале 1907 г. им была подана по этому поводу просьба Начальнику Терской области от 25 февраля и наместнику Его Величества графу Воронцову-Дашкову во время его пребывания в г. Владикавказе [16, 12 об.].

Когда в начале 1920 г. большевики захватили Владикавказ, Г.В. Баев переехал в Тифлис, где редактировал осетинскую газету «Ног цард», выпускавшуюся Ахметом Цаликовым, и работал преподавателем горской осетинской народной школы.

После того как в марте 1921 г. большевики захватили Грузию, он переехал в Константинополь, где проживал до начала 1922 г. Там он был избран членом «Русской академической группы».

С марта по август 1922 г. работал редактором торгово-промышленного отдела в издательстве Е. Гутнова в Берлине, который издавал ежемесячный журнал «Сполохи».

В августе 1922 г. ему удалось напечатать первую осетинскую книгу в Германии — книгу песен К. Л. Хетагурова «Осетинская лира». Занимался переводами книг по Новому Завету. По поручению Лондонского Библейского общества перевел Библию на осетинский язык.

В 1925 г. обратился к директору берлинской семинарии восточных языков И.В. Миттвоху с предложением о расширении плана семинарии за счет вклю-

чения осетинского языка: «Излишне говорить о значении этого старо-, древнеиранского языка, на котором еще и в настоящее время говорили сотни тысяч людей... Осетины стоят во главе народов Кавказа в области культуры и занимают почетное место среди иранских народов. Семинария восточных языков сослужила бы неоценимую службу в деле углубления отношений между обеими странами, включив осетинский язык в свой учебный план». С мая 1926 г. и до конца своих дней Г. Баев работал в университете имени Гумбольдта в Берлине, где читал лекции по осетинскому языку слушателям семинара по восточным языкам и состоял заведующим иностранным отделением [17, 157].

Доцент Берлинского университета по кавказоведению. Издавал памятники прошлого Кавказа [12, 171]. Являлся членом общества русских писателей в Германии, членом Русской Академической группы в Турции.

В 1927-1933 гг. состоял в Союзе русской присяжной адвокатуры Германии [11, 30].

Умер Гаппо Баев 24 апреля 1939 г. Похоронен в Берлине, перезахоронен в пантеоне Осетинской церкви во Владикавказе в 1995 г.

ДЗАНДАР (АЛЕКСЕЙ) ВАСИЛЬЕВИЧ, (род. 6 января 1873 г.), полковник Русской Императорской армии, командир Осетинской пешей бригады. Автор очерка «1812 год на Кавказе», опубликованного в №№ 1 и 2 Военно-исторического сборника в 1913 г.

Поступил на службу 30 мая 1893 г. Выдержал экзамен на вольноопределяющегося 2-го разряда. В 1897 г. окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище, получив 17 февраля звание подпоручика, был направлен в 1-й Туркестанский линейный кадровый батальон. 1 сентября 1900 г. получил звание пору-

чика, 1 сентября 1904 г. — штабс-капитана. С 1904 г. обучался и в 1907 г. окончил по 1-му разряду Николаевскую академию Генерального штаба. 7 мая 1907 г. ему присвоено звание капитана. С 9 ноября 1907 г. по 4 ноября 1909 г. отбывал цензовое командование ротой в 81-м пехотном Апшеронском полку. С 26 ноября 1909 г. по 7 января 1913 г. служил обер-офицером для поручений при штабе Кавказского Военного округа. 6 декабря 1910 г. награжден орденом Св. Станислава III степени. С 7 января 1913 г. по 6 декабря 1914 г. был прикомандирован к Чугуевскому пехотному юнкерскому училищу для преподавания военных наук. С 6 декабря 1914 г., получив звание подполковника, служил штаб-офицером для поручений при штабе 9-го армейского корпуса. 2 марта 1915 г. награжден орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом. Назначен и.д. начальника штаба 21-й пехотной дивизии, вступает на должность 4 декабря 1915 г. 6 декабря 1915 г. ему присвоено звание полковника. В начале 1917 г. берет на себя командование 12-м Финляндским стрелковым полком, а с 14 июня 1917 г. — Осетинской пешей бригадой [18, 165-166].

В марте 1919 г. как офицер Генерального штаба был мобилизован и назначен в распоряжение правителя Осетии. Имея военно-педагогический стаж, Дз. Баев был командирован в Ставрополь на ускорение курсов по подготовке офицеров, где занял должность инспектора классов (с 1 сентября 1919 г. по 1 января 1920 г.).

Был женат первым браком на Залихан Ардасеновой, вторым — на Калоевой.

Утром 18 июня 1927 г. он был арестован Владикавказским Объединенным Отделом ОГПУ по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58, пп. 5, 11 УК РСФСР.

Согласно протоколу № 27/1 заседания Тройки при ПП ОГПУ СКК, созданной на основании предписания ОГПУ от 18 июня 1927 г. за № 75352 по внесудебному рассмотрению дел на обвиняемых в «контрреволюции, шпионаже, белогвардейщине и бандитизме», от 11 января 1928 г., Дз. В. Баев был приговорен к заключению в Соловецкий концентрационный лагерь сроком на 10 лет (ст. 58, п. 11 УК РСФСР). 6 марта 1928 г. Дз. В. Баев был этапирован на ст. Усольская Пермской ж. д., Вишерское отделение [18, 179-180]. Умер в лагере в 1932 г. Реабилитирован в 1995 г.

Измаил Васильевич Баев

ИЗМАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ, известный юрист, адвокат. В 1896 г. был зачислен в ратники ополчения второго разряда. Окончил юридический факультет Императорского Московского университета, получив диплом II степени 24 мая 1907 г. [15, 185]. Присяжный поверенный. В 1919 г. вошел в состав «Совета при правителе Осетии». Являлся членом контрреволюционной организации, сформированной в Салугардане [19, 17]. И. Баев увлекался публицистикой, часто печатался в газете «Терек» [3,

39]. В эмиграции в Югославии. Умер в Белграде [11, 30].

ЗАЛИХАН (ЕКАТЕРИНА) ВАСИЛЬЕВНА, была замужем за Зораевым.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (род. в 1884 г.), доктор математических наук, профессор. В 1919 г. доцент политехникума А. Баев вошел в состав «Совета при правителе Осетии».

19 октября 1937 г. Тройкой НКВД СОАССР приговорен к расстрелу [13, 148]. В материалах его уголовного дела также будет отмечаться, что вместе с братом Дзандаром, который в 1921-1922 гг. работал в органах Наркомзема, «ввиду поддержки разоблаченного Каменева» принимал активное участие в организации кабардинского восстания. Дз. В. Баев «был сослан за к/р деятельность на Соловки». В справке от 25 января 1937 г. указывалось: «В 3-ем Отделении УГБ УНКВД по СОАССР на формулярном учете состоит Баев Гаппо (Георгий) Васильевич, 1868 года рождения, уроженец сел. Ольгинского Правобережного района СО АССР, по национальности осетин, с высшим юридическим образованием, бывш. городской голова города Владикавказа с 1905 года по 1917 год и с 1919 по 1920 годы. Эмигрировал с белыми за границу. С 1924 года живет в Берлине, доцент Берлинского Университета. Известен как злейший враг Советской власти, идеолог осетинской националистической контрреволюционной интеллигенции, блокировался с монархистами. Один из братьев Баева Гаппо — Измаил, тоже с высшим образованием, находится также в белой эмиграции, ярый монархист. Второй брат его — Дзандар, б/полковник генерального штаба, активный деятель Белой армии, бывший политбандит, неоднократно судился за организованную к-р работу, умер в ссылке в 1932 году» [18, 157].

РОМАН (ЧЕРМЕН) ВАСИЛЬЕВИЧ (род. 15 февраля 1886 г.), известный революционер, меньшевик-плехановец, активный участник революции 1905-1907 гг. Окончил мужскую классическую гимназию во Владикавказе, учился в университете в Петрограде. 20 ноября 1906 г. Тифлисская судебная палата по особому присутствию заседания вынесла приговор подсудимому Р.В. Баеву — заключение в крепость на восемь месяцев [20, 285].

Участвовал в первой мировой войне. Погиб от рук белогвардейцев в 1919 г. Перезахоронен на Аллее Славы в г. Владикавказе.

Роман (Чермен) Васильевич Баев

ВИКТОР АЛМАХСИТОВИЧ (КОНСТАНТИНОВИЧ). Работал вместе с отцом в области авиастроения. Умер, получив несовместимую с жизнью дозу радиации при испытании космических разработок. Похоронен на Ново-Девичьем кладбище в Москве [3, 40].

Таким образом, проведенное историко-генеалогическое исследование фамилии Баевых наглядно показывает тот большой вклад, который внесли представители этой небольшой фамилии в общественно-политическую, экономическую, научную сферы Осетии и России.

1. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 136.
2. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 507.
3. *Дзагурова Г. Т.* Сыны Отечества. Владикавказ, 2003.
4. *Дзалаева К. Р.* Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владикавказ, 2012.
5. *К.* Вести Кавказа. Владикавказ. Корреспонденция «Черноморский Вестник» // НА СОИГСИ. Фонд Г. Баева. Оп. 1. Д. 1.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 51 а.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 108 а.
8. Осетия. Историко-этнографический справочник. СПб.-Владикавказ, 1998. 517 с.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2 а.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 155.
11. *Волков С. В.* База данных «Участники Белого движения в России». Буква «Б». М., 2014.
12. Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1997: В 6 т./ Сост. В. Н. Чуваков. М., 1999-2007. Т. 1: А-В.
13. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ, 2006. Т. 2.
14. История Северной Осетии: XX век. М., 2003. 632 с.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 261.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1.
17. *Дзалаева К. Р.* Вовлечение представителей местного населения в государственно-административное управление в процессе формирования основ гражданственности и общероссийской идентичности на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX вв. // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2016. Вып. VIII. С. 152-159.
18. *Туаллагов А. А.* Судьбы человеческие. Дзандар Васильевич Баев // Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность. Владикавказ, 2014.
19. ЦГА РСО-А. ФР. 852. Оп. 1. Д. 98.
20. Революция 1905-1907 годов на Тереке: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980. Т. 2.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ ДАГЕСТАНА (XX ВЕК)

Э. М. Далгат
Л. Б. Салихова

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных научных исследований РАН по теме «Города Дагестана: историко-этнографическое исследование (XIX-XX вв.)» (0209-2015-0001)

Статья посвящена истории возникновения городов Дагестана в XX веке. Отмечено, что 6 из 10 городов Дагестана, а именно Хасавюрт, Дагестанские Огни, Кизилюрт, Каспийск, Избербаш и Южно-Сухокумск приобрели данный статус в советское время. В статье уделено внимание каждому из указанных городов, они рассмотрены со времени их возникновения, показан их рост и развитие, период приобретения статуса города. Отмечено, что появлению городов из рабочих поселков способствовало для одних — строительство крупных промышленных предприятий — завода № 182 («Двигательстрой»), стекольного завода «Дагестанские Огни», для других — обнаружение нефти и газа, строительство ГЭС и т.д. Все это благоприятствовало увеличению населения городов, повышению благосостоянию горожан, изменению образа жизни многих дагестанцев, а также развитию транспортной и социально-культурной инфраструктуры городов и республики. Обращено внимание на то, что крупные предприятия, построенные в Дагестане в XX в. и оказавшие непосредственное влияние на развитие и формирование городов, в тоже время заложили основу для кризиса в функционировании городов в конце XX — начале XXI в.

Ключевые слова: *Дагестан, город, поселок, XX век, возникновение городов, промышленные предприятия.*

The article is devoted to the history of Dagestan towns' emergence in the XX century. It is noted that 6 of the 10 towns of Dagestan, namely Khasavyurt, Dagestanskiye Ogni, Kizilyurt, Kaspiisk, Izberbash and Yuzhno-Sukhokumsk gained this status during the Soviet period. The article pays special attention to each of these towns, the time of their emergence, their growth and development are being considered, the acquisition of the status of the town is shown. It is noted that the turning of the former working settlements into towns was promoted for some — by construction of large industrial enterprises — plant No. 182 («Dvigatelstroy»), a glass factory «Dagestanskiye Ogni», for others — by the discovery of oil and gas, construction of hydroelectric power stations, etc. All this favored the increase in the urban population, improving the welfare of citizens; a change in the way of life of many Dagestanians, as well as the development of transport and socio-cultural infrastructure of towns and the republic. Attention is paid to the fact that large enterprises were built in Dagestan in the XX century and had a direct impact on the development and formation of towns, at the same time laid the basis for a crisis in the functioning of these towns at the end of the XX — beginning of XXI century.

Keywords: *Dagestan, town, settlement, XX century, emergence of towns, industrial enterprises.*

Изучение истории городов, их возникновения, развития, рассмотрение различных аспектов деятельности вызывает интерес исследователей обращающихся к данным вопросам.

Рассматривая историю возникновения городов, а именно городов Дагестана, обратимся к тем из них, которые появились в XX веке. Прежде всего, следует отметить, что среди 10 горо-

дов Дагестана один из них имеет многовековую историю, являясь одним из древнейших городов Кавказа и России, а именно Дербент [1; 2]; другие возникли в XVIII, XIX веках на месте военных укреплений, постепенно расширяясь и приобретая большую значимость по отношению к другим населенным пунктам, получив статус городов. Так, старейший город Северного Кавказа — Кизляр — был основан в 1735 г. как русская крепость на Тереке [3, 43; 4, 27], Петровск (ныне Махачкала) приобрел статус города в 1857 г., а Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) — в 1866 г. [5, 17, 21]

Остальные города Дагестана возникли в советское время. Среди них **Хасавюрт**, основанный в 1846 г. как военное укрепление, приобрел статус города лишь в XX в. В XIX в. он был центром Кумыкского округа на Левом крыле Кавказской линии (1827-1861 гг.) [6, 130] Необходимость возведения данного укрепления была обусловлена непрерывными нападениями горцев на новое поселение, созданное на месте будущего укрепления в период Кавказской войны. Изначально сюда было переселено 100 семей из Эндирея и Костека. «Объективная оценка военно-стратегического значения села», данная командующим Левым флангом Кавказской линии генералом Г. М. Фрейтагом, согласно Э. Г. Джахиевой, имела большое значение для дальнейшей истории Хасавюрта [7, 209].

«Будучи расположен в 18-19-ти верстах от Таш-Кичу (Новый Аксай), в 11-ти верстах от крепости Внезапная, на путях сообщения из Грозного в сторону Тарки, из Кизляра в Горный Дагестан, Хасав-юрт занимал выгодное военно-стратегическое положение на Кумыкской плоскости» [7, 209, 210], — сделала вывод Э. Г. Джахиева. Генерал Г. М. Фрейтаг ходатайствовал перед

главнокомандующим войсками на Кавказе генерал-лейтенантом Гурко о дополнительном укреплении и усилении передовой чеченской линии на Кумыкской плоскости, на участке рек Ярык-сув, Яман-сув и Кара-сув. Переписка по данному вопросу велась в течение трех лет, и в 1846 г. начались строительные работы; в этом же году было предложено официально переименовать укрепление «Ярык-сув» в «Хасав-юрт».

Надежность нового укрепления оказалась недостаточной, что выявилось после нескольких нападений горцев. Военные власти, осознавая важное стратегическое значение укрепления, расположенного на главном пути из России в Закавказье, приняли решение о строительстве нового, более мощного укрепления, с основательной защитой, расположенного чуть ниже стоящей военной базы (ныне в районе Центрального рынка) [7, 209, 210; 8, 259, 260]. «В 1848 г. оно было построено. Это укрепление имело три кирпичные башни и бойницы по углам, обнесенные с 3-х сторон оградой толщиной в 1,5 м и высотой в 2,5 м, с четвертой стороны боевые башни упирались в высокий обрыв над рекой Ярыксу», — пишет А. Н. Кажлаев [8, 260].

Севернее, между первым и вторым укреплениями, стали возникать новые дома. Увеличение численности населения Хасавюрта последовало после решения правительства в 1856 г. нижним воинским чинам выписывать туда свои семьи на постоянное жительство [7, 210; 8, 260].

С 25 мая 1862 г. Хасавюрт стал центром Кумыкского округа Терской области, с 30 декабря 1869 г. по 1920 г. — центром Хасавюртовского округа Терской области [6, 130]. В 1867 г., в связи с упразднением военного укрепления и введением гражданского управления,

Хасавюрт приобрел статус слободы. В этот период в Хасавюрте «были мечеть, церковь, 2 синагоги, общественная школа, около 300 общественных и частных зданий, 52 лавки, 6 харчевень и др. Слобода состояла из 7 горизонтальных и 11 вертикальных улиц с 3 площадями и 2 фонтанами» [7, 211].

Административное положение Хасавюрта в качестве центра округа определило и его статус как одного из «центров почтовой системы Кавказа». Через Хасавюрт проходили «почтовые тракты от Екатеринодара до Баку, Тифлиса, Грозного, царских укреплений в горной части Дагестана и Чечни. К этому времени здесь проживало около 1200 чел.» [7, 211].

Со временем слобода становится и экономическим центром региона. К 80-м гг. XIX в. здесь появились мануфактуры по переработке сельскохозяйственной продукции: кожевенные, винокуренные, мукомольные, пивоваренные, медоваренные, мыловаренные и др.

Открытие в 1893 г. железнодорожного сообщения Ростов — Петровск также способствовало развитию экономической жизни Хасавюрта. Вместе с тем крупные степные села — Аксай, Андрейаул, являвшиеся степными торговыми центрами, стали терять свое прежнее значение, уступая в этом Хасавюрту [7, 211; 8, 261]. Так, в 1881 г. на Успенскую ярмарку (осенью) в Хасавюрте было привезено товаров на сумму 60 тыс. руб. В 1904 г. торговый оборот слободы составил около 270 тыс. руб., а к 1909 г. достиг 1 млн. руб. в год [9, 178].

В слободе развивалось садоводство и овощеводство. «Землепользование в Хасавюрте после прокладки железной дороги приобрело капиталистический характер», — писал А. Н. Кажлаев, отмечая, что «издольная сдача земли в

аренду почти полностью прекратилась и перешла в денежную» [8, 261].

Плодородные земли Хасавюрта привлекали большое число переселенцев, в основном крестьян из Могилевской, Тамбовской и других. центральных областей России. В 1914 г. число переселенцев в Хасавюрте составило 25,3% от всего населения, а в 1917 г. русских переселенцев в Хасавюртовском округе было 25 тыс. чел. [8, 261]. С их приходом появились более совершенные формы обработки земли, организации хозяйств. Они покупали и брали в аренду земли у местных владельцев, а также приводили их в порядок, превращая в доходные участки ранее непригодные для обработки земли.

Развитию капиталистических отношений в хозяйстве Хасавюртовского округа способствовало открытие в 1914 г. потребительского общества в Хасавюрте и в Костеке. В тот же период в Хасавюрте возникло 11 кредитных товариществ, выдававших ссуды и занимавшихся иными операциями.

Общий спад в экономике страны в связи с первой мировой войной нарушил торговые связи Хасавюрта, оторвав его от традиционных пунктов снабжения и сбыта, подорвав сельскохозяйственное производство. Большой урон Хасавюрту нанесла гражданская война — в этот период здесь проходили жестокие бои. Хасавюрт не один раз переходил из рук в руки, и к концу войны он был полностью разрушен, сожжен и разграблен.

В 1920 г. Хасавюртовский округ был присоединен к Дагестану (ранее он входил в состав Терской области). «Несмотря на разруху, жизнь в Хасавюрте стала постепенно налаживаться», — отмечал Кажлаев. «Ремонтировались или заново отстраивались дома, оживала торговля, возрождалось сельскохозяй-

ственное производство» [8, 262, 263].

С апреля 1920 г. по 1928 г. Хасавюрт являлся центром Хасавюртовского округа Дагестанской АССР, с 1928 по 1962 гг. — центром Хасавюртовского района, в 1963-1965 гг. — Хасавюртовского сельского района, с 1965 г. — вновь района Дагестанской АССР.

Постановлением ВЦИК от 10 августа 1931 г. слобода Хасавюрт была преобразована в город районного подчинения [10, 17; 6, 131, 132]. Таким образом, статус города Хасавюрт приобрел лишь в XX веке.

Другой город *Дагестанские Огни* — город-спутник Дербента, расположенный в 10 км от него. Дагестанские Огни является самым молодым городом Дагестана, получившим данный статус лишь в конце XX века. Его название идет от газовых костров, издревле горевших на поверхности земли [11, 89; 12, 16].

Трудно сказать о времени выхода этого газа на поверхность, как и невозможно его установить. Так, авторы монографии ««Дагестанские Огни» — первый высокотехнологизированный стекольный завод России» отмечали: «У путешественников, посещавших Дербент с севера и юга и проходивших по этим местам в течение XVII-XIX вв., никаких сведений по данному вопросу не приводится» [12, 16].

В 90-е гг. XIX в. предпринимателем Машковцевым была предпринята попытка строительства стекольного завода в Дагестане. Однако завод так и не был построен, несмотря на благоприятные для строительства условия: близость к морю, железной дороге, наличие высококачественного сырья (кварцевый песок).

В результате исследования нефтеносных районов Южного Дагестана русским ученым геологом Д. В. Голубятниковым в 1902, 1904 гг. было установ-

лено наличие больших запасов горючих газов в районе железнодорожного разъезда Огни. В то время эти исследования практического применения не нашли. Лишь в 1914 г. владельцами стекольных заводов в Брянской области и на Северном Кавказе братьями А. и М. Малышевыми было начато строительство стекольного завода на основе исследований Голубятникова. «Земля, где ныне стоит стекольный завод, принадлежала дербентскому владельцу Агабеку Мирзабекову. В 1914 г. Малышевы арендовали у него сроком на 10 лет около 12 гектаров земли для строительства завода <...> В 1914-1916 гг. на стекольном заводе были построены две печи... В 1916 г. завод уже давал в месяц до 250 ящиков оконного стекла и более 300 тыс. бутылок», — отмечают авторы указанной монографии [12, 16, 17].

Завод не был запущен на полную мощность, этому помешала Февральская революция 1917 г., а в годы гражданской войны он был разрушен. Восстановление завода началось с установлением советской власти. В 1922 г. была выпущена первая продукция [11, 89].

18 января 1926 г. стекольный завод «Дагестанские Огни» вступил в строй. Еще в 1924 г. в ходе строительства стекольного завода «правительством республики были отпущены средства на строительство жилых зданий. В 1924/25 г. здесь было построено по проекту главного инженера завода В. Коржавина 3 барака» [13, 345]. В соответствии с постановлением ЦИК ДАССР от 14.06.1927 г. при заводе «Дагестанские Огни» был образован поселок с тем же названием [6, 124].

В 1925-1927 гг. вокруг завода было построено несколько каменных двухэтажных домов с 12 и 16 квартирами в каждом для отдельных семей. В 1938-1940 гг. началось переселение рабо-

чих и ИТР (инженерно-технических работников) на постоянное жительство в связи с улучшением обеспечения питьевой водой, снабжения продуктами питания, со строительством в широком масштабе двухэтажных жилых домов. Были построены школа, больница. «Капиталовложения в жилищное строительство росли с каждым годом» [13, 345].

Было уделено внимание и индивидуальному домостроительству в связи с отставанием жилищного строительства от роста населения поселка. Так, в 1932 г. в Дагестанских Огнях проживало 1550 чел., в 1933 г. — 1800 чел., а в 1934 г. — 2400 чел.

В 1938 г. поселковый Совет начал распланировку поселка, приступил к созданию тротуаров, мостовых, озеленению улиц. В годы Великой Отечественной войны работы по благоустройству поселка были прерваны. «К концу войны в 1945 г. поселок насчитывал 27 домов и бараков, принадлежавших заводууправлению, с общей площадью 9061 кв. м и несколько десятков индивидуальных домов, расположенных в некотором отдалении от завода. Из общественных построек здесь были: здание заводууправления, детских яслей, продовольственного магазина, столовой, больницы и бани» [13, 346].

Что касается деятельности завода в годы Великой Отечественной войны, то в этот период он перешел на выпуск бутылок с горючей смесью. За годы войны из Дагестанских Огней на фронт ушли более 300 жителей. «В послевоенные годы завод расширился. Он стал первым в Дагестане предприятием, освоившим выработку оконного стекла» [11, 89].

В послевоенные годы сильно разросся и сам поселок Дагестанские Огни. 23 октября 1949 г. было окончено строительство водопровода Кайтаг-Дагони, на который было выделено более 3

млн. руб. Министерством промстройматериалов СССР, был произведен пуск воды по новой магистрали в поселке.

М. Ш. Гусейнов и С. К. Гусейнова, констатируя факт улучшения благоустройства поселка, писали: «Во второй половине 60-х годов были построены канализационная сеть, расширен водопровод. Большую работу проводили поселковый Совет и заводууправление по мощению и асфальтированию улиц... В начале 60-х гг. в поселке Дагестанские Огни имелось несколько библиотек: во Дворце культуры стекольщиков в поселковом совете, техническая библиотека при заводе и в каждой из трех школ поселка» [13, 347, 348].

Жилищному строительству, здравоохранению, благоустройству поселка уделялось внимание и в последующие годы. Указом ПВС ДАССР от 12.11.1987 г. в состав поселка Дагестанские Огни вошел поселок Усадьба совхоза им. Ильича Зидьянского сельсовета. В 1991 г. поселок Дагестанские Огни получил статус города [6, 124].

В 1925-1926 гг. около железнодорожной станции Чирюрт был образован поселок за счет выделения из с. Новоалександровки Султан-Янги-Юртовского сельсовета Махачкалинского района поселка «Красное село» или «Красный поселок», который указом ВЦИК от 30.08.1926 г. был переименован в поселок *Кизилюрт*. В 1928 г. он был выделен в самостоятельный сельсовет, а указом ПВС ДАССР от 14.09.1960 г. сельсовет был преобразован в поссовет, туда же вошли ж.д. будки 844, 886, 888, водокачка, отделение КОРа (канал им. Октябрьской революции) и питомник.

Официально статус города Кизилюрт приобрел в 1963 г. (указ ПВС РСФСР от 01.02.1963 г.) [6, 126, 127]. В его состав вошли поселки Чирюрт, Кизилюрт и Бавтугай.

Согласно А. Н. Кажлаеву, «первое поселение в районе... Кизилюрта возникло в XVIII веке <...> На месте выхода реки Сулак из горных ущелий на просторы Кумыкской степи было построено укрепление Кизилюрт, положившее начало будущему городу. Как и другим укреплениям, возникшим в те годы по берегам Сулака, Кизилюрту отводилась роль опорного пункта в защите южных границ Российской империи <...> В 1886 г. ... в район Нижнего Чирюрта переселились жители Самарской губернии» [8, 300]. Основным занятием местного населения и переселенцев было хлебопашество на землях, расположенных вдоль Сулака, овощеводство и животноводство.

В советское время началось развитие будущего города, было организовано товарищество по совместной обработке земли, для этих целей была выделена территория, прилегающая к железнодорожной станции Чирюрт. Первые небольшие дома, крытые соломой, были построены выходцами из Самарской губернии, они и образовали первую улицу нового селения. Количество таких домов в 1923 г. составило 22. В этот же период заработал канал им. Октябрьской революции (КОР), способствовавший возможности орошения значительной части прилегающей к нему территории, а также водоснабжению г. Махачкалы [8, 300; 11, 88].

Чирюрт — самый крупный поселок в составе Кизилюрта, он расположен на правом берегу р. Сулак, в основном здесь живут строители канала им. Октябрьской революции (КОР) [14, 29].

Расширению и развитию Кизилюрта способствовало строительство в годы послевоенных пятилеток одной из ступеней Сулакского каскада гидроэлектростанций — Чирюртовский ГЭС и ее спутника, общая мощность которого

составила 80 тыс. кВт электроэнергии. «Вместе с ГЭС рядом с Чирюртом вырос красивый, благоустроенный поселок энергетиков Бавтугай» [8, 300, 301].

Поселок Сулак является поселком завода «Дагэлектроавтомат», возникшего в 1958 г. на базе бывшего кенафного производства. С 1961 г. завод «Дагэлектроавтомат» приступил к серийному выпуску электроавтоматов [14, 29; 8, 301]. Завод также способствовал становлению Кизилюрта как города. Немаловажное значение в этом отношении имели и автомобильная и железная дороги, проходящие через Кизилюрт и соединяющие Дагестан с другими регионами России и Азербайджаном [11, 88].

Еще один город Дагестана — *Каспийск*. История его возникновения относится к советскому времени, когда в начале 30-х годов XX в. для повышения обороноспособности страны стали создаваться промышленные объекты. «В 1931 году в ЦК ВКП (б) рассматривался вопрос о строительстве нового поселка и крупного завода по выпуску морского оружия» [15, 6]. «Ситуация требовала создания прогрессивных видов оружия, в том числе и морского», — писали М. М. Абачараев и Р. Н. Дагларов. «Эта нужда и привела специалистов Минобороны на пустынный берег Каспия. В январе 1932 года было принято решение правительства СССР и ДАССР о строительстве в Дагестане на Туралинской земле особого завода по производству морского оружия. С мая 1932 года туда прибыли первые геодезисты и строители. И закипела работа по созданию промышленного объекта и поселка для его тружеников» [15, 3].

Однако в первое время население поселка столкнулось с рядом трудностей: отсутствием воды, дизентерией, малярией и т.д. Первые противомаларийные станции в поселке строителей

завода «Двигательстрой» были организованы в 1934 г. К этому же году поселок, расположенный в 18 км от Махачкалы, был соединен с последней железнодорожной веткой. Была также начата прокладка асфальтированного шоссе, соединяющего поселок с Махачкалой, укладка которого была продолжена до конца 1935 г. [8, 289; 15, 12]

В 1934 г. был образован поссовет «Двигательстрой» (постановление ЦИК ДАССР от 14.10.1934 г.) [15, 7; 6, 126].

В памяти первостроителей «Двигательстроя» остались дни посещения новостройки инициатором и куратором Двигательстроя Григорием Константиновичем (Серго) Орджоникидзе осенью 1934 г., а также то, что после его отъезда, как он и обещал, стройке были предоставлены грузовые машины (9 грузовых машин), улучшилось питание, на стройке появились специальные термосы для первых и вторых блюд, мясо стали выдавать через день, появились масло, консервы и т.д. [15, 13, 15]

Со временем поселок начал благоустраиваться, первые каменные дома, школы, магазины, амбулатория были построены недалеко от первых промышленных объектов [8, 289].

Отмечая этот факт, авторы книги «Мой город родной» писали: «На Туралинской земле с каждым годом росли новые, добротные дома, тянулись асфальтированные прямые улицы, на глазах у жителей поселок с каждым днем хорошел и преображался в объект городского типа. Недавно простиравшиеся «здесь песчаные дюны, гнилые болота, солончаки исчезли» [15, 26].

В 1947 г. (указ ПВС РСФСР от 17.09.1947 г.) рабочий поселок Двигательстрой получил статус города и был назван Каспийском. Его население составило 17280 чел. На территории города находилось 172 жилых дома с об-

щей площадью 76 тыс. кв. м. В городе имелись административные, торговые, культурно-бытовые и медицинские здания, учебные заведения, все они занимали площадь около 28 тыс. кв. м [16, 64; 15, 131]. «В городе работали две средние и одна вечерняя школа, техникум, больница и 2 поликлиники, 4 детсада и столько же яслей, клуб, 5 библиотек, хлебозавод, артели по пошиву одежды. Город располагал стадионом с беговой дорожкой и спортивными площадками. И все это было на балансе завода. Вместо многотиражки «Двигатель» стала выходить городская газета «Каспийский рабочий» <...> Через год и завод № 182 получил новое название п/я № 1, а много позже — «Дагдизель». Это было связано с тем, что завод освоил новый вид продукции дизельные двигатели...» [15, 131-132; 16, 64, 65]

С приобретением поселком Двигательстроем статуса города расширилось и жилищное строительство в Каспийске. Так, к 1950 г. жилая площадь в городе выросла на 2655 кв. м, частных домовладений в городе в апреле 1950 г. было 133. «Строительство домов велось как на личные средства горожан, так и за счет ссуд, кредитов. Рабочие завода «Дагдизель», составлявшие основную часть населения Каспийска, получали на строительство домов долгосрочные, на 10 лет, денежные ссуды» [17, 153].

Развитие Каспийска тесным образом было связано с развитием завода. Улучшались условия быта, культурного отдыха трудящихся. К концу 1965 г. в городе было 329 зданий жилищного и культурно-бытового назначения на балансе завода, 9 детсадов и яслей, больница, поликлиника, тубсанаторий [16, 91]. В 60-е гг. XX в. Каспийск занимал первое место по благоустройству [8, 290].

Избербаи — город, расположенный на берегу Каспийского моря, в 65 км к

югу от Махачкалы. Слово «избербаш» по-кумыкски означает «след на вершине». Изначально поселок Избербаш возник в местности, не подходящей для поселения из-за климатических характеристик данной территории (заболоченности, наличия малярии). В народе это место было известно как «долина, проклятая Аллахом». В начале 20-х гг. XX в. учеными-геологами Д. В. Голубятниковым и И. О. Бродом были начаты поиски месторождений нефти. В этом районе было выявлено наличие нефти, но практическая ее добыча началась лишь с 1936 г. [11, 88; 8, 294, 295; 14, 31], «когда из разведочной скважины № 7 ударил мощный фонтан нефти с дебитом 250 т. в сутки. После этого здесь началась интенсивная добыча нефти, и вскоре на безлюдном берегу Каспийского моря появился поселок нефтяников Избербаш» [8, 295].

Образованный в 1934 г., Избербаш был официально утвержден в статусе поселка постановлением ЦИК ДАССР от 05.06.1934 г. «как поселок при нефтеразведке у ж.д. ст. Изберг» [6, 125].

Со временем здесь появлялись все новые и новые нефтяные вышки. В 1947 г. в Избербаше впервые в практике нефтяной промышленности СССР удалось получить нефть со дна моря, а в 1949 г. была «добыта нефть путем бурения с морской эстакады двуствольных скважин» [11, 88]. За это нефтяники Избербаша были удостоены Государственной премии. С развитием нефтяной отрасли рос и поселок, а «постановлением ПВС ДАССР от 18.05.49 г. и указом ПВС РСФСР от 01.06.50 г. рабочий поселок Избербаш был преобразован в город республиканского (АССР) подчинения [6, 125; 10, 15].

В связи с получением Избербашем статуса города в нем значительно расширилось жилищное строительство.

Если в 1947 г. на жилищное строительство было затрачено 500 тыс. руб., то в 1950 г. ассигнования на данные нужды были увеличены до 8 млн. руб. С 1947 по 1950 гг. здесь было построено 59 одно- и двухквартирных домов, 15 многоквартирных домов и 139 домов в индивидуальном порядке. На 1 января 1960 г. в Избербаше из 1452 квартир 863 составляли двухкомнатные и 359 трехкомнатные. «Город был радиофицирован, все дома были газифицированы» [17, 153, 154].

С 60-х гг. нефтедобыча в Дагестане сосредоточилась в его северных районах. Добыча нефти в Избербаше стала значительно сокращаться, в связи с чем приостановилось дальнейшее развитие экономики города, а численность населения стала снижаться. Учитывая все эти обстоятельства, в годы семилетки в городе был построен и введен в действие крупный завод электротермического оборудования ДагЗЭТО. С 1959 г. он начал свою работу по выпуску до 200 видов продукции. «Появление этого предприятия приостановило дальнейшее снижение численности населения Избербаша, вызванного спадом нефтедобычи» [8, 295]. Так, в городе в 1949 г. проживало 11,4 тыс. чел., а на 1 января 1970 г. население города составило 17,2 тыс. чел. [8, 296].

Последний из рассматриваемых городов Дагестана — **Южно-Сухокумск** — расположен в северной части Республики Дагестан, на границе со Ставропольским краем и Республикой Калмыкия, в 296 км от Махачкалы. Он возник на месте открытых в этом районе больших запасов нефти и газа. В 1958 г. началось строительство поселка [8, 283; 11, 89; 14, 31].

Южно-Сухокумск как рабочий поселок и центр поссовета Южно-Сухокумского в Каранагайском районе был

образован указом ПВС ДАССР от 16 марта 1963 г. Не раньше 10 сентября 1964 г. и не позднее 1 января 1965 г. он был передан в административное подчинение г. Кизляра [6, 131].

Бурное развитие нефтегазовой добычи в районе поселка привело к росту численности его населения. Поселок был довольно привлекательным с миграционной точки зрения, так как зарплаты в добывающей промышленности были высокими. Кроме того, в 80-е гг. XX в. поселок застраивался современными панельными домами, в которых рабочим предоставлялись комфортные квартиры. В 80-е гг. в Южно-Сухокумске имелись «очаги культуры», тогда же начал работать кинотеатр [18, 155; 19, 141, 142].

В 1988 г. поселок был отнесен к городам республиканского подчинения (Указ ПВС РСФСР от 10.03.1988 г.). Население Южно-Сухокумска в 1996 г. составило 9,1 тыс. чел. [11, 89; 6, 131; 26]

Снижение объемов добычи нефти Южно-Сухокумска на одно из первых мест в экономике выдвинуло торговлю. Этому благоприятствовало расположение города между Ставропольским краем и Кизляром, «а также то, что в зимний период через Южно-Сухокумск осуществляется товарное обеспечение отгонных животноводческих ферм» [11, 89].

Итак, Хасавюрт, Дагестанские Огни, Кизилюрт, Каспийск, Избербаш, Южно-Сухокумск приобрели статус городов в XX в. Если Хасавюрт — город «исторический», то остальные — «уроженцы»

XX века. Для Каспийска и Дагестанских Огней градообразующим фактором стало строительство в 20-30-е гг. XX в. крупных промышленных предприятий: завода № 182 («Двигательстрой») и стекольного завода «Дагестанские Огни» [20, 359]. Развитие этих объектов благоприятствовало и увеличению населения городов, а также благоустройству и росту самих городов. Становлению Избербаша и Южно-Сухокумска способствовало обнаружение нефти и газа в этих районах: в первом — в 30-х гг., а во втором — в 50-х гг. XX в. На расширение и развитие Кизилюрта оказало влияние строительство ГЭС.

Таким образом, предприятия, на основе которых из рабочих поселков возникли города, оказали существенное влияние в формировании и развитии тех же городов. Они способствовали «росту городского населения, повышению благосостояния многих горожан, изменению образа жизни и статуса многих дагестанцев, развитию транспортной и социально-культурной инфраструктуры городов и республики. Наличие крупных предприятий существенно улучшало социально-бытовой уровень горожан», — отмечает Ю.М. Лысенко [20, 362]. Однако крупные предприятия, построенные в Дагестане в XX в. и оказавшие влияние на развитие и формирование городов, в то же время заложили «основу для кризиса в их функционировании в конце XX — начале XXI века» [20, 362].

---

1. Гаджиев М. С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002.

2. Далгат Э. М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. Махачкала, 2015.

3. Гарунова Н. Н. Кизляр в XVIII — в первой половине XIX века: проблемы

политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала, 2004.

4. *Гарунова Н. Н.* Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII-XXI вв. Махачкала, 2009.

5. *Салихова Л. Б.* Городское самоуправление в Дагестане во второй половине XIX — начале XX века. Махачкала, 2014.

6. Историко-архивный справочник административно-территориального деления Дагестана за 1920-2000 гг. Махачкала, 2008.

7. *Джахиева Э. Г.* Из истории города Хасавюрт // Северокавказский город в региональном историческом процессе: Материалы междунар. научной конф. Каспийск, 18-19 сентября 2012 г. Махачкала, 2012. С. 209-213.

8. *Кажлаев А. Н.* Возникновение и экономическое развитие городов Дагестанской АССР. Махачкала, 1971.

9. *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961.

10. Республика Дагестан: Административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. — 90-е годы XX в.) (статистический справочник). Махачкала, 2001.

11. Народы Дагестана/Отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М., 2002.

12. *Гусейнов М. Ш., Бабаев А.-М. Б., Гусейнова С. К.* «Дагестанские Огни» — первый высокомеханизированный стекольный завод России. Махачкала, 2007.

13. *Гусейнов М. Ш., Гусейнова С. К.* Социальное и культурное развитие города Дагестанские Огни в 1946-1980 гг. // Северокавказский город в региональном историческом процессе: Материалы междунар. научной конф. Каспийск, 18-19 сентября 2012 г. Махачкала, 2012. С. 345-349.

14. Гордость Отчизны/Сост. М. Алиев, С. Касимов. Махачкала, б/г.

15. *Абачараев М. М., Дагларов Р. Н.* Мой город родной: Публицистика/Под ред. Г. В. Кириленко. Махачкала, 2009.

16. *Ханин Л. А., Покорский Н. С.* Рожденный у моря. История Каспийского орденов Ленина и Октябрьской Революции завода «Дагдизель». Махачкала, 1998.

17. *Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д.* Культура дагестанского города XX в. Махачкала, 2007.

18. *Элаева А. М.* «Внутренняя» и «внешняя» миграции в Северном регионе Дагестана в 60-80-е гг. XX в. // Влияние социокультурных, политико-правовых и экономических процессов на генезис гражданского общества в евразийском пространстве, на примере Северного Кавказа и города-героя Кизляра: Материалы всероссийской (с междунар. участием) научно-практической конф. (Кизляр, 2 октября 2015 г.). Махачкала, 2015. С. 154-158.

19. Кизляр орденоносный. Махачкала, 1995.

20. *Лысенко Ю. М.* Проблемы развития малых и средних городов Дагестана в XX веке (на примере г. Кизляра) // Северокавказский город в региональном историческом процессе: Материалы междунар. научной конф. Каспийск, 18-19 сентября 2012 г. Махачкала, 2012. С. 359-362.

КИНЕМАТОГРАФ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1960-е — 1980-е гг.: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ

И. Т. Цориева

В статье на основе воспоминаний современников и архивных источников рассматривается история развития кинематографа в республиках Северного Кавказа в 1960-е — 1980-е гг. Подчеркивается, что создание телевизионного документального и игрового кино в регионе во многом было результатом национальной культурной политики. Вместе с тем, отмечается существенное влияние на становление киноискусства практики культурного патернализма, получившей распространение в среде местной политической элиты в изучаемый период, и значительный вклад руководителя Гостелерадио Северо-Осетинской АССР А. Т. Агузарова в создание региональной базы кинопроизводства на Северном Кавказе. Региональное киноискусство развивалось в рамках государственной программы «социального заказа». Деятели кино решали конкретные задачи пропаганды советского образа жизни, воспитания людей в духе преданности социалистическим идеалам, патриотизма и интернационализма. Необходимость соблюдения идеологических, цензурных требований существенно ограничивала свободу творческого поиска, нередко приводила к схематизму, плакатности сюжетов и образов. Но в целом транслируемые северокавказским кинематографом гуманистические идеалы добра, справедливости, мирного сосуществования народов перекликались с настроениями большинства многонационального населения региона и находили отклик в сердцах обычных людей.

Ключевые слова: Северный Кавказ, киноискусство, региональный телевизионный кинематограф, документальное и игровое кино, культурный патернализм, политическая элита, А. Т. Агузаров.

The article on the basis of the memories of the contemporaries and the archival data considers the history of the development of cinematography in the North Caucasus' republics in the 1960s — 1980s. It highlights, that the creation of television documentary and feature films production in the region was largely a result of the national cultural policy. The practice of cultural paternalism common among political elite in the reviewed period had an essential impact on the development of cinematography, also of great significance was contribution of A. T. Aguzarov, then head of the State television and radio of North Ossetian ASSR, to the formation of a regional base of filmmaking in the North Caucasus. The regional film art was developed within the frame of the state program of «social request». Cinematography proponents solved definite tasks for propaganda of the Soviet way of life, of upbringing in the spirit of devotion to socialist ideals, patriotism and internationalism. The need to comply with ideological, censorial demands substantially limited the freedom of creative search, often led to schematism, «posterism» of subjects and images. However in general the humanistic ideas of goodness, fairness, peaceful coexistence of the peoples, transmitted by North Caucasian cinematography, resonated with the moods of the majority of the region' multinational population and responded in the hearts of ordinary people.

Keywords: North Caucasus, cinema art, regional TV cinematography, documentary and art cinema, cultural paternalism, political elite, A. T. Aguzarov.

Анализ происходящих в современном мировом кинематографе процессов убеждает, что кино, как и сто лет назад, остается «важнейшим из искусств». Без сомнения, из всех видов художественного творчества кино — самое демо-

кратичное и в силу иллюстративной образности языка самое доступное для восприятия миллионов людей искусство. Оно с легкостью преодолевает границы государств и культур, активно вовлекается в общемировые процессы глобализации и, вместе с тем, выступает важнейшим фактором обеспечения национально-культурной идентичности народов.

В развитии отечественного кинематографа постсоветские 1990-е и начало 2000-х гг. стали одним из самых сложных периодов. В результате разрыва межкультурных связей национальных республик бывшего СССР и резкого сокращения государственной поддержки российское киноискусство пережило глубокий кризис. Вхождение в рыночные отношения сопровождалось значительным снижением количества и качества кинопродукции. Однако наблюдающиеся в последние годы в государственной культурной политике изменения, направленные на нормализацию ситуации в сфере отечественного киноискусства, вселяют осторожный оптимизм. Поддержка и реализация крупных кинопроектов свидетельствуют о возвращении внимания государства к проблемам кино. Растет понимание роли кино как социального института, обладающего мощным потенциалом воздействия на умонастроения людей. Осознание высокого предназначения кино в жизни многонациональной России делает актуальной постановку вопроса о том, каким быть современному отечественному кино. Низводить искусство под вывеской реализма до натуралистичной демонстрации «мерзостей жизни» и унижать тем самым достоинство рядового россиянина (среди таких фильмов в современном российском кино «Левиафан», «Сволочи» и др.), или воспитывать гражданина, патриота

своего Отечества, уважающего культурные, религиозные, ментальные различия народов, населяющих Российскую Федерацию? В контексте обозначенной проблемы анализ и практическое освоение советского опыта организации национальных школ кинопроизводства как части общегосударственной культурной политики представляется весьма актуальным. Необходимость обращения к вопросу формирования и развития киноискусства в региональном разрезе диктуется также слабой изученностью этой темы в отечественной историографии [1; 2; 3; 4].

История кинематографа народов Северного Кавказа, являющегося неразрывной частью российского многонационального киноискусства, началась вскоре после окончания Великой Отечественной войны. На основании приказа Комитета по делам кинематографии при Совнаркоме СССР от 22 марта 1945 г. в г. Дзауджикау (ныне Владикавказ) была основана Северо-Кавказская студия кинохроники [5, 166]. Организационное становление студии происходило в сложных реалиях первых послевоенных лет. Она размещалась в здании бывшего музея в маленьком, плохо приспособленном для работы помещении. В качестве оборудования и аппаратуры для новой студии оставили часть производственных мощностей Ростовской студии кинохроники, которая в годы войны находилась в эвакуации во Владикавказе. За отсутствием собственных профессиональных кадров специалистов приглашали из разных регионов страны. Первыми операторами и кинорежиссерами студии были сотрудники Ростовской студии кинохроники, а также приехавшие в столицу Северной Осетии фронтовики, операторы П. Финкельберг, В. Еремеев, М. Барбутлы. В качестве помощников

и ассистентов у них работали местные молодые ребята Х. Короев, В. Дзобаев и др. Они не имели специального образования, а «свои университеты проходили у высококлассных мастеров», на практике приобретая бесценный опыт освоения профессии [3, 43-44; 6].

Преодолев трудности роста, Северо-Кавказская студия со временем превратилась в один из ведущих центров региональной документалистики. Она снимала хроникально-документальные, научно-популярные и учебные фильмы. Во всех национально-автономных республиках: Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестане, а также Ставропольском крае работали корреспондентские пункты. Они собирали документальный материал для выпусков киножурнала «Северный Кавказ», в котором рассказывали об общественно значимых событиях в повседневной жизни народов Северного Кавказа, о политике, о производственных достижениях в сфере промышленности, строительства, сельского хозяйства, о работе научных и культурных учреждений региона. Ежегодно создавалось 48 номеров киножурнала. Студия активно утверждала в документальном кино жанровое разнообразие сюжетов, снимала очерки, кинопортреты, фельетоны, тематические киножурналы и т.д. [5, 188-189]

Новый этап в развитии киноискусства в регионе начался с создания в 1960-е гг. студий телевидения. Они продолжили традиции региональной документалистики, заложенные Северо-Кавказской студией кинохроники. В последующем накопленный студиями творческий потенциал при съемках документальных фильмов послужил надежным основанием для становления и развития телевизионного документального и художественного кинематографа

на Северном Кавказе.

Центром формирования телевизионного регионального киноискусства стала Северо-Осетинская студия телевидения. К середине 1960-х гг. здесь были сняты документальные фильмы «У синих скал», «Память сердца», «На пороге весны», фильм-концерт «Мелодии гор» и другие. Работы студии получили положительную оценку Центрального телевидения в Москве. Первые успехи окрылили участников кино съемочных групп и послужили для политического руководства республики основанием к тому, чтобы просить Гостелерадио СССР об организации региональной студии телевизионных фильмов в Орджоникидзе.

По многочисленным свидетельствам современников и участников событий особая заслуга в продвижении идеи избрания Северной Осетии в качестве регионального центра кинопроизводства принадлежала председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Северо-Осетинской АССР А.Т. Агузарову. Он вступил в должность руководителя Гостелерадио Северной Осетии в марте 1963 г. и практически с первых дней поставил перед местным руководством вопрос о необходимости строительства производственного комплекса Северо-Осетинского телецентра в городе Орджоникидзе [7, 65; 8, 60-61]. Реализация этого плана давала большие преимущества, так как позволяла значительно расширить и совершенствовать техническую базу местной телестудии, обеспечить лучшие условия для работы творческих групп. Вместе с тем, она создавала возможности для организации полного цикла съемок документальных и игровых фильмов в республиках Северного Кавказа. В мае 1963 г. в Совет Министров РСФСР

и Государственный комитет по радиовещанию и телевидению СССР за подписью секретаря обкома КПСС Б. Кабалоева и председателя Совета Министров республики О. Басиева было направлено письмо. Республиканское руководство просило «решить вопрос о привязке в текущем году проекта киномеханического комплекса по Пермскому варианту и предусмотреть начало строительства этого объекта в 1964 году» [2, 104; 8, 47,63,212, 304].

Быстрое развитие телевидения в Советском Союзе в 1960-е гг. в перспективе обеспечивало условия для создания студий телефильмов при республиканских и региональных Комитетах радиовещания и телевидения. Но в северокавказских республиках в начале 1960-х гг., когда только создавалось телевидение, а в домах рядовых городских жителей «только-только начинали призрачно светиться серенькие телеэкраны», идея создания собственной базы кинопроизводства многими воспринималась как неосуществимая фантазия [8, 208]. Руководство соседних республиканских Комитетов радиовещания и телевидения довольно прохладно отнеслось к идее осетинских коллег, справедливо полагая, что сложный киносъёмочный процесс «будет отвлекать от телевидения». Тем более что далеко не все телестудии бывшего Советского Союза в то время не снимали не то что художественные, но даже документальные фильмы. «Центральное телевидение и Ленинград, столицы союзных республик, Свердловск, Новосибирск, Владивосток — еще пять-шесть городов, вот, пожалуй, и все. И нужно было очень любить кино и быть большим его энтузиастом, чтобы добиться и начать кинопроизводство на телевидении Осетии» [8, 199, 304].

Именно такими энтузиастами были первый на телевидении Северной Осетии профессиональный кинооператор М. Темиряев и председатель Гостелерадио СОАССР А. Агузаров. Дипломную работу М. Темиряев защитил по знаменитому фильму «Человек-амфибия», в съемках которого он участвовал в качестве второго оператора. В 1962 г. молодой выпускник операторского факультета Государственного института театрального искусства телеграммой обкома КПСС был вызван из «Ленфильма». Окрыленный первым большим успехом, он вернулся домой с идеей создать свою республиканскую студию телевизионных фильмов. По мнению некоторых современников, именно М. Темиряев заразил «шаловой идеей» создания национального кинематографа А. Агузарова, вступившего в должность в марте 1963 г. Последний в свою очередь сумел убедить местное партийное руководство в перспективности создания собственной региональной базы кинопроизводства [3, 50; 8, 208].

А. Т. Агузаров заручился поддержкой первого секретаря обкома КПСС Б. Е. Кабалоева, а затем, не жалея «ни собственных, ни чужих сил», стал упорно продвигать идею в кругах высших кино- и телевизионных руководителей в Москве. Позднее он вспоминал, что находил понимание в руководстве Комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров СССР, но возможности для организации кинопроизводства были весьма ограничены. Отсутствовала также законодательная база, дававшая местным студиям право снимать кино. Тем не менее, А. Агузаров продолжал настойчиво добиваться поставленной цели. Месяцы хождений по кабинетам высокопоставленных чиновников Гостелерадио СССР и Цен-

трального телевидения дали положительный результат. Руководство Гостелерадио СССР направило специальную комиссию во главе с А. А. Коровиным «для прояснения ситуации на месте». Члены комиссии провели с представителями партийно-советских органов власти всех автономных республик Северного Кавказа консультации, по итогам которых они пришли к заключению о возможности и предпочтительности создания регионального центра производства телевизионных фильмов именно в Северной Осетии. Финансировать региональное кино планировалось из федерального бюджета [8, 207; 9, 17-18].

К этому времени руководители некоторых соседних северокавказских республик также выразили желание выступить региональным центром кинопроизводства. Но им не хватило убедительных аргументов в свою пользу, и они вынуждены были согласиться с решением центральной власти. Руководители республиканских комитетов радиовещания и телевидения голосовали за образование в Северной Осетии базовой региональной студии по производству телевизионных фильмов для Центрального телевидения. «... наш голос был при голосовании «за». И я думаю, что это было очень справедливо, — пишет С. Хавчаев, заместитель директора ГТРК «Дагестан» в юбилейном издании «Осетинская горка. Восхождение», — потому что Осетия всегда была ядром, цементирующим весь Северный Кавказ... Мы все ручейками стекались к Осетии так же, как к Каспию стекаются все реки, в том числе и ваш Терек» [8, 199, 212].

На вторую половину 1960-х гг. пришелся сложный организационный этап становления в Северной Осетии «базовой студии по производству кино на Северном Кавказе». В условиях, когда,

по сути «с нуля», предстояло создать всю производственную базу студии, решить множество вопросов, связанных с финансированием трудоемкого, затратного процесса кинопроизводства, добыванием необходимого оборудования, приобретением специальной аппаратуры, подготовкой профессиональных кадров кинематографистов, особое значение приобретал личностный фактор. Председатель Гостелерадио Северо-Осетинской АССР А. Т. Агузаров был центральной фигурой в решении практически всех вопросов, связанных с формированием региональной базы кинопроизводства.

После того, как инициатива политического руководства Северо-Осетинской АССР была поддержана высшим руководством страны, началась практическая работа на месте. Под студию выделили приземистое помещение в столице республики, на улице Маркуса, 3. Впоследствии заместитель председателя Республиканского комитета по радиовещанию и телевидению в 1962-1968 гг. М. Д. Бетоева вспоминала: «Думаю, что никто из телевизионщиков той поры никогда не забудет, как мы во главе с А. Т. Агузаровым в течение нескольких дней выгребали лопатами, ломками, кирками и отправляли десятки машин мусора на свалку. Затем подключились ремонтники. Отремонтировали, установили соответствующее оборудование, технические средства. Благо ЦТ поддерживало все наши начинания и обеспечивало и штатами, и финансово, и технически» [8, 47].

Но это было только начало трудного пути к «вершинам кинематографического Олимпа». В 1970-е гг. благодаря неустанной деятельности председателя Гостелерадио Северо-Осетинской АССР началось строительство Кинокомплекса и киносъемочного пави-

льона площадью 680 кв. метров. На проведение работ предусматривалось затратить 280-300 тыс. рублей. Финансирование строительства киносъемочной базы осуществлялось за счет бюджетных средств Северо-Осетинской АССР с долевым участием Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР [10, 31-32].

Несмотря на оказываемую местными и центральными властями поддержку, инициаторы создания регионального кинематографа, прежде всего его главный идеолог А. Агузаров, столкнулись с немалым количеством трудностей. Приходилось решать постоянно возникавшие конкретные проблемы, связанные не только с финансовым, техническим, профессиональным обеспечением процесса кинопроизводства. Нужно было преодолевать стену человеческой косности, непонимания и недоброжелательства, «отбиваться» от сплетен и пересудов, быть жестким и порой несправедливым, «в пылу борьбы» теряя прежних друзей. Но, как отмечал председатель Гостелерадио Дагестана в 1970-2002 гг. М. Гамидов, «Агузаров прекрасно знал свое назначение» и оставался верным своей мечте. Он умел отстаивать свои убеждения в высоких чиновничьих кабинетах в Москве. Добиваться понимания и поддержки руководителей республики: первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС Б. Е. Кабалоева, секретаря по идеологии А. Г. Кучиева, председателя Совета Министров О. А. Басиева, министра культуры С. Е. Ужегова. Он также умел убеждать, договариваться и приобретать союзников в среде коллег по цеху [8, 196, 212-213; 9, 18, 27].

Строительные работы по возведению Кинокомплекса и кинопавильона в городе Орджоникидзе продолжались более десяти лет и завершились к сере-

дине 1980-х гг. Построенные объекты были полностью оборудованы необходимой техникой и аппаратурой, которая позволяла реализовать полный цикл всех процессов по фильмопроизводству. Кинокомплекс превратился в реальную площадку по производству документального и игрового кино для всех северокавказских республик [11, 29].

В целом события, связанные с организацией студии телевизионных фильмов и строительством Кинокомплекса и кинопавильона в городе Орджоникидзе ярко иллюстрируют перемены в управленческой практике региональных властей в области национальной культуры. Они выразились в практике культурного патернализма, зародившейся на волне «оттепели» и получившей дальнейшее распространение в 1970-е — начале 1980-х гг. среди местной политической элиты. Оформление своеобразной покровительственной политики в отношении творческой интеллигенции оказало значительное влияние на развитие в целом всех сфер культуры народов Северного Кавказа и, в частности, регионального кинематографа.

Официальная история телевизионного игрового кино в северокавказском регионе началась в 1967 г. с фильма «Возвращение Коста», снятого по заказу Центрального телевидения и приуроченного к 110-летию со дня рождения великого осетинского поэта, основоположника осетинской литературы Коста Левановича Хетагурова. В основу фильма была положена опера композитора Х. Плиева. Собственных профессиональных кадров кинематографистов практически не было. Поэтому из Москвы пригласили режиссером-постановщиком И. Г. Шароева. Он имел опыт постановки музыкальных произведений. Художественным руководителем стал Ю. Чулюкин, режиссер «Мосфиль-

ма», хорошо знакомый зрителям по фильмам «Неподдающиеся», «Девчата» и др. Оператором-постановщиком был также «мосфильмовец» Г. Шатров. К съемкам были привлечены также работники республиканской студии телевидения — звукооператор С. Есиев, художник Т. Басиев. В фильме снимались осетинские актеры М. Икаев, М. Цаликов, Е. Туменова и др. [8, 306-307]

Фильм «Возвращение Коста» содержательно и тематически всецело отвечал социально-политическим запросам власти, соответствовал «духу времени». Он стал органичной составной частью художественного творчества, занятого осмыслением социальных предпосылок революции, борьбы за свободу и независимость народа. В нем нашли яркое отражение задачи, поставленные в рамках метода соцреализма перед всей культурой в осмыслении проблем революции, гражданской и Великой Отечественной войн, утверждения советской власти и строительства социализма.

Закономерно, что первым, включенным в плановое производство Гостелерадио СССР игровым фильмом на студии телевизионных фильмов, стала лента «Костры на башнях», продолжившая в региональной кинематографии традиции советского историко-революционного кино. Спустя годы режиссер-постановщик фильма Р. Меркун, который дебютировал в картине в качестве режиссера игрового кино, писал: «О чем, на какую тему в то время на Северном Кавказе мог быть снят первый, и не только, финансируемый государством фильм... Фильм мог быть только о торжестве советской власти, в крайнем случае, о становлении советской власти на Северном Кавказе» [8, 206].

Главными героями фильма были двое молодых людей — осетин Алан и ингуш Шахбулат. Пройдя кровавыми

дорогами Первой мировой войны и всем сердцем приняв лозунги Февральской революции, они возвращались домой. Обозленные бедностью, отравленные давней национальной враждой, герои картины как враги сходились на одной дороге... Знакомство и дружба с русским парнем Алексеем, участие в его спасении примиряли их и открывали простую истину: «бедняку-ингушу нечего взять у бедняка-осетина». Не поддавшись фальшивым призывам мулл и богачей, они отвергали тезис национальной вражды, приходили к пониманию необходимости совместной борьбы за идеалы равенства и справедливости. В финальных кадрах на родовых башнях зажигались костры, возвещавшие от ущелья к ущелью призыв к вооруженному восстанию [1, 155].

В ходе работы съемочная группа преодолела немало трудностей творческого и производственного плана. Но неподдельный энтузиазм, искренняя увлеченность «таинством кино» компенсировали отсутствие должных профессиональных навыков, нехватку финансовых средств, недостатки в техническом оснащении и др. Первый опыт воплощения историко-революционной темы в рамках полнометражного художественного фильма оказался удачным для национального телевизионного киноискусства.

Очевидно, что фильм относился к разряду «датских произведений» — творческих работ, создававшихся к юбилею знаменательных исторических событий. Он был приурочен к 50-летию Великой Октябрьской революции и создавался в полном соответствии с идеологическими канонами. Но заложенные в картине идеи гуманизма, социальной справедливости, дружбы между народами были понятны и созвучны чувствам простых людей, что обеспечило

ей успех у широкой зрительской аудитории. Премьера состоялась в 1968 г. Работу молодой киностудии благосклонно приняли политические кураторы и кинокритики. На зональном смотре телевизионных фильмов лента была удостоена Диплома за лучшее воплощение темы интернациональной дружбы [8, 190].

Картина, пропагандировавшая идеи братства и межнационального мира, создавалась творческим коллективом, который сам служил примером сотрудничества и сотворчества представителей разных национальностей (русских, осетин, ингушей, чеченцев и др.). Многонациональный состав творческой группы подтверждался простым перечнем фамилий участников: сценаристов Юрия Чулюкина, Максима Цагараева, Саида Чахкиева, режиссеров Роберта Меркуна, Владимира Чеботарева, операторов Мирона Темиряева, Михаила Немысского, актеров Анатолия Галаова, Николая Саламова, Инветы Моргоевой, Дагуна Омаева, Муссы Дудаева, Валентины Бирюковой и др.

Интернационализм стал основополагающим принципом, на котором строилось здание регионального кинематографа на протяжении многих десятилетий. Документальное и художественное киноискусство на Северном Кавказе, создававшееся многонациональными творческими коллективами, достаточно эффективно выполняло задачи продвижения в сознании людей идей классовой солидарности, дружбы между народами. Творческое взаимодействие деятелей культуры Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Ставрополья росло и укреплялось с каждым новым фильмом.

В конце 1960-х — 1980-х гг. на Северо-Осетинской студии «Телефильм»

было создано множество разноплановых игровых и документальных фильмов. Историко-революционное кино оставалось одним из наиболее популярных направлений творческих поисков молодой школы кинематографии. В этом жанре был снят фильм «Жизнь, ставшая легендой» в двух частях (сценарий Г. Черчесова и Ю. Чулюкина, режиссер Ю. Чулюкин, оператор Г. Шатров) — «непревзойденной постановочной масштабности и сложности» для молодого телевизионного кинематографа. Положенный в основу фильма исторический материал содержал, по замечанию киноведа Л. Н. Джулай, «любопытнейшую и плодотворную возможность исследования личности в контексте истории и самого времени в преломлении через эту личность» [1, 156-157].

В героико-романтическом стиле была исполнена картина «Последний снег», снятая в 1970 г. Сюжет ленты был основан на реальных событиях периода фашистской оккупации Северной Осетии. Создатели фильма: режиссер Р. Мурадян, оператор М. Темиряев, дебютировавший как сценарист А. Агузаров, актеры З. Цахилова, П. Карду, Е. Кулаев рассказали пронзительную, полную драматизма историю короткой, но героической жизни молодой учительницы Чабахан Басиевой, заплатившей жизнью за отказ от сотрудничества с врагом, но сохранившей верность Родине и своим убеждениям.

С годами накапливался опыт кинопроизводства, осваивались новые художественные приемы, формировалось тематическое и жанровое разнообразие кинопродукции. Наряду с разработкой историко-революционной темы, кинематографисты все чаще обращались к проблемам современности. В 1960-е — 1980-е гг. осетинские, кабардино-бал-

карские, чечено-ингушские, дагестанские кинематографисты сняли десятки документальных фильмов: «Свет над Сангути-хох» И. Бурнацева, «Шагди» В. Ворокова, «Вступление», «Сулакский каскад» Р. Гаспарянца, «Эстафета» С. Мамилова, «Терек — река дружбы» Р. Меркуна, «Чиркай на все времена», «Гроздь винограда», «Жизнь, прожитая набело» Т. Султанова, «В горах Чечено-Ингушетии» И. Татаева и т.д. Фильмы довольно успешно выполняли адресованный им социальный заказ: создавать привлекательный образ советской действительности. Они представляли многоцветную картину богатой культуры и прекрасной природы многонационального края, трудовых будней его жителей.

Художественный кинематограф республик Северного Кавказа развивался по тем же принципам, что и документальный. В 1970-е — 1980-е гг. в рамках выполнения «социального заказа» перед игровым кино ставились конкретные задачи прославления трудовых достижений жителей многонационального края и осуждения «недостатков современной жизни» (тунеядства, кумовства, взяточничества, пьянства, следования в быту народным обычаям и традициям), однозначно трактуемых как «пережитки прошлого». Некоторые игровые фильмы («Новоселье в будний день» режиссера Р. Меркуна, «В горах — реки бурные» режиссера В. Чеботарев, «Оглянись, найдешь друзей» режиссеров Ю. Чулюкина, Р. Гаспарянца, «Сбереги башню» режиссера И. Бурнацева и др.) своей злободневностью и публицистичностью приобретали характер художественного документа. О сложных отношениях между людьми разных культурных традиций, о стремлении понять и принять духовные ценности другого народа рассказывала карти-

на «Горская новелла», снимавшаяся по сценарию ингушского писателя С. Чахкиева двумя режиссерами: осетином И. Бурнацевым и чеченцем И. Татаевым. Этот первый игровой фильм Чечено-Ингушетии, снятый при активной помощи Гостелерадио Северо-Осетинской АССР, служил ярким примером сотворчества представителей многих национальностей на ниве регионального северокавказского кино [1, 164, 168].

Безусловно, большой вклад в развитие регионального кино внесли представители русской советской кинематографической школы. Многие годы в северокавказском кино успешно работали приглашенные из Москвы и Ленинграда режиссеры, сценаристы, операторы: В. Голованов, В. Чеботарев, Ю. Чулюкин, Г. Шатров и др.

Постепенно росли собственные кадры профессиональных режиссеров, операторов, сценаристов (Б. Бзаров, И. Бурнацев, В. Вороков, Б. Дзбоев, Р. Гаспарянц, А. Кайтуков, Ю. Мерденов, Т. Султанов, операторы М. Немыский, А. Себетов и др.). Первые шаги на кинематографической стезе многие из них делали в любительских студенческих киностудиях, на республиканских студиях телевидения. Потом они постигали «азы киноискусства», участвуя в съемках первых фильмов Северо-Осетинской студии в качестве ассистентов и помощников режиссеров, операторов, звукорежиссеров, звукотехников. Но для закрепления практических навыков требовалась специальная профессиональная подготовка. И республиканские власти поддерживали местную творческую молодежь в стремлении к получению специального кинематографического образования.

В конце 1960-х — 1970-е гг. многие сценаристы, режиссеры, операторы прошли обучение во Всероссийском го-

сударственном институте кинематографии (ВГИК), Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), Высших курсах сценаристов и режиссеров при Госкино СССР. За годы учебы они приобрели новые передовые знания, обогатились интересными идеями и замыслами, сохранив при этом подлинный энтузиазм первопроходцев и любовь к кино. В совокупности все эти факторы служили серьезным основанием для появления в региональном кинематографе «жемчужной россыпи» запоминающихся фильмов. Обаянием молодости, творческим задором были наполнены дипломные работы молодых североосетинских режиссеров Б. Дзбоева «Прощайте, коза и велосипед» (сценарий В. Голованова, оператор М. Темирязев, 1971) Р. Гаспарянца «По следам Карабаира» (оператор М. Немыцкий, 1979). Сценарий для фильма Р. Гаспарянца писали И. Притула и В. Файнберг по роману кабардинского писателя Р. Кешокова.

Потом на Северо-Осетинской студии «Телефильм» было снято еще немало интересных работ: «Кольцо старого шейха» (1980), «Загадка кубачинского браслета» (1982) и «Тайна рукописного Корана» (1990) Р. Гаспарянца, «И оглянулся путник» (1984) И. Бурнацева. Национальные кинематографисты активно разрабатывали и пространство комического искусства. Они осваивали разные виды комедий: музыкальные («Песни над облаками» (1976) Ю. Горковенко и И. Гаспарянца), лирические («Ах, любовь» (1977) Б. Дзбоева, М. Цихиева, Э. Савельевой, «Семейная драма» (1976), «Чегери» (1980) И. Бурнацева), социальные, сатирические («Сюрприз» (1975) И. Бурнацева, «Во всем виновата Залина» (1988) Р. Меркуна). Первым дагестанским телевизионным

художественным фильмом была снятая в 1976 г. короткометражная комедия сценариста и режиссера Т. Султанова «Кубачинская свадьба» [1, 169].

Фильмы северокавказских кинематографистов успешно проходили комиссию Гостелерадио СССР, получали соответствующую категорию, тиражировались, а потом многомиллионная телевизионная аудитория смотрела их в самых отдаленных уголках огромной страны. Через эти фильмы всесоюзный зритель получал возможность узнать о многообразной, богатой художественной культуре народов Северного Кавказа. Он знакомился с киноработами уже упоминавшихся выше режиссеров, операторов, а также творчеством писателей и сценаристов А. Абу-Бакара, А. Агузарова, Р. Кешокова, И. Притулы, Г. Черчесова, композиторов Ф. Алборова, И. Габараева, М. Кажлаева и др. Благодаря кино широкую известность получили многие замечательные актеры: М. Абаев, Б. Ватаев, Д. Габараев, А. Гайтукаев, А. Дзиваев, М. Дудаев, И. Моргоева, Б. Мулаев, Д. Омаев, А. Тухужев, В. Тхапсаев, Р. Фиров, Дз. Хамикоев, А. Шихалиев, Т. Яндиева и др. Был еще многочисленный отряд работников технических служб (киноинженеров, осветителей, проявителей, монтажеров, водителей и т.д.), перечисление имен которых заняло бы не одну страницу. Огромный труд этой когорты кинодеятелей был не так заметен. Но без их самоотверженности, любви к своей работе не мог состояться региональный кинематограф.

В заключении, подводя общий итог, отметим, что в 1960-1980-е гг. в республиках Северного Кавказа сложилась самобытная телевизионная кинематографическая школа, во многом являвшаяся продуктом государственной национальной культурной политики. Ре-

гиональное киноискусство развивалось в условиях действия государственной программы «социального заказа». Это определило его жанровые и тематические предпочтения. Перед кинематографистами ставились конкретные задачи: пропаганда советского образа жизни, воспитание людей в духе преданности социалистическим идеалам, чувств патриотизма и интернационализма. Необходимость соблюдения цензурных требований существенно ограничивала свободу творческого поиска деятелей кино, сужала диапазон киноязыка. На киноплощадке было мало места для экспромта вне утвержденного сценария, для творческого эксперимента. В итоге, решение творческих задач в

идеологически заданных контекстах нередко приводило к схематизму, плакатности сюжетов и одномерности создаваемых образов. Однако в целом транслируемые создателями кино идеалы добра, справедливости, мирного сосуществования народов перекликались с настроениями большинства многонационального населения Северного Кавказа и находили отклик в сердцах обычных людей. Исходя из сказанного, вполне закономерным представляется тот факт, что десятки игровых и сотни документальных фильмов, снятых кинематографистами региона в 1960-е — 1980-е гг., заслуженно стали частью сокровищницы художественной культуры народов Северного Кавказа.

-
1. Джулай Л. Н. Рождается сегодня... Очерк истории художественного кинематографа Северной Осетии // Вопросы осетинского советского искусства. Орджоникидзе, 1981. Т. 38. С. 152-171.
  2. Джулай Л. Н. Познание поэтики. Поиски образа в документальном телефильме // Литературная Осетия. 1975. № 46. С. 103-109.
  3. Хубецова З. Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. Владикавказ, 1999.
  4. Цориева И. Т. Документальное киноискусство в республиках Северного Кавказа: Из истории зарождения // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 4-х частях. Уфа, 2017. Ч. 4. С. 77-79.
  5. Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. В 2-х тт. Орджоникидзе, 1983. Т. 2.
  6. Северная Осетия. 2016. 28 сентября.
  7. Государственный архив новейшей истории РСО-А (ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп. 25. Д. 412.
  8. Осетинская горка. Восхождение: к юбилею ГТРК «Алания»/Отв. ред. Т. В. Кусов. Владикавказ, 2011.
  9. Агузаров А. Т. Воспоминания // Мах дуг. 1992. № 4. С. 10-54.
  10. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 49.
  11. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 29. Д. 833.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОСЕТИИ И НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ТРУДАХ А. К. ДЖАНАЕВА

Г. И. Цибиров

В статье прослеживается жизненный и творческий путь Акима Казбековича Джанаева — одного из видных представителей поколения осетинской научной интеллигенции, чья творческая биография складывалась в период глубоких общественных трансформаций первой половины XX в. А. К. Джанаев рано проявил интерес к гуманитарному знанию, который со временем превратился в осознанное желание стать профессиональным историком. Этому способствовала и общественная атмосфера 1920-х — 1930-х гг., когда образованная часть общества активно вовлекалась в обсуждение вопросов идеологического обоснования строительства социализма в СССР. Джанаев много лет преподавал в разных учебных заведениях. Но его главным призванием стало занятие наукой. В статье отмечается большой вклад ученого в развитие исторического осетиноведения и кавказоведения. Автор характеризует основные направления научно-исследовательской деятельности Джанаева. Обширность его научных интересов подчеркивает перечень тем, к которым исследователь обращался на протяжении своей долгой жизни в науке. Среди них вопросы феодального землевладения в Дигории, развития революционного движения и социалистического строительства на Северном Кавказе, проблемы осетинской историографии, археографические и источниковедческие изыскания и т.д. Представлен библиографический список трудов А. К. Джанаева, в котором значится 84 названия, включающих монографии, статьи, а также сборники научных статей и документов, в подготовке которых участвовал исследователь.

Ключевые слова: история Осетии, А. К. Джанаев, феодальное землевладение, революционное движение на Северном Кавказе, осетинская историография, источниковедение.

The article traces the course of life and creativity of Akim Kazbekovich Dzhanayev — one of the prominent representatives of the generation of Ossetian scientific intelligentsia, whose creative biography was being formed during the period of profound social transformations in the first half of the XX c. A. K. Dzhanayev developed interest in the Humanities at a very early age, and this interest eventually turned into conscious desire to become a professional historian. The social atmosphere of 1920-1930 facilitated this, when the educated layer of the society was actively engaged in discussing issues of ideological foundation for the socialism construction in USSR. Dzhanayev taught for many years in different educational organizations. But scientific research was his main calling. The article marks the scientist's important contribution into development of the Ossetian studies and Caucasology. The author characterized the main directions of Dzhanayev's research activities. The list of themes the researcher treated during his long life in science outlines breadth of his scientific interests. Among them there are problems of feudal landowning in Digoria, development of the revolutionary movement and socialist construction in the North Caucasus, as well as the questions of the Ossetian historiography, archeographical and source studying, etc. The bibliographical list of the Dzhanayev's works is presented. It contains 84 titles including the monographs, articles, as well the collected scientific articles and documents, in elaborating which the researcher participated.

Keywords: history of Ossetia, A. K. Dzhanayev, feudal landowning, revolutionary movement in the North Caucasus, Ossetian historiography, source studying.

Аким Казбекович Джанаев родился 8 марта 1909 г. в крестьянской семье в горном селении Сындысар Нарского прихода Владикавказского округа.

В 1911 г. испытывавшая острое малоземелье в горах семья Джанаевых переселилась на равнину и обосновалась в селении Кадгарон. В 1918 г. ее постигло большое горе — умер отец, Казбек Бесланович, и семья осталась без кормильца. В год смерти отца девятилетний Аким поступил в Кадгаронскую сельскую школу. Прочувшись три года, из-за тяжелых материальных условий он вынужден был оставить учебу и наняться общественным пастухом в селении.

Но тяга к знаниям и большое трудолюбие подростка оказались сильнее материальных невзгод, и через некоторое время он продолжил учебу. В 1925 г. окончив Кадгаронскую школу первой ступени, Аким Джанаев поступил в Северо-Осетинский педагогический техникум. Спустя четыре года он уехал в г. Закатала Азербайджанской ССР и устроился работать на Орехоочистительный завод. В свободное от работы время штудировал учебники, готовился к поступлению в вуз.

В 1930 г. Аким Казбекович стал студентом Казанского политехнического института. Однако избранная специальность не приносила удовлетворения. В юноше все больше укреплялся интерес к общественным и гуманитарным наукам, который проявился еще в годы учебы в педагогическом техникуме во Владикавказе. Этому способствовала и общественная атмосфера в стране в целом, и активное вовлечение научной, творческой интеллигенции в обсуждение вопросов политэкономии, философии, идеологического обоснования теории строительства социализма в СССР.

В декабре 1930 г. Аким Казбекович переехал в Москву с намерением поступить на историко-философский факультет МГУ. На руках он имел рекомендательное письмо от руководства Политехнического института с просьбой о принятии его в студенты МГУ «в порядке перевода». Однако А. Джанаеву было отказано в зачислении с мотивировкой: «отсутствие свободных мест». В результате юноша поступил в Московский плановый институт на факультет планирования научно-исследовательской работы, который успешно окончил в 1934 г.

Педагогическую деятельность А. К. Джанаев начал еще будучи студентом. Он преподавал политическую экономию в Институте золота, в Мясном институте. По окончании Московского планового института Аким Казбекович некоторое время работал в плановой комиссии ЦИК Юго-Осетинской автономной области.

Осенью 1934 г. Джанаев был призван на действительную службу в РККА. После демобилизации, в декабре 1935 г. ему предложили занять должность экономиста-исследователя в Грозненском нефтяном научно-ис-

следовательском институте. Одновременно по совместительству он преподавал политэкономия в Грозненском плановом техникуме.

К этому времени Джанаев окончательно утвердился в желании стать профессиональным историком. Осознанное стремление заниматься наукой привело его в Северо-Кавказский (Горский) научно-исследовательский институт. В сентябре 1936 г. он был зачислен в аспирантуру по специальности «История народов Северного Кавказа» с тем условием, что вместе с выполнением кандидатского минимума он будет сдавать вузовские курсы по историческим дисциплинам. В 1937 г. в связи реорганизацией Северо-Кавказского края Горский НИИ был упразднен, и Джанаев был переведен в аспирантуру при Северо-Осетинском научно-исследовательском институте. После окончания аспирантуры в 1939 г. его оставили в институте в качестве ученого секретаря СОНИИ. Одновременно он был принят ассистентом на кафедру истории СССР Северо-Осетинского государственного пединститута.

В мае 1941 г. Аким Казбекович как офицер запаса был призван на переподготовку в город Днепропетровск, где его и застала Великая Отечественная война. С самого начала войны Джанаев находился в действующей армии. Участвовал в боях на Западном фронте, был командиром топографического взвода и начальником штаба артдивизиона 249-ой стрелковой дивизии, позже преобразованной в 16-ую гвардейскую дивизию.

3 апреля 1942 г. Джанаев был тяжело ранен в боях под городом Велиж, в связи с чем 13 августа того же года был временно снят с военного учета, а затем уволен в запас. После возвращения домой в течение полутора лет — с июня

1943 и до конца 1944 г. — Аким Казбекович работал заместителем начальника Управления по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Северо-Осетинской АССР.

Джанаев возобновил прерванную войной работу над диссертацией по теме «Феодальное землевладение в Стыр Дигории». Успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук состоялась 12 января 1945 г. в Азербайджанском государственном университете.

После реэвакуации Северо-Осетинского педагогического института Аким Казбекович вернулся к педагогической деятельности. В 1947 г. он был утвержден в звании доцента по кафедре истории СССР. С 1952 по 1955 гг. являлся заведующим кафедрой истории СССР Северо-Осетинского госпединститута и одновременно исполнял обязанности заместителя директора Учительского института. Джанаев продолжал заниматься и научной деятельностью. Начиная с 1946 г. он работал по совместительству старшим научным сотрудником Северо-Осетинского научно-исследовательского института. В 1955 г. по решению бюро Северо-Осетинского обкома КПСС был переведен в Северо-Осетинский НИИ на должность заместителя директора по научной работе. В этой должности он проработал до 1975 г. В последующее время вплоть до ухода на заслуженный отдых работал старшим научным сотрудником отдела истории СОНИИ.

Идейно-политическую закалку Джанаев получил в рядах ленинского комсомола, членом которого он состоял с 1924 по 1939 гг. В 1939 г. он вступил в ряды членов ВКП (б). За время пребывания в рядах комсомола и Коммунистической партии он принимал активное участие в общественной

жизни. Так, в 1928-1929 гг. являлся секретарем комсомольской организации Оспедтехникума, в 1933 г. избирался членом вузовского бюро ВЛКСМ Московского планового института. В 1937 г. состоял членом Северо-Кавказского краевого комитета профсоюзов высшей школы. Накануне и в период Великой Отечественной войны был членом бюро партийной организации Всесоюзных курсов комсостава артиллерии, партторгом управления дивизиона в действующей армии. Возглавлял партийную организацию Северо-Осе-

тинского научно-исследовательского института, избирался в состав партбюро пединститута, депутатом Орджоникидзевского городского Совета депутатов трудящихся VI, VII, VIII созывов. Он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над фашистской Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне», «За трудовое отличие», «К 100-летию со дня рождения Ленина».

А.К. Джанаев скончался 26 июня 1990 г.

* * *

Имя Акима Казбековича Джанаева — видного осетинского ученого, представителя советской исторической школы, исследователя истории осетинского народа и народов Северного Кавказа — широко известно как в нашей республике, так и за ее пределами. Его работы по истории феодализма в Осетии, истории рабочего класса Северной Осетии и другим проблемам истории народов Северного Кавказа получили признание научной общественности.

Ученый внес заметный вклад в разработку таких вопросов, как изучение трудов классиков марксизма-ленинизма в Осетии, революционных событий 1905-1907 гг. в Северной Осетии и на Тереке, особенностей развития феодализма в Северной Осетии, вопросов историографии Осетии, истории Северной Осетии в восстановительный период и др.

Несомненным вкладом в развитие исторического осетиноведения стала публикация Джанаевым источников по различным проблемам истории Осетии. При его активном участии были изданы сборники документов: «Северная Осетия в революции 1905-1907 гг.»,

«Восстановительный период в Северной Осетии. 1921-1925 гг.», «Борьба за Советскую власть в Северной Осетии», «Съезды народов Терека», «Революция 1905-1907 гг. на Тереке» в 2-х томах и др.

Много внимания ученый уделял исследованию проблемы «Ленин и народы Кавказа». Одному из аспектов этой обширной темы была посвящена статья «Ленинская газета «Искра» о Доне и Северном Кавказе», опубликованная в «Известиях Северо-Осетинского научно-исследовательского института». В ней, в частности, прослеживались пути распространения ленинской газеты и ее влияние на формирование революционных настроений в крае. Постановка этих вопросов и их разработка имели непосредственное отношение к истории зарождения и деятельности социал-демократических групп и организаций на Тереке. При этом следует отметить, что проблема решалась в рамках целого региона, а не только на примере одной Северной Осетии.

Приведя большое количество примеров и фактов пропаганды материалов газеты «Искра» на Кавказе, автор утверждал, что деятельность «Искры»

и искровских организаций в России, в том числе Донкома и Кавказского союзного комитета РСДРП, способствовала распространению марксистских идей на Кубани, на Тереке, в Ставрополе. Идеи, организационные принципы «Искры» подготовили почву для зарождения социал-демократических групп и организаций на Северном Кавказе.

На протяжении многих лет научные интересы Джанаева были сосредоточены на проблеме участия Северного Кавказа в революции 1905-1907 гг. Приступая к исследованию сложной и неразработанной проблемы, Аким Казбекович осознавал, что ее нельзя осветить без глубокого освоения и анализа относящихся к теме документов и материалов. С этой целью он скрупулезно и тщательно формировал источниковую базу исследования, собирал архивные документы, материалы периодической печати и т.д. Работа была выполнена совместно с Асламбеком Ахметовичем Тедтоевым и издана в 1955 г.

Основное содержание работ Джанаева, посвященных революционным событиям начала XX в., сводится к тому, чтобы как можно полнее показать, что в основе революции 1905-1907 гг. на Кавказе, в том числе и в Северной Осетии, несмотря на местную специфику, лежали те же причины, что и в России в целом. И революционная борьба рабочих и крестьян Северного Кавказа за свое социальное и национальное освобождение в эти годы являлась составной частью первой русской буржуазно-демократической революции.

В работе «Из истории революции 1905-1907 гг. в Северной Осетии» автор на основе изучения внушительного массива архивных источников дает характеристику социально-экономического развития Северной Осетии в начале

XX в. В Северной Осетии, также как и в других районах страны, в результате развития товарно-денежных отношений шли активные процессы расслоения крестьянства, усиливалась эксплуатация деревенской бедноты. «В настоящее время, — писал в 1899 г. М. Цаголов, — среди аульного населения наблюдается страшная хозяйственная дифференциация. С одной стороны, мы видим буржуазию, сельских «богачеев», имеющих иногда довольно солидные средства, с другой — аульную голытьбу, в лучшем случае, имеющих одну лошадинку или пару еле-еле двигающих ноги быков» [1]. Эксплуатация осетинского крестьянства местными и русскими помещиками и буржуазией, острота аграрного вопроса, тяжесть налогов и повинностей, гнет царизма были предпосылками крестьянского движения в Осетии, причиной борьбы против самодержавия. Ученый отмечает, что в формировании революционных настроений в Северной Осетии большую роль сыграли революционно-демократические идеи Коста Хетагурова. И в поэзии, и в публицистических статьях Хетагуров давал глубокий анализ тяжелого политического и экономического положения народов Кавказа под властью царизма и феодалов, выступал с революционной страстью против самодержавия, местных и русских помещиков и буржуазии.

Подробно осветив ход революционной борьбы трудящихся масс Северной Осетии в революции 1905-1907 гг., Джанаев в заключении указывал, что революция потерпела поражение, но она явилась для рабочих и крестьян великой школой политической борьбы, генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Рабочие и крестьяне Северной Осетии, «ведя в годы революции

под руководством русского пролетариата освободительную борьбу против царизма, еще больше сблизилась с великим русским народом; они убедились в том, что осетины, как и другие народы окраин царской России, могут быть освобождены от социального и колониального гнета царизма только при условии совместной борьбы с русским пролетариатом под руководством партии большевиков» [2, 121].

Ряд работ Джанаева посвятил отдельным эпизодам истории классовых борьбы осетинского крестьянства накануне и в период первой русской революции. Из числа этих работ особый интерес представляет статья «Крестьянское восстание в с. Гизель», опубликованная в журнале «Мах дуг» («Наша эпоха»).

Одной из важнейших задач исторической науки является всестороннее изучение основных закономерностей развития человеческого общества. Среди конкретных теоретических вопросов особое место занимает проблема перехода от одной социально-экономической формации к другой, становление формации, когда новый способ производства не стал еще господствующим и определяющим, а старый, уходящий способ производства еще существует. В этой связи интересны работы Джанаева, посвященные разработке вопросов развития феодализма в Осетии. Свою научно-исследовательскую деятельность Аким Казбекович начал именно с изучения феодализма в Осетии, точнее, в ее западной части — в Дигории. Монографическое исследование «Феодальное землепользование в Стыр-Дигории» было представлено им на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Работа эта, выполненная под руководством профессора Бориса Васильевича Скитского, стала крупным вкладом в изучение истории

Осетии. Она во многом дополнила исследование Б.В. Скитского «К вопросу о феодализме в Дигории».

И в последующие годы проблема развития феодализма в Осетии не выпадала из поля зрения ученого. Он внимательно следил за состоянием ее изучения в отечественной историографии.

В 1964 г., принимая участие в работе научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», созданного при Институте истории АН СССР, Аким Казбекович высказал весьма интересные мысли, актуальность которых сохраняется и в наши дни. «Нашими историками, научными учреждениями, — указывал он, — проведена известная работа по изучению общественного строя северокавказских народов, в том числе по разработке проблемы феодализма у горских народов. Выявлено и опубликовано много источников, написаны монографии по феодализму у адыгских народов, в Дагестане, в Осетии. Но имеется еще много нерешенных вопросов. В дальнейшем предстоит всестороннее изучение таких сложных вопросов, как генезис феодализма, как особенности горской экономики, на основе которой зародилось феодальное хозяйство, влияние общественных отношений соседских феодальных обществ на классовое образование, степень развития феодализма у них, народные движения горцев в период феодализма, вопрос об особенностях феодализма в горских обществах Северного Кавказа» [3, 220].

Большой интерес для осетиноведов представляет статья Акима Казбековича «Осетинская советская историография». Обращение ученого к этой проблеме было не случайным. Историография — наука сложная и требует

к себе пристального внимания. Чтобы дать объективную оценку деятельности ученого-историка, исследователь должен быть подготовлен не менее того автора, научное наследие которого он изучает, представлять его научную лабораторию и уметь в ней ориентироваться, проявлять интерес к тому кругу вопросов и проблем, которыми занимался исследователь. Только при этих условиях можно объективно оценить деятельность как отдельного исследователя, так и целого коллектива. В этой статье Джанаев много внимания уделил освещению деятельности Осетинского историко-филологического общества. Если внимательно проследить за исторической литературой, то можно увидеть, что деятельность этого общества в разные периоды советской истории оценивалась по-разному. Иной раз его деятельность просто игнорировалась. Все это происходило потому, что никто никогда не пытался серьезно проанализировать работу Историко-филологического общества, хотя материалы этой научной организации были общедоступны.

Как же решает и оценивает деятельность Осетинского историко-филологического общества сам Джанаев? В своей статье он писал: «В первые годы Советской власти в Осетии, естественно, не было научных учреждений, которые могли бы заниматься глубокой разработкой истории народа. Для изучения культуры, филологии, истории в начале 20-х гг. некоторую работу провело Осетинское историко-филологическое общество. Возникшее осенью 1919 г. во Владикавказе, это общество ставило своей целью, как говорилось в его уставе, изучение «памятников осетинской старины». Кроме филологов, историков Северной Осетии в обществе было немало лиц из Южной Осетии, а также

русских. Уставом общества не делалось ограничений по национальным и другим признакам...

До окончательной победы Советской власти в Осетии деятельность общества ограничивалась узким кругом вопросов культурно-просветительского характера. Начиная с 1920 г., при поддержке местных органов власти, а также Главнауки Наркомпроса РСФСР, оно участвовало в культурном строительстве, занималось вопросами осетинского языка, обычного права, археологии, театра, музыкального фольклора, организацией научно-популярных чтений...

Наибольшее значение в деятельности общества имело собирание материалов осетинского народного творчества, которое оно считало «своей ударной задачей», собирание рукописного наследия К. Хетагурова, Т. Мамсурова и других писателей. Собирание текстов осетинского народного творчества, рукописей писателей, книжного фонда литературы о народах Кавказа явилось в известной мере подготовкой базы для научной работы по филологии и истории Осетии в будущем...

Разносторонний характер занятий Осетинского историко-филологического общества, первого у горцев Северного Кавказа, в условиях, когда в Осетии еще не было самостоятельных учреждений культуры, науки, искусства, естественно, не дал возможности определить ведущее направление своей работы. Но общество искало пути организации изучения широкого круга вопросов культуры и науки Осетии и сыграло в этом деле положительную роль» [4, 125]. Таким образом, Джанаев рассматривает многогранную деятельность Осетинского историко-филологического общества как подготовительный этап для будущего развития науки

и культуры Осетии. В фокусе внимания ученого находится весь процесс развития исторической науки в Северной Осетии. Хотя работа эта и не претендует на исчерпывающую полноту, она служит хорошим помощником для тех, кто интересуется вопросами истории развития исторической науки в Осетии.

Аким Казбекович также много сделал для освещения вопросов истории восстановительного периода в Северной Осетии, истории рабочего класса,

периодической печати. Немалый вклад он внес и в изучение наследия великого Коста, видных революционных деятелей Осетии.

Кропотливую работу провел А. К. Джанаев по выявлению и публикации архивных материалов, существенно обогатив тем самым источниковую базу последующих исследований различных аспектов истории Осетии в периоды глубоких общественных трансформаций.

-
1. Цаголов Г. М. Заметки из горской жизни // Терские ведомости. 1899, 1 декабря.
  2. Джанаев А. К. Из истории революции 1905-1907 гг. в Северной Осетии // Известия СОНИИ. 1956. Т. 17. С. 9-120.
  3. Джанаев А. К. О развитии феодализма у горских народов Северного Кавказа // Проблемы феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 219-221.
  4. Джанаев А. К. Осетинская советская историография // Известия СОНИИ. 1971. Т. 28. С. 121-140.

Библиография работ А. К. Джанаева

1. Ной Буачидзе // Мах дуг. 1940. № 3. С.10-13 (в соавт. с А. А. Тедтоевым).
2. О книге Б. В. Скитского «Очерки по истории осетинского народа» // Социалистическая Осетия. 1948, 16 января (в соавт. с М. С. Тотоевым).
3. Об очерках истории осетинского народа Б. В. Скитского // Мах дуг. 1948. № 12. С. 41-46. (в соавт. с М. С. Тотоевым).
4. Феодалное землепользование в Стыр Дигории // Известия СОНИИ. Т. 15. Вып. 3. 100с.
5. Е. Ц. Бритаев и революция 1905-1907 гг. // Мах дуг. 1949. № 5. С. 41-44.
6. Северная Осетия в период столыпинской реакции // Ученые записки СОГПИ. 1949. Т. 18. С. 36-46.
7. Большое явление в развитии осетинской культуры. О труде В. И. Абаева «Язык и фольклор» // Рæстдзинад. 1949, 13 декабря. (соавт. Б. В. Скитский)
8. Почему победила Советская власть // Рæстдзинад. 18 октября 1949 г. №205.
9. О состоянии и задачах разработки истории Осетии // Социалистическая Осетия. 1952, 11 мая; Рæстдзинад. 1952, 17 мая; Молодой коммунист. 1952, 15 мая.
10. Реакционные происки Турции на Северном Кавказе // Социалистическая Осетия. 1953, 6 июня.
11. Общность исторических судеб (К воссоединению Украины с Россией) // Молодой коммунист. 1954, 23 мая.
12. Празднование 300-летия присоединения Украины к России // Мах дуг. 1954. № 5. С. 4-12.
13. Воссоединение Украины с Россией. Народные массы — творцы истории // Рæстдзинад. 1955, 15 мая.
14. Северная Осетия в революции 1905-1907 гг. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1955. 362 с. (в соавт. с А. А. Тедтоевым).
15. Из истории революции 1905-1907 гг. в Северной Осетии // Известия СОНИИ. 1956. Т. 17. С. 99-121.
16. История СО АССР. Советский период. План-проспект // Известия СОНИИ. 1956. Т. 17. С. 217-227.
17. К истории формирования рабочего класса в Северной Осетии // Известия СОНИИ. 1957. Т. 19. С. 115-134.
18. Борьба за советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов. Орджоникидзе, 1957. 385 с.
19. Северная Осетия в период первой русской буржуазно-демократической революции // История СО АССР. М., 1959. С. 264-295.
20. Северная Осетия в период столыпинской реакции // История СО АССР. М., 1959. С. 296-308.
21. Северная Осетия в период восстановления народного хозяйства СССР 1921-1925 гг. // Известия СОНИИ. 1960. Т. 22. Вып. 4. С. 32-68.
22. В. И. Ленин и некоторые вопросы революционного движения на Северном Кавказе // Мах дуг. 1960. № 11. С. 81-90.
23. Победа Советской власти в Северной Осетии // Рæстдзинад. 1960, 12 марта.
24. Как завоевывалось счастье // Социалистическая Осетия. 1960. 13 апреля.

25. Хетагуров К. Л. Собрание сочинений. Публицистика. Т. 4. М., 1960. 495 с. (Подготовка текстов, примечания К. Ц. Гутиев, А. К. Джанаев.)
26. Ленин В. И. и победа советской власти на Кавказе // Мах дуг. 1961. № 4. С. 51-58.
27. Рассказ о большом пути народа. К итогам обсуждения макета истории СО АССР советского периода // Социалистическая Осетия. 1963, 13 февраля.
28. Обсуждение макета истории Северной Осетии советского периода // История СССР. 1964. № 4. С. 224-225.
29. Храбрый солдат революции // Мах дуг. 1964. № 7-8. С. 180-181.
30. Крестьянское движение в Северной Осетии в революции 1905-1907 гг. // Социалистическая Осетия. 1965, 2 декабря.
31. Восстановительный период в Северной Осетии. 1921-1925 гг.: Сборник документов/Сост. А. К. Джанаев, Е. П. Кричина, Т. Купчая, Е. А. Кияницкая. Орджоникидзе, 1965. 371 с.
32. Рецензия на кн.: Г. Гойгова. Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина // История СССР. 1965. № 5. С. 147-148.
33. Б. В. Скитский. Очерк // Мах дуг. 1965. № 6. С. 74-76.
34. Северная Осетия в период восстановления народного хозяйства СССР. 1921-1925 гг. // История СО АССР. Советский период. Орджоникидзе, 1966. С. 128-186.
35. Б. В. Скитский. Очерк // Известия СОНИИ. 1966. Т. 25. С. 84-91.
36. Борьба за землю в Северной Осетии в 1905 г. // Рæстдзинад. 1966, 23 января.
37. О борьбе за революционную печать // Рæстдзинад. 1966, 3 августа.
38. Рамонов Евгений (О революционере) // Мах дуг. 1966. № 11. С. 75-78.
39. К 60-летию забастовки садонских рабочих // Мах дуг. 1967. № 12. С. 65-68.
40. Песня из-за стен царской тюрьмы (О публикации стихотворения К. Хетагурова «Додой» на русском языке) // Рæстдзинад. 1967, 20 июня.
41. Его пламенное сердце не знало покоя. (К 70-летию со дня рождения Г. А. Цаголова) // Рæстдзинад. 1967, 20 мая.
42. Забастовка рабочих Садона 1897 г. (Из истории рабочего движения в Северной Осетии). Орджоникидзе, 1968. 93 с.
43. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса в Северной Осетии // Рæстдзинад. 1968. 5 мая. № 87.
44. Северная Осетия в период первой буржуазно-демократической революции и столыпинской реакции // Ученые записки СОГПИ. 1968. Т. 28. Вып. 1. С. 75-87.
45. Северная Осетия в период первой мировой империалистической войны и февральской буржуазно-демократической революции // Ученые записки СОГПИ. 1968. Т. 28. Вып. 1. С. 88-98.
46. Северо-Осетинская АССР. Очерк истории // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. С. 671-678.
47. О развитии феодализма у горских народов Северного Кавказа // Проблемы феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 219-221.
48. Книги, рукописи, материалы. (Годовой труд ученых СОНИИ) // Социалистическая Осетия. 1969, 29 марта.
49. Гром боев народного восстания. Революция 1905-1907 гг. на Тереке // Молодой коммунист. 1970, 28 марта.

50. Ленинская газета «Искра» в Осетии // Мах дуг. 1970. № 1. С. 91-94.
51. Ленинская «Искра» о Северном Кавказе // Рæстдзинад. 1970, 5 мая.
52. Осетинская советская историография // Известия СОНИИ. 1970. Т. 28. С. 121-140.
53. В. И. Ленин и народы Кавказа // Социалистическая Осетия. 1970, 3 апреля.
54. Беззаветно преданные революции. Д. Гибизов, К. Кесаев, А. Гостиев // Социалистическая Осетия. 1970, 18 января.
55. Ленинская газета «Искра» на Северном Кавказе // Рæстдзинад. 1970, 5 мая.
56. Ленинская газета «Искра» о Доне и Северном Кавказе // Известия СОНИИ. 1971. Т. 29. С. 57-73.
57. Осетинская газета «Фидиуæг» в Казани // Мах дуг. 1971. № 7. С. 94-96.
58. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. (Избранные труды)/Сост. и ред. А. К. Джанаев. Орджоникидзе, 1972. 378 с.
59. Восстание крестьян в Гизели // Мах дуг. 1972. № 6. С. 99-103.
60. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов/Сост.: В. С. Гальцев, А. К. Джанаев, Т. Н. Кибизов, С. Д. Кулов, В. Д. Кучиев. Редактор и автор «Введения» А. К. Джанаев. Орджоникидзе, 1972. 54 с.
61. События 1905-1907 гг. в Северной Осетии // Социалистическая Осетия. 1975, 20 марта.
62. В годы первой народной революции. События 1905-1907 гг. в Северной Осетии // Социалистическая Осетия. 1975, 29 марта.
63. Славные 50 лет. (К 50-летию Северо-Осетинского НИИ) // Рæстдзинад. 1975, 27 июня.
64. Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика. Исторический очерк // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т. 23. С. 151-152.
65. Коста — составитель осетинской грамматики // Рæстдзинад. 1977, 15 октября.
66. Председатель Терского Совнаркома (Н. Буачидзе) // Социалистическая Осетия. 1977, 11 ноября.
67. Съезды народов Терека в 1918 г. В 2-х тт./Сост.: Х. Х. Бекузаров, А. К. Джанаев, Д. З. Коренев, В. Д. Кучиев. Орджоникидзе. 1978-1980. Т. 1. 351 с.; Т. 2. 280 с.
68. Первая публикация «Додой» // Литературная Осетия. 1979. № 53. С. 5-6; Социалистическая Осетия. 1979, 15 октября.
69. Они знали Коста (Комментарии к воспоминаниям Н. Гецаева и А. Дзантиева о К. Хетагурове) // Мах дуг. 1979. № 5. С. 93-96.
70. Революция 1905-1907 гг. на Тереке. Документы и материалы. В 2-х тт./Научный редактор, составитель и автор «Введения» А. К. Джанаев. Орджоникидзе, 1980-1986. Т. 1. 296 с.; Т. 2. 327 с.
71. К. Л. Хетагуров и национально-освободительное движение на Северном Кавказе // Мах дуг. 1981. № 10. С. 92-96.
72. К. Л. Хетагуров и национально-освободительное движение на Северном Кавказе // Вопросы литературы и искусства. Орджоникидзе, 1984. С. 5-17.
73. Сила народного движения в революционном движении в Северной Осетии летом 1905 г. // Рæстдзинад. 1985, 30 ноября.
74. В период высшего подъема. (К 80-летию первой революции в России) // Социалистическая Осетия. 1985, 17, 18 декабря.

75. Терский округ в дни вооруженного восстания в декабре 1905 г. // Мах дуг. 1985. № 12. С. 80-83.

76. «Дело тринадцати» (О восстании осетинской пешей бригады в 1916 г., находящейся в Чечне в слободе Воздвиженской) // Грозненский рабочий. 1986, 27 августа (в соавт. с А. Хасбулатовым).

77. Яркий пример ленинской заботы (Во Владикавказе было опубликовано письмо В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской Республики») // Социалистическая Осетия. 1986, 22 апреля.

78. Через горные перевалы (Под руководством С. М. Кирова продвигались войска Красной Армии и партизанские отряды из Северной Осетии на помощь восставшим рабочим и крестьянам Грузии) // Социалистическая Осетия. 1986, 14 мая.

79. На пороге революции. К 70-летию восстания осетинской военной бригады // Рагддзинад. 1986, 19 августа.

80. Осетия революционная. К 80-летию первой русской революции // Литературная Осетия. 1986. № 67. С. 94-100.

81. С. М. Киров — организатор перехода частей Красной Армии через Кавказский хребет // Киров и Орджоникидзе на Северном Кавказе, Орджоникидзе, 1986. С. 125-147. (в соавт. с В. И. Наниевым)

82. Общественно-политическая жизнь Северной Осетии в 60-90-е гг. XIX в. // История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 318-342. (в соавт. с В. П. Крикуновым, Н. М. Ардаеновым и др.)

83. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988. С. 404-471. (Руководитель и соавтор глав: Классовая борьба на Северном Кавказе накануне первой русской революции 1905-1907 гг.; Первая русская революция 1905-1907 гг. на Северном Кавказе.)

84. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. Орджоникидзе, 1988. 312 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ДЕНОТАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

И. Н. Цаллагова

Соматическая лексика является одной из универсальных групп лексики в любом языке. Ввиду этого именно данная группа слов является одной из самых распространенных объектов исследований сравнительно-исторического, структурно-сопоставительного и лингвокультурологического характера. Как в отечественных, так и зарубежных лингвистических исследованиях, как правило, эту лексику выделяют первой в лексико-тематической системе любого языка. Настоящая статья посвящена исследованию соматической лексики дигорского варианта осетинского языка, так как данная проблематика в осетинском языкознании недостаточно изучена. В статье дается понятие соматической лексики, анализируется место соматической лексики в лексической системе языка. Рассмотрены различные классификации соматизмов. Наиболее приемлемой для соматической лексики дигорского варианта осетинского языка признана классификация, основанная на их функциональных признаках и характере объекта номинации, а также на противопоставлении «внешнее/внутреннее». В исследовании выявлен состав соматической лексики дигорского варианта осетинского языка, который проанализирован и систематизирован. Дана семантическая и денотативная характеристика дигорских соматизмов. Выявлено, что для дигорских соматизмов характерна сложная система переносных значений и повышенная продуктивность в словообразовании и образовании идиоматических сочетаний.

Ключевые слова: дигорский вариант осетинского языка, лексика, семантика слова, лексико-семантическая система языка, соматизмы

Somatic lexicon is one of the universal lexical groups in any language. In view of this, this very group of words is one of the most common objects of comparative-historical, structural-comparative and linguocultural research. Both in Russian and foreign linguistic studies, as a rule, this vocabulary is distinguished first in the lexical-thematic system of any language. This article is devoted to the study of the somatic lexicon of the Digorian version of the Ossetian language, as this problem in the Ossetian linguistics has not been sufficiently studied. In the article the concept of somatic vocabulary is given, the place of somatic lexicon in the lexical system of language is analyzed. Different classifications of somatisms are considered. The most acceptable for the somatic lexicon of the Digor variant of the Ossetian language is a classification based on their functional characteristics and the nature of the object of nomination, as well as on the opposition «external/internal». The study revealed the composition of the somatic lexicon of the Digor variant of the Ossetian language, which was analyzed and systematized. The semantic and denotative characteristics of Digor somatisms are given. It was revealed that the Digor somatisms are characterized by a complex system of figurative meanings and increased productivity in word formation and in the formation of idiomatic combinations.

Keywords: Digorian variant of the Ossetian language, vocabulary, word semantics, lexico-semantic system of language, somatisms.

Антропологическая парадигма выводит человека на первое место, а язык называет его важнейшим свойством, условием существования. Человеческий интеллект немалым вне языка. Создаваемые человеком тексты отображают в себе динамику мысли и способы представления мыслительных процессов [1].

В свете антропологической парадигмы лексика, обозначающая части человеческого тела, становится предметом пристального внимания исследователей в конце XX — начале XXI в., когда проблемы глобализации, интеграции и обогащения культур потребовали поиска толерантного решения вопросов межкультурной коммуникации, в том числе и вопросов повышения эффективности изучения лексического состава языка, способствующего обогащению страноведческими знаниями, что отвечает целям и задачам коммуникативной лингвистики и практическим целям и задачам активного овладения иностранным языком. На современном этапе развития языкознания перспективным и плодотворным становится системный подход к изучению словарного состава языка [2].

Как известно, соматизмы являются одним из самых древних пластов лексики любого языка. Сомонимы часто становились объектом изучения в различных областях науки, таких как антропология, этнография, философия, лингвистика. Названия частей тела отражают представление человека о самом себе, и именно поэтому представляют собой большой интерес для исследования лексической системы любого языка. Исследовательский интерес к данному пласту лексики в разные периоды обусловлен возрастающим вниманием к теме человеческого фактора в языке.

Известно, что процесс восприятия человеком себя как личности, начина-

ется с появлением ощущений, возникающих через органы чувств и частей его тела. Эгоцентричность человека позволяет говорить о том, что он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию [3, 702].

Общеизвестно, что термин «соматический» в противопоставлении понятию «психический» активно используется в значении «связанный с телом человека, телесный» в биологии и медицине. В отечественной лингвистике термин впервые встречается в работах Ф. Вакка. Автор определяет термин «соматизмы» как имена существительные с значением «часть тела человека или животного». В ходе анализа эстонских фразеологизмов автор приводит используемые в них названия частей тела как соматические [4].

В отечественной и зарубежной лингвистике данный пласт лексики довольно хорошо изучен, но в осетинском языкознании вопросы, связанные с соматической лексикой, рассматриваются фрагментарно. Комплексных исследований по данной проблематике на сегодняшний день нет.

Данная статья посвящена прежде всего лингвистическому анализу основных компонентов соматической лексики дигорского варианта осетинского языка и систематизации корпуса названий, относящихся к данной тематической группе.

Соматическая лексика является одним из древнейших универсальных объединений слов во всех языках мира, которое в процессе функционирования приобретает многочисленные ассоциации и коннотации и в разных языках представляет собой определенную систему [2, 7].

В современной лингвистике сложилось несколько подходов к классификации соматической лексики. Так,

по мнению Р.М. Вайнбурга, соматизмы можно разделить на натуральные (общие для всех народов *голова, нога, рука*) и конвенциональные (связанные с мышлением, развитием материальной и духовной культуры каждого народа в отдельности, например, *душа* в русском языке) [5]. Некоторые ученые подчеркивали функциональную значимость соматизмов при определении их семантики [6; 7; 8].

По мнению Р.Ю. Мугу, соматическую лексику в зависимости от характера объекта номинации можно разделить на следующие группы:

1. сомонимическую (от греч. *soma* 'тело'+*onim* 'имя, название') лексику, служащую для обозначения частей и областей человеческого тела;

2. остеонимическую (от греч. *osteon* 'кость') лексику, служащую для обозначения костей человеческого тела и их соединений;

3. спланхнонимическую (от греч. *splanchna* 'внутренности') лексику, служащую для номинации внутренних органов человеческого тела;

4. ангионимическую (от греч. *angeion* 'сосуд') лексику, служащую для номинации кровеносной системы человеческого организма;

5. сенсонимическую (от лат. *sensus* 'чувство') лексику, служащую для обозначения органов чувств человеческого организма;

6. лексику, обозначающую болезни, недуги и проявления человеческого организма [9, 81-82].

Следует отметить, что термины *сомонимическая, спланхнонимическая, ангионимическая, остеонимическая, сенсонимическая лексика* впервые введены в научный оборот А.М. Кочеваткиным. В диссертации, посвященной лингвогеографическому анализу соматической лексики в диалектах эрзянского языка,

автор распределяет соматическую лексику на данные группы в зависимости от характера объекта номинации [10].

Мы опираемся на представленную классификацию соматизмов, так как она основана на их функциональных признаках, а также на противопоставлении «внешнее/внутреннее», тем самым наиболее полно отражая данный пласт лексики в дигорском варианте осетинского языка. Кроме того, данная классификация определяет естественное число объектов номинаций, которые характерны для организма человека, и независима от принадлежности к тому или иному языку.

Материалом послужила дигорская лексика, извлеченная из доступных словарей, а также из наблюдений самого автора. В ходе исследования нами выявлен состав соматической лексики дигорского варианта осетинского языка, который распределен по следующим группам:

— **сомонимическая лексика (сомонимы):** *них* (ноготь), *аенгулдзæ* (палец), *реугудур* (грудная клетка), *реугæхица* (грудная клетка), *реугубун/реугубуни къолаæ* (грудобрюшная преграда, диафрагма), *реудзар* (грудная кожа), *агъд* (бедро), *агъдифид* (ягодица), *алгъ* (оконечность кончик (пальцев, губ, языка)), *артæн* (нижняя часть живота, кишечник), *астæгауæ* (грудобрюшная преграда), *астæугауæ* (грудобрюшная преграда), *æвзаг* (язык), *æвзаггонд* (язычок), *æнхæлаг* (ключичная впадина), *æнхæлагæт* (надключичная впадина), *æрдо* (волос), *æрдодадзин* (волосной сосуд), *æхсæриффарс* (щека; вся боковая часть лица), *æхх* (подъем стопы; изгиб стопы; впадина между пяткой и пальцами), *æххæлаг* (изгиб, выемка стопы), *базуг* (рука выше локтя, плечевая кость) (применяется и к передним ногам туши животных, и к крыльям убитой пти-

цы), *бауар* (тело), *бацабид* (подколенная ямка), *баздайан*, *баздайна* (щека, скула), *бахбаэттан* (ключица), *била* (губа), *билалгъа* (кончик губ; перен. порывающийся что-то сказать), *бицъинаг* (пупочное кольцо (йæ бицъинаг тонуй — страстно стремиться, желать всей душой, стараться, сильно напрягаться)), *богъурдахъ*, *богъур* (адамово яблоко, кадык), *бохъхъур* (зоб; двойной подбородок), *гъалас* (рот, горло, глотка, голос), *гъунаембарзт* (волосной покров), *даларм* (подмышка), *догантиа* (углы рта), *дзедзе* (женская грудь), *занга* (голень, бот. ветвь, ствол, стебель), *зардисар* (область груди над сердцем), *ком* (рот, пасть, слюнная железа), *комикъола* (нёбо), *къабаза* (конечность, ветвь, отрасль, рукав, отрог), *къалеу* (ветка, ветвь дерева, бедро, часть ноги от талии до колена), *къузурмон* (рубец), *къабот* (затылок, морда), *лабъаз* (ягодица), *магнагдзаста* («ложный глаз», точная часть височной кости, впадина над глазами у животных), *мутулта* (десна), *рамбуникъадза* (изгиб локтя), *реу* (грудь), *реугахца* (грудная клетка), *реугубун/реугубуни къола* (грудобрюшная преграда, диафрагма), *реугудур* (грудная клетка), *сар* (голова), *сарифахс* (боковая часть черепа), *сидза* (зад, задница), *суйна* (бедро), *таена* (правая и левая части живота), *таенгъаза* (паховая область), *таэнуадола* (висок), *таэптаза* (конечность), *тарних* (лоб), *тенка* (темя, темечко, макушка), *тула* (темя, родничок, швы черепа), *тъафала* (веко), *уэлларм* (тыльная сторона руки), *уэлбадан* (лобок, лобковая часть), *фадигъола* (щиколотка), *фаза* (ягодица, ляжка), *фасара* (запястье), *фасарма* (запястье), *фаскъау* (волоконно мышечное), *фасонархаг* (междуплечье), *фасонархи* (углубление между плечевыми костями), *фасонта* (спина), *хъимиц* (крестец), *цонг* (рука), *цон-*

гигъола (запястье, бѣлласи цонг (ветвь, ствол дерева)), *хѣлициъара* (перепонка), *хѣлин* (грудобрюшная перегородка, диафрагма);

— **остеонимическую (остеонимы):** *реуистаг* (грудная кость), *агъдистаг* (кость бедра), *аса* (берцовая кость), *асауадза* (берцовая кость), *аелхойта* (локтевая и лучевая кость), *аѣсара* (челюсть), *гъеу*, *гъевта*, *гъеута* (сухожилие), *гъола* (позвонок), *реуи гъола* (шейный позвонок), *суйни гъола* (поясничные позвонки, альчик, косточка, шар, монета), *гъолгунастаг* (берцовая кость), *даандаг* (зуб, зубец, спица (колеса), долька (чеснока)), *каразимаг* (ребра с грудной костью, грудина), *къапансура* (клык), *медаансура* (коренной зуб), *рагъистаг* (позвоночник), *реуфайнаг* (грудная кость), *сихирнастаг* (решетчатая кость), *стаг* (кость), *сунтистаг* (тазовая кость), *таластаг* (лучевая кость), *тагъза* (пористая кость), *уаластаг* (надкостница), *фадистаг* (плюсна), *фаззелаг* (сустав костей), *фарскъа* (ребро), *хъимици стаг* (тазовая кость);

— **спланхнонимическую (спланхнонимы):** *айквад* (яйцевод), *айкдзаг* (яичник), *артанта* (внутренности, кишки), *ахсандзаг* (желудочек), *авзѣравзаг* (селезенка), *фарсбѣлавзаг* (селезенка), *агънагреу* (мочевидный отросток), *дондзона* (мочевой канал), *зангадонна* (матка), *зангадзон* (влагалище), *зарда* (сердце), *игар* (печень), *къузиппа* (слепой желудочек), *магъз*, *хъанз* (мозг), *маст* (анат. желчь; перен. горечь, обида, досада, неприятность; гнев; горький, желчный (желчный пузырь; перен. желчный, раздражительный человек), *мастдзауан* (желчный ход), *макъустаг* (плечевая кость, предплечье), *макъур* (затылок, тыл), *мезвад* (мочеточник), *месиндзаг* (мочевой пузырь), *мугдона* (семенник), *разунаг*

(железа), *раугутæ* (легкие), *раугути* *цъарæ* (плевра), *род* (толстая кишка), *роди тъанг* (прямая кишка), *уæлург* (надпочечник), *сауасхола* (пищевод), *сувар* (матка, утроба), *тъæфойна* (клапан), *ург* (почка), *цæнхъуæл* (мошонка), *хæлорæ* (кишка);

— **ангионимическую (ангионимы):** *рабериндзæнтæ* (сонные артерии), *саутогдадзин* (вена), *тогдадзийна* (вена), *сурхтогдадзийна* (артерии).

— **сенсонимическую (сенсонимы):** *гъос* (ухо), *цæстæ* (глаз), *фий* (нос), *æвзаг* (язык), *цæсти фæрдуг* (хрусталик (глаза)), *цæстæ* (глаз), *цæстигагу* (зрачок), *цъарæ* (кожа), *гъоси хъозгъæ* (ушная раковина), *гъосалгъæ* (ушная раковина), *гъосхæлин* (барабанная перепонка);

— **лексику, обозначающую болезни, недуги и проявления человеческого организма:** *абузгæ фадæнгæ* (развивающаяся корь), *артæннез* (кишечное заболевание), *æхгæдреу* (астма), *дæндагнæз* (зубная боль), *дзиуара* (оспа), *егæркалæн* (цирроз печени), *раугути нез* (туберкулез), *резæнгæ* (лихорадка), *родинез* (геморрой), *рун* (болезнь), *сасаг* (туберкулез, туберкулезник), *сафирон* (желтуха), *сакарнæз* (сахарный диабет), *сæрæзе* (заразная болезнь сифилис), *сортагæнагæ* (эпилептик), *стагнæз* (ревматизм), *сурх дзиуара* (кровь??), *сурхгубуннез* (дизентерия), *тогнæз* (мелена) (у детей), *испанка* (у взрослых), *тогрун* (болезнь крови), *фадгæ* (сыпной тиф), *хæрагхуæлмæг* (чесотка), *хедваст* (потница), *хеднез* (тиф), *хуæргæнæз* (проказа), *хъипу* (дифтерит, дифтерия), *хъогъæ* (фронтит), *цæлмартæн* (грыжа паха), *цæстинез* (конъюнктивит).

Как видно из представленного материала, дигорская соматическая лексика довольно обширна и многообразна. Вся лексика относится к стилистически нейтральной, и имеет прямое и переносное значения.

В том случае, когда соматизмы обозначают непосредственно тот или иной анатомический объект, они имеют прямое значение. По своей структуре дигорские соматизмы представляют собой одночленные и многочленные единицы. Следует отметить, что когда соматизм представляет собой одночленную структуру, его семантику и связь с обозначаемым им предметом чаще всего объяснить сложно: например, *къух* (рука), *къах* (нога), *дзых* (рот) и т.д. В многочленных же единицах в определении их семантики сложностей не возникает, так как связь между денотатом и названием довольно прозрачна: например, *цæст* (глаз) — *цæсти фæрдуг* (хрусталик (глаза) — *цæсти гагу* (зрачок); *ург* (почка) — *уæлург* (надпочечник); *реу* (грудь) — *реугæхца* (грудная клетка) — *реугубун/реугубуни къола* (грудобрюшная преграда, диафрагма) — *реугудур* (грудная клетка) и т.д.

Переносное значение, как известно, является вторичным, неосновным значением. Оно функционирует наряду с прямым значением. Переносное значение мотивировано через прямое. Перенос значения происходит на основе сходства предметов по форме, по цвету и т.д. Переносное значение соматизмов образовывается путем сравнения его с каким-либо предметом окружающей действительности. Рассмотрим некоторые из них: *цæстифæрдуг* (хрусталик (глаза) — данный соматизм образован путем сложения двух лексем (*цæст+фæрдуг*), где второй компонент означает «бусина» и не имеет отношения у анатомической лексике. В данном случае перенос значения происходит по внешнему сходству. Такой же перенос происходит и в данных примерах: *комикъола* (нёбо) — *ком* (рот) + *къола* (склон горы; наклон; наклонный); *сæрифах* (боковая часть черепа) — *сæр* (го-

лова) + *фахс* (склон; откос; бок, сторона, грань); *реуфæйнаг* (грудная кость) — *реу* (грудь) + *фæйнаг* (доска); *сихирнастæг* (решетчатая кость) — *сихирна* (сито) + *стæг* (кость); *таластæг* (лучевая кость) — *тала* (побег, поросль) + *стæг* (кость), *реугудур* (грудная клетка) — *реу* (грудь) + *гудур* (замок) и т.д. Мотивировку переноса значения объяснить сложно. Ответ можно найти при рассмотрении этимологии данного слова. В. И. Абаев относит слово *гудур* к *къудур*. Дело в том, что старинные осетинские замки, которые можно еще видеть на некоторых башнях, а также в музеях, изготовлялись из дерева и имели вид обрубков довольно большого размера [11]. Вероятнее всего, именно это значение запечатлел в себе данный соматизм. Интересным нам показалось и образование такой лексемы, как *гудургом* (состояние рта после квасцов, некоторых фруктов) — *гудур*+*ком*. В осетинском языке у слова *къудур/къудуруйна* (чурбан, обрубок) имеется переносное значение: так называют неповоротливого, тупого человека (болван — разг. бранное). Мы можем предположить, что в слове *гудургом* отразилось именно это значение.

Как видно, данная группа слов наглядно демонстрирует процессы образования переносных (вторичных) значений, семантика которых тесно связана с деятельностью человека.

Хотя мы не ставили перед собой цель дать этимологическую характеристику дигорской соматической лексики, нельзя не оговорить тот факт, что большинство терминов относятся к иранскому фонду. Это служит лишним доводом в пользу того, что перед нами один из древнейших пластов лексики. Интересен также тот факт, что понятия «рука», «нога», «рот» имеют наряду с иранскими наименованиями (*арм*,

фад, *ком*) параллельный ряд неиранских, идущих из кавказского субстрата (*къах*, *къух/къох*, *дзых/цъух*). В свободном употреблении кавказские формы практически вытеснили иранские. Однако в сложных словах и сочетаниях чаще встречаются иранские формы, например, *арм* — *арходта* (*арм* + *ходта*) букв. шапки для рук; *ардзæф* (*арм*+*дзæф*) букв. отбивание такта при танце; *армахур/къохахур* — прирученный, *æгомук* — безголосый, немой; *комикъола* — внутренняя часть щеки; *цæсгом* (*цæст* + *ком*) — лицо; *коммакæсун* — слушаться; *фадигъола* — щиколотка; *фаднез* — болезнь ног; *фадат* — возможность и т.д. [11]

Одним из важных и значимых явлений языка является полисемантизм слова, который весьма ярко представлен и в соматической лексике дигорского варианта осетинского языка. Рассмотрим некоторые примеры.

Æвзаг (язык) — данная лексема в осетинском языке, в принципе, как и в русском языке, имеет несколько значений: 1) анатомический подвижный мышечный орган в ротовой полости позвоночных животных и человека; орган вкуса; орган, участвующий в образовании звуков речи у человека; 2) перен. часть чего-либо имеющая внешнее сходство с языком (*карди æвзаг* (букв. язык ножа; лезвие ножа), *арти æвзагта* (языки пламени) и т.д.; 3) исторически сложившаяся система слов для выражения мыслей, которая имеет звуковой, лексический и грамматический строй и служит средством человеческого общения (*ирон æвзаг* (осетинский язык), *уруссаг æвзаг* (русский язык) и т.д.;

Зæрда (сердце) — 1) центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка; 2) перн. Этот орган является символом различных чувств и

эмоций человека; 3) мякоть на кончике пальца (*æнгулдзи зæрдаæ* (букв. сердце пальца); 4) основной, центральной объект того или иного действия и т.д. По поводу данного слова Абаев пишет, что идеосемантика данной лексемы в осетинском языке поистине необъятна. Она выходит за пределы анатомии и физиологии и включает также психическую сферу. К тому же этим словом могут быть обозначены не только разнообразными эмоциональные, но даже интеллектуальные состояния и проявления, сознание, память. Ввиду этого в осетинском языке (в обоих его вариантах) существует значительное количество устойчивых сочетаний и сложных слов словообразовательным элементом которых является данная лексема [11]: *зæрдаæ дарун* (надеяться, полагаться), *зæрдаæ æварун* (обещать, обнадеживать), *зæрдаæ æлхæнун* (угождать, задабривать), *зæрдаæмаæ цаун* (нравиться), *стурзæрдаæ* (равнодушный), *зæрдаæрохс* (радостный), *ристзæрдаæ* (скорбный), *зæрдаæбал дарун* (помнить) и многие другие;

Сæр (голова) — 1) часть тела животного и человека, в которой находится мозг, органы зрения, вкуса, обоняния, слуха и рот; 2) верх, верхняя часть, крышка; 3) начало, причина. Данная лексема также входит во множество идиоматических сочетаний и сложных слов: *сæрмагонд* (особый, специальный), *сæрсæфаен* (погибельный), *сæрвасæн* (гребень), *авдисæр* (понедельник),

сæребараæ (свобода), *сæрæгас* (живой, невредимый) и т.д.

Соматизмы *зæрдаæ* (сердце) и *сæр* (голова) являются одними из самых многозначных соматизмов в осетинском языке. Их содержание в значительной степени реализуется в сложных словах и идиоматических сочетаниях.

Соматическая лексика, являясь ядром соматического пространства, создает семантико-словообразовательное поле, которое влияет на формирование этого пространства в каждом языке функционированием центральных соматизмов в совокупности всех своих производных (дериватов) и устойчивых выражений (фразеологизмов и паремий) [2].

Из всего вышесказанного следует, что соматическая лексика дигорского варианта осетинского языка довольно обширна и разнообразна и занимает особое место в лексической системе осетинского языка. Наиболее приемлемой для дигорских соматизмов признана классификация, основанная на их функциональных признаках и характере объекта номинации, а также на противопоставлении «внешнее/внутреннее». Семантическая и денотативная характеристика анализируемых лексем позволяет сделать вывод, что для них характерна сложная система переносных значений и повышенная продуктивность в словообразовании и образовании идиоматических сочетаний.

1. *Костомаров П. И.* Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник КемГУ. 2014. № 2 (58). С. 198-203.
2. *Богус З. А.* Соматизмы в разносистемных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.
3. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
4. *Вакк Ф. О.* О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Таллин, 1964.
5. *Вайнтрауб Р. М.* Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках // Вопросы фразеологии. 1998. № 3. С. 157-162.
6. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
7. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
8. *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1995.
9. *Музу Р. Ю.* Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003.
10. *Кочеваткин А. М.* Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический анализ): Дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999.
11. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I; Л., 1973. Т. II; Л., 1979. Т. III; Л., 1989. Т. IV.

ЭВОЛЮЦИЯ РОДА В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Э. Б. Сатцаев

В статье исследуются вопросы эволюции категории рода в иранских языках. Особое внимание отводится исследованию западно- и восточноиранских языков в исторической перспективе. На основе широкого спектра лингвистических данных подробно описаны и охарактеризованы как общие черты, так и особенности грамматики языков иранской группы. Последняя входит в индоевропейскую языковую семью, представленную в настоящее время на обширном географическом пространстве. Наиболее многочисленной ветвью данной семьи является индоиранская, включающая в себя индоарийские и иранские языки, обособление которых началось с миграций предков современных индоариев в северо-западную Индию. История ираноязычных племен и народностей, территория расселения которых в прошлом простиралась от берегов Черного моря на западе до границ Китая на востоке и от Южного Урала на севере до берегов Персидского залива и Индии на юге, охватывает огромный временной промежуток — от II тыс. до н.э. вплоть до наших дней. Диалекты многих из них еще на рубеже двух эр сохраняли значительную степень единства, унаследованного от общего древнеиранского языка-основы, близкого к авестийскому.

Ключевые слова: род, грамматика, иранские языки, индоевропейские языки, западноиранские языки, восточноиранские языки

The article investigates the evolution of gender in the Iranian languages. Special attention is given to the study of West and East Iranian languages in the historical perspective. On the basis of a wide range of various linguistic data the generalities and peculiarities of the grammar of Iranian languages, especially the category of gender, are described and characterized in detail. Iranian linguistic group belongs to the family of Indo-European languages, which are currently spoken on a vast territory. The most numerous branch of this family is Indo-Iranian, which includes Indo-Aryan and Iranian languages. Their separation began with the migrations of the ancestors of modern Indo-Aryans to Northwest India. The history of Iranian-speaking tribes and peoples, who in the past lived on the geography stretching from the shores of Black sea in the west to the borders of China in the east and from the southern Urals in the north to the shores of the Persian Gulf and India in the south, covers a vast period of time — from the II millennium BC up to the present day. The dialects of many tribes by the turn of the new era still retained a significant degree of initial community, inherited from the ancient Iranian source language close to Avestan.

Keywords: gender, grammar, Iranian languages, Indo-European languages, Western Iranian languages, Eastern Iranian languages.

Род — грамматическая категория, свойственная различным частям речи и выполняющая функцию распределения слов и форм по двум или трем классам. Эти классы принято называть мужским, женским или средним родом. Семантическое основание родовой классификации размыто, лишь в небольшой части имен существительных можно наблюдать отражение реальных половых различий. Категория рода — харак-

терная черта грамматического строя индоевропейских языков, хотя степень ее сохранности в различных языках неодинакова.

В современных иранских языках род в значительной мере разрушен, а в некоторых из них — полностью утрачен, что связано с развитием аналитизма.

Иранские языки входят в обширную индоевропейскую языковую семью, которая в настоящее время представлена

на обширной территории во всех частях света. Скорее всего, индоевропейский праязык, из которого позже развились отдельные индоевропейские языки, первоначально занимал сравнительно незначительный ареал. До сих пор среди ученых нет единства во взглядах относительно локализации этой территории.

Процесс распада индоевропейского праязыка был длительным и сложным. По мнению ученых, в III тыс. до н.э. индоевропейский праязык уже перестал существовать.

Наиболее многочисленной ветвью индоевропейских языков по числу носителей являются индоиранские (арийские) языки. Общее число говорящих на них сегодня превышает 1 миллиард человек. Индоиранская ветвь в свою очередь распадается на индоарийские и иранские языки.

Индоиранские языки — это генетическое понятие, обусловленное наличием в древности индоиранской языковой общности, разделившейся впоследствии на две отдельные группы — индоарийскую и иранскую. По мнению большинства ученых, ядро индоиранской общности сложилось в южнорусских степях. Дальнейшие миграции ариев привели к разделению индоиранской ветви на две вышеупомянутые группы, обособление которых началось со времени вступления в северо-западную Индию предков современных индоарийцев. Самые ранние волны миграции арийцев на территорию Малой и Передней Азии прослеживаются с 1500 г. до н.э. на основе лингвистического материала — имен богов, царей, знати и коневодческой терминология в языках проживавших здесь народов [1, 56-57].

Древнейшие индийский и иранский памятники — «Ригведа» и «Авеста» — в своих наиболее архаичных частях чрез-

вычайно близки друг к другу как по содержанию, так и по языку.

Общность грамматического строя и основного словарного фонда языка Авесты и ведического санскрита, наличие закономерных фонетических соответствий между этими языками говорят о том, что они родственны и восходят к одному общему источнику — арийскому языку-основе. Нет сомнений в том, что в глубокой древности предки индоарийских и ираноязычных народов жили в тесном общении и взаимодействии, занимали единую территорию и говорили на близкородственных арийских диалектах.

Эпоха арийской племенной общности относится к глубочайшей древности и не освещена никакими современными ей письменными источниками. История застаёт индоарийские племена в долине Инда, иранские — на Иранском нагорье, в Средней Азии и на огромных просторах евразийских степей. Однако научно доказанным является тот факт, что ни Индия, ни Иранское нагорье не были первоначальной родиной племен, говоривших на арийских диалектах. Следовательно, наиболее вероятной прародиной арийцев следует признать евразийские степи либо Среднюю Азию. Обособление же иранских диалектов от индийских произошло не позднее начала II тыс. до н.э. [1, 50-51]

В целом развитие индоиранских языков характеризуется целым рядом схожих тенденций, что свидетельствует об общих путях их эволюции.

Многопадежная флективная система склонения сменяется простым противопоставлением прямых и косвенных форм, сопровождаемых служебными словами. В ряде языков на базе вновь сформировавшихся аналитических конструкций образуется новая агглютинативная падежная флексия.

Общими фонологическими тенденциями в современных языках этих двух групп являются утрата фонологического статуса количественного противопоставления гласных, очень слабый характер словесного ударения и особая роль фразовой интонации.

История языков ираноязычных племен и народностей, живших на обширной территории от берегов Черного моря на западе до границ Китая на востоке и от Южного Урала на севере до берегов Персидского залива и Индии на юге, охватывает громадный промежуток времени — со II тыс. до н.э. вплоть до наших дней.

На иранских языках говорили многочисленные древние племена и народности: персы, скифы, мидяне, парфяне, согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы, сыгравшие важную роль в мировой истории.

Общий источник, от которого ведут в конечном счете свое происхождение все иранские языки, условно называется общеиранским языком-основой, существование которого относится к глубочайшей древности. Этот язык явился материальной основой исторической общности иранских языков.

К современным иранским языкам относятся таджикский, персидский, афганский, осетинский, курдский, белуджский и многие другие, менее значительные по численности говорящего на них населения, языки и диалекты (талышский, татский, ягнобский, памирские, глурский, бахтиарский, гиланский и др.). Иранские языки распространены в Иране, Афганистане, Таджикистане, на Кавказе (Южная и Северная Осетии), в Ираке, Турции, Пакистане. Численность говорящих на иранских языках людей превышает 140 млн человек.

Историко-генетическая классификация делит иранские языки на две ос-

новные группы — западную и восточную — с членением каждой из них на северную и южную подгруппы.

К северо-западным иранским языкам относятся:

а) мертвые — мидийский, парфянский;

б) живые — курдский, белуджский, талышский, гиланский, мазандеранский и ряд других малых языков.

К юго-западным иранским причисляют:

а) мертвые — древнеперсидский, среднеперсидский;

б) живые — персидский, таджикский, дари, татский, ряд других малых языков Ирана.

К северо-восточным иранским языкам принадлежат:

а) мертвые — скифский, аланский, согдийский, хорезмийский;

б) живые — осетинский, ягнобский.

Наконец, к юго-восточным иранским языкам относятся:

а) мертвые — бактрийский, сакско-хотанский;

б) живые — афганский (пушту), памирские, мунджанский.

Среди современных языков северо-западной подгруппы наиболее распространены являются курдский и белуджский.

К юго-западной подгруппе относится мертвый древнеперсидский язык, который был одним из официальных языков великой державы Ахеменидов. На нем разговаривали правители из этой династии.

На базе древнеперсидского сформировался среднеперсидский — основа современных персидского, таджикского и дари (фарси-кабули) языков.

Персидский (фарси) является государственным языком в Иране, таджикский — в Таджикистане, дари (наряду с пушту) — в Афганистане.

К северо-восточной подгруппе относится мертвый скифский язык, на диалектах которого в IV-III вв. до н.э. говорили ираноязычные народы, жившие на пространстве от Северного Причерноморья до глубин Азии и на севере Средней Азии. Персы называли их саками, античные источники — скифами. Персидское название относится ко всем племенам, которые греки именовали скифами. Европейские и азиатские скифы разговаривали на диалектах одного языка, на что указывают многие древние источники. Близкими были также их хозяйственно-культурный тип, костюм и вооружение, о чем свидетельствуют многочисленные письменные и археологические памятники [1, 141-144]. Изображения вооруженных саков в большом количестве встречаются на рельефах Ахеменидов в Персеполе.

Античные источники прямо указывают на то, что саки и персы во ахеменидскую эпоху разговаривали на столь близких языках, что понимали друг друга без переводчиков [2, 229].

Прямым потомком скифского языка является язык предков алан-осетин, на базе которого сформировался современный осетинский. Ираноязычные племена и народы присутствуют на Кавказе по крайней мере с начала I тыс. до н.э. и с момента своего появления здесь играли весьма значительную роль в регионе.

К мертвым северо-восточным иранским языкам относятся также согдийский, на котором говорили в бассейне реки Зеравшан в области Согд (центры — Самарканд и Бухара), и хорезмийский, который был распространен в низовьях Амударьи в области Хорезм.

Живыми языками юго-восточной подгруппы являются афганский (пушту/пашто), мунджанский и памирские.

Памирские языки сосредоточены в Восточном Таджикистане (Бадахшан), а также в соседних горных районах Афганистана, частично Пакистана и Китая. Памирские языки не составляют самостоятельную подгруппу и каждый в отдельности проявляют те или иные черты сходства с другими восточноиранскими языками.

Наиболее значимыми современными иранскими языками, имеющими широкое употребление и в официальной сфере, являются персидский, дари, таджикский, афганский (пушту), курдский, осетинский и белуджский [3, 17-26].

В исторические времена ираноязычные племена населяли огромную территорию. Несмотря на обширность пространства, занятого иранскими народами, диалекты отдельных племен вплоть до конца I тыс. до н.э. сохраняли значительную степень общности, унаследованной от древнеиранского языка-основы.

К древнеиранским языкам относятся авестийский (язык Авесты), древнеперсидский, мидийский и скифский (сакский).

Древнеперсидский язык настолько близок к языку Авесты, что оба они могут рассматриваться в качестве диалектов одного и того же древнеиранского языка-основы. От скифского и мидийского языков сохранился крайне незначительный лексический материал. Однако даже имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что и эти два языка были весьма близки к древнеперсидскому и авестийскому. Можно предполагать, что носители всех четырех древних иранских языков могли без труда понимать друг друга. Страбон (ок. 65 г. до н.э. — 21 г. н.э.) сохранил для нас свидетельство более древнего греческого автора Эратосфона (ок. 276-194 гг. до н.э.), сообщающего, что жители Пер-

сии, Мидии, Бактрии и Согдианы «однозначны до малого», то есть «по существу одноязычны» [1, 138].

О том же свидетельствуют и китайские источники того времени [1, 39].

Древнеиранские языки принадлежат к числу языков синтетического строя с развитой системой флективных форм склонения имен и глагольного спряжения. Основными средствами словообразования и словоизменения в них являются: 1) внутренняя флексия, то есть замена звуков внутри самого корня (или основы), 2) редупликация корней, 3) аффиксация, 4) присоединение окончаний флективного типа, совмещающих в себе несколько грамматических нагрузок (падеж, число, род, лицо и др.).

В древнеиранских языках могут быть выделены следующие значимые части речи: существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, наречия. Служебные слова представлены в виде предлогов и союзов.

Существительные и прилагательные характеризуются наличием следующих грамматических категорий: род, падеж и число. В иранских языках исторически различались три рода — мужской, женский, средний. У существительных род был независимой категорией. Каждое существительное относилось к тому или иному роду и не могло его изменять. Изменение рода существительного, если оно встречалось, обычно вело к образованию нового слова. У прилагательных категория рода зависимая. Они изменялись по родам синхронно с существительными. В этом состоит основное морфологическое отличие прилагательных от существительных [4, 26-27].

Род существительного с грамматической точки зрения выражался посредством:

1) типа основы;

2) характера некоторых падежных окончаний;

3) согласования, то есть формы находящегося при нем прилагательного или указательного местоимения.

Изменение рода прилагательного происходило путем изменения характера основы.

Потеря семантического обоснования форм рода приводит к их смешению. Одно и то же имя иногда выступает в формах двух родов. Это может означать начало тенденции к исчезновению категории рода. А тот факт, что данная тенденция проявилась главным образом в западноиранских языках, вполне согласуется с мнением, что древнейшие истоки Авесты следует искать в восточноиранской среде. Впоследствии развитие Авесты происходило на западе Ирана [3, 194-195].

Скудость лингвистического материала по скифскому и мидийскому языкам не дает возможности исследовать морфологическую структуру этих языков (особенно мидийского).

Скифский лингвистический материал позволяет совершенно определенно установить языковую принадлежность скифов и сарматов. Как уже отмечалось выше, в силу близости скифского языка к персидскому скифы могли без переводчиков общаться с древними персами.

В среднеиранский период западноиранские языки частично утратили категорию рода, в то время как восточноиранские продолжали сохранять ее в более или менее полном виде.

В среднеперсидском языке имя существительное характеризуется грамматическими категориями числа и артикля. Категория рода отсутствует. Утрата рода в среднеперсидском языке связана с отпадением основообразую-

щих суффиксов и падежных окончаний. Отпадение конечных суффиксальных окончаний элементов у именных основ привело к их унификации, что способствовало также элиминации родовых различий у существительных.

В парфянском языке также наблюдается элиминация категории рода и падежа.

В согдийском языке категория рода полностью сохраняется. Различаются мужской, женский и реликтовый средний род. Грамматический род существительных определяется по падежной флексии, по формам артиклей, а также по согласующимся родовым формам прилагательных. Отчетливое противопоставление форм мужского и женского рода наблюдается у прилагательных. Средний род в согдийском можно считать реликтовым. Однако в поздних письменных источниках проявляется тенденция к стиранию родовых различий. Это выразилось в нерегулярном употреблении маркированных прилагательных женского рода при соответствующих существительных, а также слабой графической фиксации форм женского рода. Этот процесс, видимо, усиливался и окончательно завершился утратой категории рода в ягнобском языке [4, 85].

В хотанско-сакском языке имя существительное характеризовалось грамматическими категориями рода, числа и падежа. Различалось склонение существительных мужского и женского родов. Однако в поздний период в данном языке также начало наблюдаться смешение родов [4, 85].

В другом восточноиранском языке — бактрийском — не наблюдаются родовые различия. Род здесь был частично или полностью утрачен. Тем не менее в этом языке сохраняются реликты родовых различий. Например, представле-

ны две формы определенного артикля для мужского и женского родов. Сохранение формального различия рода в определенном артикле наблюдается и в других иранских языках [5, 342].

Некоторые реликты категории рода наблюдаются и в хорезмийском языке, где род определяется артиклем или суффиксами [4, 85-87].

Значительный научный интерес привлекает и аланский язык, однако скудость письменных источников не дает возможности проследить в нем наличие и особенности категории рода.

В новоиранских языках большей частью категория рода утрачена. Наиболее распространенный иранский язык — персидский (дари, таджикский) — еще в среднеиранский период полностью утерял род. При необходимости выражения естественных половых различий персидский язык использует лексические средства:

mard «мужчина» — *zan* «женщина»
pesar «мальчик» — *doxtar* «девочка»
āqā «господин» — *bānu* «госпожа»,
 «дама»

nar «самец» — *māde* «самка»
šir-e nar «лев» — *šir-e māde* «львица»

Некоторые арабские заимствования могут иметь арабский суффикс женского рода *-e*;

malek «король» — *maleke* «королева»
šāer «поэт» — *šāere* «поэтесса»
mašūq «возлюбленный» — *mašūqe*
 «возлюбленная»

Однако употребление этого суффикса для обозначения лиц женского пола не имеет строго регулярного характера, и эти слова являются уже готовыми заимствованиями, образованными по новой формуле арабского языка. Следовательно, для персидского языка суффикс *-e* не является грамматическим формантом женского рода [6, 106; 7, 98, 248, 403, 501].

Наиболее полно категория рода сохранилась в иранских языках северо-западной подгруппы, в особенности в курдском языке. Собственно курдский делится на целый ряд диалектов и говоров, основными среди которых являются сорани и курманджи. Эти диалекты в свою очередь включают в себя ряд небольших поддиалектов и говоров. Среди них выделяются диалекты курдов заза и гурани.

В курманджи различаются мужской и женский роды у существительных и местоимений [8, 53-66]. В другом курдском диалекте — сорани — грамматический род исчез [8, 53]. В диалектах заза и гурани категория рода сохранена [8, 119-120, 172].

Категория рода в пережиточном виде сохранилась также в некоторых диалектах Центрального Ирана, относящихся к северо-западной группе иранских языков [8, 195, 263].

В восточноиранских языках род имен различается в пушту, мунджанском, шугнанском и частично язгулямском и ваханском языках. Способы выражения и степень распространения этой категории по языкам не одинаковы. В пушту и мунджанском родовая дифференциация существительных распространяется на все слова. Принадлежность к имени, роду определяется главным образом по исходу основы. К мужскому роду относится большая часть слов на согласный звук. К женскому роду относится большая часть слов на гласные звуки. У одушевленных существительных грамматический род определяется при помощи окончаний, которые обозначают родовые различия. Существительные в афганском языке имеют грамматическую категорию рода. Различают мужской и женский роды. В пушту четко выражена принадлежность имен прилагательных

к определенному роду. Проявления этих родовых особенностей восходят к древним формам. Род присущ и местоимениям. В некоторых случаях по роду различаются и имена числительные. Родовые различия свойственны также некоторым формам глагола. То есть морфологическое оформление в пушту весьма архаично [9, 44-57].

Мунджанский язык — один из многих языков, сохраняющих древние морфологические различия между мужским и женским родом. Род различается в именах существительных, прилагательных, части числительных, местоимений и причастий [9, 180-187].

В шугнанском языке род морфологически выражается лишь у небольшой части существительных и, как правило, обозначается синтаксически [9, 285-290].

В язгулямском языке морфологический род еще более ограничен [9, 381-385].

В ваханском и ишкашимском языках принадлежность некоторых слов к той или иной части речи — существительному, местоимению, числительному — нередко не может быть определена по внешним формальным признакам и устанавливается лишь по функции в предложении и характеру их использования — субстантивному или адвербиальному. Немаловажную роль при этом играет и лексическое значение слова.

В северо-восточной подгруппе иранских языков, представленной осетинским и ягнобским, род полностью утрачен [10, 72]. В осетинском языке обозначение грамматического рода исчезло с отпадением первоначально указывавших на него окончаний. Там, где нет различных формантов для выражения пола, это делается посред-

ством добавления слов *nal* «мужской», *sil* «женский» и др. [11, 122-124; 12, 77]

В отличие от большинства других восточноиранских языков, утрату рода в осетинском некоторые ученые объясняют влиянием на него кавказских языков [13, 75-80, 99-103]. Между тем именно кавказским языкам преимущественно присуща категория именных классов существительных. Именные классы обычно богаче, чем родовые, и лишь в редких случаях род существует как автономная подсистема в пределах одного из именных классов.

Грамматический строй кавказских языков существенно отличается от грамматики иранских языков, в том числе осетинского. Утрата рода в осетинском связана прежде всего с внутренними законами развития самого осетинского языка, а не с влиянием на него соседних языков кавказской се-

мьи. Более того, сам осетинский язык мог повлиять на некоторые языки Кавказа, в частности на грузинский язык, который не различает ни рода, ни классов.

Из вышеизложенного следует:

— древнеиранским языкам была присуща развитая категория рода;

— по мере развития иранских языков в большинстве из них категория рода была утрачена;

— среди современных иранских языков категория рода в развитом состоянии сохранилась в афганском (пушту) языке;

— исчезновение рода в осетинском языке не является результатом влияния кавказских языков и связано с его собственной внутренней эволюцией;

— сходные с осетинским языком процессы утраты рода присущи почти всем иранским языкам.

-
1. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1988.
  2. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
  3. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
  4. Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки. Иранские языки. Дардские языки. Дравидийские языки. М., 1978. Т. II.
  5. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
  6. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
  7. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западные, прикаспийские языки. М., 1982.
  8. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. М., 1997.
  9. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
  10. Миллер В. Ф. Язык осетин. М.-Л., 1962.
  11. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Фонетика, морфология. Орджоникидзе, 1965. Ч. I.
  12. Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология/Под ред. Ахвледиани Г. С. Орджоникидзе, 1963.
  13. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.

СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В ЯЗЫКАХ РАЗНОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Л. Т. Калабекова

В статье показывается, что в качестве ключевого семантического признака категории вида в языках разной типологической отнесенности целесообразно рассматривать абстрагированное значение целостности/процессности глагольного действия. Именно этот признак дает основание для сопоставления аспектологических возможностей разнотипных языков (в нашем случае французского, русского, осетинского). Сравнительно-типологические разыскания, проводимые как в рамках близкородственных языков, так и на уровне языков неродственных, вскрывают тот неопровержимый факт, что в основе всех расхождений (лексической, семантической и синтаксической природы) лежат в первую очередь системные особенности любого отдельно взятого естественного языка. Иллюстрацией сказанному могут служить некоторые расхождения между французской, русской и осетинской лингвосистемами, проявляющиеся в способности упомянутых языковых культур выразить разнообразные аспектуальные смыслы. Для типологических исследований аспектологического порядка немаловажным становится выявление общих параметров, позволяющих соотносить содержательную сторону исследуемых систем в рамках обозначенной проблематики. Так, в частности, представляется целесообразным рассматривать абстрагированное значение целостности/процессности действия, в качестве основного семантического признака глагольного вида в языках разной структурной модели (в нашем случае: французском, русском, осетинском). При этом в пределах упомянутой корреляции обнаруживаются более частные семантические смыслы, а именно: длительность/недлительность, законченность/незаконченность процесса. Последний из обозначенных семантических признаков способен включать в свою активность отношение действия к результату, что представляется вполне естественным, так как о результативности мы судим лишь в том случае, если действие завершено. Незавершенное действие не может достичь какого бы то ни было результата. Приведенные значимости видового порядка возникают в речевом потоке вследствие взаимодействия множества средств различных языковых уровней: лексического значения глагольной леммы в совокупности со значением ее грамматической формы и синтаксического окружения. Иначе говоря, в пределах функционально-семантической категории (ФСК) аспектуальности происходит распределение семантических признаков на основной категориальный и периферийные. Регулярность выражения последних, как бы суживается от одного аспектуального признака к другому. Так, например, если длительность свойственна практически любому процессному действию, то далеко не всякое целостное действие является результативным.

Ключевые слова: контрастивный метод, функционально-семантическая категория, глагольная парадигма, аспектуальное значение, смысловая доминанта, грамматический маркер, семантические характеристики.

The article proves the abstract meaning of completeness/duration of verbal action can be considered as the main semantic feature of aspect in the typologically different languages. This feature gives the basis for the comparison of aspectological potential of the languages with different typological structures (in this case — those of French, Russian and Ossetian). Comparative-typological studies, conducted in the terms of closely related languages and unrelated ones, reveal the undeniable fact that the basis of all differences (of lexical, semantic and syntactic nature) are accounted for, first and foremost, by the systemic features of any given natural language. Some differences between the French, Russian and Ossetian linguistic systems manifested in the ability of the reviewed language

cultures can serve as an illustration to the above stated fact to express a variety of aspect meanings. For typological research of aspects it becomes important to identify the common parameters, allowing the correlation of the systems content studied in the framework of the indicated problem. Thus, in particular, it seems appropriate to consider the abstract value of completeness/duration of actions as the main semantic characteristic of the verbal form in the languages of different structural models (in our case: French, Russian and Ossetian). Within the mentioned correlations more specific semantic meanings, namely, duration/continuity, completeness/incompleteness of the process, are found. The last of the semantic characteristics can be included in their activity attitude to the result, which is quite natural, as we judge the effectiveness only in case of completed action. Unfinished action can achieve no result. The given significance of the aspect occurs in the speech stream as a result of interactions between various linguistic levels: the lexical meaning of the verbal lexeme together with the value of its grammatical forms and syntactic environments. In other words, within the functional-semantic category (FSC) of aspectuality is the distribution of semantic features to the main categorical and peripheral ones. It seems like the regularity of expression of the latter is narrowed from one aspect feature to another. For example, if the duration is inherent in almost any process action, not any integral action is effective.

Keywords: *contrastive method, functional-semantic category, verbal paradigm; aspectual meaning; semantic dominant, grammatical marker, semantic features.*

Контрастивный подход к исследованию грамматических категорий в рамках как близкородственных, так и неродственных языков а priori обеспечивается богатым эмпирическим материалом, служащим основанием для лингвистического анализа. В основе современных контрастивных разысканий лежит триединство *человек — язык — культура*. Растет интерес к изучению национальной логики мышления, и выявляются причины в возникновении расхождений между языками посредством изучения и сопоставления их семантических структур в рамках проблемы межъязыковых и межкультурных контактов. Язык рассматривается как форма и способ организации человеческого сознания, высвечивая, таким образом, свою антропологическую сущность, значимость которой в исследованиях по общей лингвистике, в теории и практике перевода вполне очевидна. «Любая общественная наука, — писал по этому поводу В.И. Абаев, — что бы она не изучала, изучает в конечном счете человека, совершенно так же, как любое искусство, что бы оно ни изображало, изображает в конечном

счете человека. Всякая отрасль гуманитарного сектора, из которой выпадает человек, сама выпадает из гуманитарного сектора. Недаром «гуманитарный» происходит от латинского *humanus* «человеческий»» [1, 38].

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания обусловила актуальность лингвистических исследований, посвященных национально-культурному своеобразию отдельно взятого естественного языка. Каждый язык отражает определенное видение мира, неповторимое мироощущение народа, говорящего на этом языке, сегментацию внутреннего и внешнего пространства, представленного отдельными микроструктурами, совокупность которых реализует содержательное строение языка и его целостную семантическую организацию.

Контрастивная лингвистика возникла прежде всего как контрастивная грамматика и продолжает оставаться преимущественно в пределах этой последней. Вместе с тем, если не ограничиваться сравнением лишь грамматических парадигм и грамматических способов импликации категориальных

значений, а сопоставлять также функции и функциональные различия форм, категорий и целостных парадигм в отдельных языках, то сразу же станет понятно, что контрастивная грамматика не может быть только грамматикой в узком смысле этого слова. Преодоление неизбежно возникающих трудностей при сопоставительном изучении разносистемных языков обеспечивается двумя приемами: либо грамматика привлекает к анализу единицы других уровней языка, расширяя таким образом сферу своей активности [2, 71], либо контрастивный метод проецируется на постижение языковых элементов неграмматического порядка, поскольку известно, что сходные или даже идентичные явления в системной организации двух отдельно взятых языков не всегда оказываются в рамках одних и тех же областей структурирования, а именно: то, что в одной языковой системе находит грамматическое воплощение, в другой может выражаться лексически или даже средствами фонетики.

Сравнительно-типологические разыскания, проводимые как в рамках близкородственных языков, так и на уровне языков неродственных, вскрывают тот очевидный факт, что в основе всех расхождений (лексической, семантической или синтаксической природы) лежат, в первую очередь, системные особенности любого отдельно взятого естественного языка. Иллюстрацией сказанному могут служить некоторые расхождения между французской, русской и осетинской лингвосистемами, проявляющиеся в способности упомянутых языковых культур выражать разнообразные аспектуальные смыслы. Для типологических исследований аспектологического порядка немаловажным становится выявление общих параметров, позволяющих соотносить

содержательную сторону исследуемых систем в рамках обозначенной проблематики. Так, в частности, представляется целесообразным рассматривать абстрагированное значение *целостности/процессности* действия, в качестве основного семантического признака глагольного вида в языках разной типологической модели (в нашем случае: французском, русском, осетинском). В пределах упомянутой корреляции обнаруживаются более частные семантические смыслы, а именно: *длительность/не законченность/незаконченность* процесса. При этом последний из приведенных семантических признаков способен включать в свою активность отношение действия к *результату*, что представляется вполне естественным, так как о результативности мы судим лишь в том случае, если действие завершено. Незавершенное действие, не может достичь какого бы то ни было результата.

Приведенные значимости видового порядка, такие как *длительность/недлительность, законченность/незаконченность, отношение действия к результату*, возникают в речевом потоке как следствие взаимодействия множества средств различных языковых уровней: лексического значения глагольной леммы в совокупности со значением ее грамматической формы и синтаксического окружения. Иначе говоря, в пределах функционально-семантической категории (ФСК) аспектуальности происходит распределение семантических признаков на основной категориальный и периферийные. Регулярность выражения последних как бы суживается от одного аспектуального признака к другому. Так, в частности, если длительность свойственна практически любому процессному действию, то далеко не всякое целостное действие

является результативным. При этом автор статьи придерживается мнения, согласно которому единственно видовой оппозицией во французской языковой системе является корреляция времен *Imparfait/Passé simple (Imp/PS)*. Входящие в состав видового противопоставления *Imp/PS* глагольные формы объединены единым семантическим признаком: абстрагированным значением *целостности/процессности* глагольного действия. Правомерность высказанного суждения подтверждает проведенный разбор иллюстративного материала. Обратимся к примерам. В высказывании *Nous passâmes une bonne heure à nous souffler dans le nez* [3, 140] речь идет прежде всего о целостном действии. А во фразе *Les jours passaient* та же глагольная лексема *passer* формулирует действие как процессное. При этом PS (первый приведенный пример) обозначает акт совершения целостного, неделимого действия, воспринимаемого нашим сознанием как некий процесс, начальная и финальная стадии которого даны не в последовательном развитии (начало — конец), а в виде чего-то целого и нечленимого. Наличием значения целостности эксплицируются несочетаемые свойства французского перфекта с грамматическими маркерами, характеризующими действие в его непрерывности, процессности. Французский перфект (в отличие от имперфекта) не сочетается (за отдельными исключениями) с обстоятельственными маркерами типа *sans cesse, de plus en plus, sans arrêt, de moins en moins, à mesure que, au fur et à mesure que, plus... plus* и др., выражающими непрерывную длительность. Семантические характеристики PS не позволяют ему также сочетаться и с наречием *déjà (=auparavant)*, обозначающим действие, свершившееся до момента речи [4, 254-255]. При

этом французский перфект отдает явное предпочтение лексемам, включающим в свою активность ограниченную длительность процесса: *Le jeu dura toute la journée* (Druon). В то же время, грамматические маркеры типа *peu à peu, de jour en jour, jour par jour, de porte en porte*, а также наречия той же семантической направленности: *progressivement, doucement, graduellement, insensiblement* охотно совмещаются с обеими временными формами. Например: *... de jour en jour, d'heure en heure, la situation se faisait plus menaçante* (Verne); *Peu à peu, une certaine appréhension régna donc dans la ville* (Verne) [5, 71].

Нетрудно заметить, что действия, слагающиеся в результате использования имперфекта и простого перфекта, представлены существенным образом по-разному. В первом случае на фоне имперфекта внимание сосредоточено на самом разворачивании процесса: действие как бы распределяется на часть, уже завершённую, и часть незавершённую, находящуюся в процессе протекания. Во втором — PS формирует смысл целостности, неделимости действия [5, 70-72]. А первичная функция *вида*, как известно, есть не что иное, как отображение того, каким образом протекает процесс на временной оси [6, 195]. Приведем классический пример.

Как было уже замечено, во французской лингвокультуре при грамматических маркерах, выражающих ограниченную протяженность процесса типа *pendant la journée, pendant quelques jours, toute la journée, toute la semaine* и др., принято употреблять точечное время [7, 113]. В такого рода контекстах в рамках значения *целостности* реализуется смысл продолжительности действия, ограниченный, однако, определенным временным отрезком. Например: *Cela dura ainsi pendant deux ans; puis, un*

matin, la petite femme mourut... [8, 145]. — *Так тянулось два года. И вот как-то утром бедняжка умерла...* [9, 354]. Исключения составляют случаи, когда речь идет об обычности, повторяемости действия. В подобных ситуациях возможно употребление имперфекта. Например: *Moi, pendant ce temps, j'allais m'asseoir dehors sur la terrasse* [8, 81]. — *А я тем временем выходил на террасу посидеть на воздухе* [9, 315]. Заметим, что русский язык в аналогичных условиях сохраняет, как правило, форму НСВ глагола, так как для русской лингвистической системы никакие внешние временные ограничители не являются определяющими для того, чтобы судить о достижении действием внутреннего предела. В системе русского языка предельность отражает главным образом характер внутреннего протекания процесса и является одним из семантических признаков СВ.

Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные грамматические показатели французской лингвокультуры тяготеют к их употреблению при атерминативных глагольных лексемах, при терминативных глаголах использование последних становится недопустимым (не скажешь, например, *Il entra pendant quelques minutes*). Целостность действия при такого рода маркерах отражает не столько достижение какого-то внутреннего предела, сколько внешние условия его протекания, его ограниченность на временной оси.

Безусловно, наряду с уже упомянутыми семантическими характеристиками, в рамках сложного и многогранного значения *целостности/процессности* проявляются и другие более частные аспектуальные смыслы, такие как *начинаемость, интенсивность, однократность, многократность, повторяемость, дистрибутивность, мгновен-*

ность и т.д. В этом случае мы говорим о проявлениях способов глагольного действия (СД), так как все перечисленные аспектуальные смыслы, помимо конкретной словоформы, охватывают всевозможные неглагольные средства языка [10, 44]. Безусловно, приведенная иерархия аспектуальных характеристик становится возможной лишь в рамках функционально-семантического подхода к изучению обозначенной проблематики. Модель построения функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности применительно к языкам разной типологической отнесенности (в нашем случае французскому, русскому и осетинскому) высвечивает целый пласт специфических особенностей, раскрывающихся во всевозможных межъязыковых коллизиях, которые позволяют учесть неодинаковую или не совсем одинаковую функцию видовой категории в трех обозначенных языках, обнаруживая при этом их семантико-функциональные черты сходств и различий.

Несмотря на тот неоспоримый факт, что русская аспектология на сегодняшний день считается одной из наиболее разработанных, исследователи категории глагольного вида русской лингвистической системы до сих пор не приходят к однозначному осмыслению целого ряда принципиально важных проблем. Неодинаковое толкование многих вопросов аспектологического порядка «вводит преподавателей русского языка как неродного в состояние смятения и растерянности» [11, 210]. Не случайно, М. А. Шелякин, в круг научных интересов которого на протяжении многих лет входило исследование вопросов русской аспектологии, предлагал создать научный центр, который бы занимался анализом, существующей аспектологической литературы, а так-

же формированием единой стратегии в изучении видовой категории русского глагола [11, 210]. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев и вовсе высказываются в пользу создания «особого «аспектологического» словаря русского языка, в котором в едином формате для каждого глагола была бы представлена вся аспектологически релевантная информация: вид, видовая коррелятивность, формальный и семантический тип видовой пары, онтологический потенциал, идиосинкратические особенности употребления видовых форм, а также принадлежность глагола к тому или иному способу действия или, наоборот, возможность образования от него того или иного способа действия». Такой словарь, по мнению исследователей, предоставит «пользователю возможность легко и быстро получить исчерпывающую информацию относительно аспектуальных свойств русских глаголов» [12, 99].

Вопрос о грамматической семантике глагольного вида в русской лингвокультуре остается все еще дискуссионным. Многие исследователи связывают семантический потенциал граммы совершенного вида (СВ) как сильного члена оппозиции СВ/НСВ со значением результата действия. Сторонником такой концепции был С. Карцевский [13, 95]. Схожую позицию встречаем у И. П. Мучника, который выделяет шесть семантических признаков, лежащих в основе формирования аспектуальных значений русского глагола. Среди них: *законченность, длительность, непротяженность, предельность, определенность действия по отношению к существованию во времени, результативность*. При этом в качестве ключевого категориального семантического компонента, лежащего в основе деления глаголов на СВ/НСВ, исследователь

рассматривает признак *результативности/длительности* процесса. Результативность и длительность являются собой, согласно концепции И. П. Мучника, соотносительные грамматические понятия, достаточно тесно переплетенные между собой. Эта связь вытекает со всей очевидностью из взаимоисключаемости упомянутых значений: результативность выступает на фоне отсутствия длительности, длительность же, в свою очередь, проявляется там, где невозможна результативность [14, 103].

В современной аспектологической литературе можно встретить мнение, согласно которому результативность рассматривается либо как одно из проявлений СД, либо как особое явление в рамках СД. Так, согласно концепции А. В. Бондарко, лишь общерезультативное значение представляет собой собственно СД. Во всех же остальных случаях речь идет о семантической составляющей, способной сочетаться с более частными и специфическими составными частями, лежащими в основе множества других СД. Для отождествления результативности со значением СВ нет никаких оснований хотя бы потому, замечает ученый, что результативность не охватывает всю глагольную парадигму СВ. Больше того, проявление упомянутого аспектуального смысла возможно и в лексемах НСВ. При этом наблюдается следующая закономерность. Если в граммах СВ глагола результативность выступает как реальное достижение результата, то в граммах НСВ результативность выражает либо направленность на достижение результата, либо его достижение. Сравним: 1) *Догонял, но не догнал*, 2) *Обычно их сразу же догоняли более молодые* [15, 64-65].

Ряд исследователей в качестве категориальной смысловой доминанты,

лежащей в основе корреляции СВ/НСВ называют признак *предельности/непредельности* глагольного действия. Вслед за В.В. Виноградовым [16, 394], эта точка зрения укоренилась в работах Н.С. Авиловой, Е.А. Земской, А.Н. Тихонова и др. ученых. Однако дело в том, что предельность (как, впрочем, и результативность) не является универсальной семантической характеристикой, охватывающей все лексемы СВ. Доказательством сказанному служит существование большого класса глаголов, обозначающих изменения свойств или положения в пространстве и включающих в свою активность смысл «стать более каким-то»: *возрасти, замедлить (ся), заострить (ся), повысить (ся), понизить (ся), пожелтеть, покраснеть* и т.д. Нетрудно заметить, что все приведенные глагольные лексемы обозначают действие, которое может продолжаться. Так, если недопустимо сказать: *Он уже надел пальто и продолжает его надевать* (так как СВ предельной лексемы обозначает действие, которое не может продолжаться), то семантически правильным будет высказывание *Цены уже повысились и продолжают повышаться* [17, 9].

И, наконец, целая группа ученых, при этом, пожалуй, самая многочисленная, высказывается в пользу того, что видовое противопоставление СВ/НСВ строится прежде всего на основе оппозиции семантических признаков *целостность/нецелостность* глагольного действия. Смысловой доминантой видовой корреляции СВ/НСВ становится достижение/недостижение или же полное отсутствие внутреннего предела действия, что формирует в свою очередь значение *целостности* как неделимой совокупности начала, продолжения и конца действия (СВ) и значение *нецелостности* действия,

не предполагающее в своей семантике перечисленные признаки для его реализации (НСВ) [18, 215]. Мысль о том, что семантику СВ русского глагола как сильного члена видовой оппозиции СВ/НСВ следует связывать прежде всего с *целостностью* действия, высказывал еще Л.П. Размусен. По мнению исследователя, если СВ глагола представляет действие в его целостности, а не в процессе протекания, то НСВ не обладает признаком целостности действия и может выражать действие как протекающий процесс [19, 379]. Следовательно, граммема СВ исключает признак процессности действия. Не скажешь, например: «*Он все пробежал, поднялся*». В то же время граммема НСВ обычно выражает действие нецелостное. Что касается *результативности*, как и *предельности*, то в отличие от *целостности* действия как ведущего семантического признака глаголов СВ, упомянутые аспектуальные характеристики следует, скорее, рассматривать в качестве более частных проявлений СВ. Больше того, выражение результата действия являет собой лишь один из частных проявлений предельности. Всякий глагол, обладающий результативным значением или содержащий в своей семантике элемент результативности, является предельным. Но не всякий предельный глагол является результативным [20, 64]. Правда, случается и так, что граммема НСВ глагола приобретает неспециальное, имплицитное значение целостности действия, обусловленное требованиями конкретной дискурсивной стратегии.

Грамматическая категория вида в осетинском языке проявляется наиболее полно и интенсивно во взаимодействии с категориями времени и наклона. Видовая категория обнаруживается в пределах временной парадигмы

изъявительного склонения, способствуя формированию самых разных аспектуальных смыслов [21, 149-163]. Основным продуктивным средством видообразования в современной осетинской лингвосистеме признана перфективация: словоизменительная категория, преобразующая грамему НСВ в СВ. Глаголы СВ обычно характеризуются как лексемы, выражающие завершённое, достигшее своего предела действие. Глаголы НСВ выражают процесс, вне всяких ограничений в его течении [22, 236]. Однако обращает на себя внимание следующее. Упомянутые аспектуальные значения (*завершённость*, *предельность*, с одной стороны, и *процессность* действия, с другой) не могут рассматриваться в качестве соотносительных семантических признаков, которые возможно было бы подвергать анализу в качестве смысловой доминанты оппозитивных коррелятов СВ/НСВ осетинского глагола. Действие, выраженное граммемой СВ, рациональнее рассматривать прежде всего как *целостное*. Что касается *предельности* в равной степени как и *завершённости* действия, то приведенные аспектуальные характеристики выражают скорее более частные семантические проявления абстрагированного значения *целостности* действия. *Целостность/процессность* глагольного действия распадаются в условиях конкретной дискурсивной актуализации на целый ряд антагонистических семантических признаков таких как: *длительность/недлительность*, *законченность/незаконченность*, а также признак *отношения* действия к *результату*. Последние, в свою очередь, способны «распадаться» на более частные семантические смыслы. Обратимся к материалу:

Райзæрæй, узал думгæ æрбакодта, йеугай-дугай æстгълутæ скалдæнцаæ.

— *Настал вечер, холодный ветер подул, поодиночке выглянули звезды; Бацудæнцаæ Алимæрзай хæдзарæмæ æмæ уоми, гъæуй ма дæ, кафунтæ 'ма зарунтæ байдæдтонцаæ, цума киндзæ 'рхастонцаæ, уотæ. — Заехали в дом к Алимарзе и там вдоволь и танцевать, и песни петь стали, как будто свадьбу сыграли; Хуцау зонуй, цæй бæрцаæ фæциудæнцаæ... — Бог знает, сколько они проехали...* [23, 121; 124; 131].

Несложно заметить, что в первом высказывании форманты *-æрба-* и *с-* сообщают действию значение внезапности, мгновенности. Во втором приведенном примере приставка *ба-* в первом своем употреблении имеет значение СВ (*бацудæнцаæ*), уточняя при этом направленность действия извне внутрь, во второй ситуации (*байдæдтонцаæ*) способствует формированию начинательного СД. И, наконец, в третьем приведенном предложении префикс *фæ-* формирует аспектуальное значение завершённости длительного процесса. Как видим, все перечисленные видовые смыслы возникают как результат взаимодействия лексического значения глагольной лексемы в совокупности со значением ее грамматической формы, а, следовательно, их целесообразно рассматривать как частные проявления абстрагированного аспектуального значения *целостность/процессность* глагольного действия.

Перфективирующая функция осетинских превербов оказывается идентична функции русских приставок в их способности сообщать производным глаголам (кроме *фæ-*) значение однократного СВ только в прошедшем и в будущем временах. Что же касается настоящего времени, то ни в русской, ни в осетинской лингвокультурах превербы не придают морфологически отмеченным лексемам значения

перфективности действия [24, 511]. Чем же объяснить подобную близость между перфективирующим свойством превербов в осетинском и в русском языках? Не является ли это простым подгоном осетинского языкового материала под уже сложившуюся схему славянского вида? Такое положение вещей не должно удивлять исследователей, замечал по этому поводу В.И. Абаев. «Скифская группа иранских языков, к которой принадлежит осетинский, была от глубокой древности продвинута в Европу и много веков соседствовала с европейскими, особенно восточноевропейскими языками, в то время как остальные индоиранские языки уже давно переместились на восток и на юг и утратили всякий контакт с Европой» [25, 4]. Исторические данные позволяют утверждать, что «из языков европейского круга скифский больше всего соприкасался со славянскими языками. Их контакты начались, вероятно, со времени обособления славянской группы, т.е. со второй половины II тысячелетия до нашей эры и продолжались до гуннского нашествия, т.е. до IV в. н.э., стало быть, около пятнадцати веков. Такое длительное общение способствовало появлению не только лексических, но и грамматических изоглосс» [25, 53]. Заметим, что сегодня постулируется идея существования общеевропейского языкового стандарта («Standard Average European»), согласно которой в пределах европейского ареала можно обозначить значительную группу языков, объединенных общностью их структурной идентичности, когда «ареальная близость влияет не только на инвентарь грамматических значений, но и на принципы устройства грамматических систем...» [26, 144]

В.И. Абаев обращал самое пристальное внимание на тот факт, что

осетинские превербы, так же как и славянские, несут двойную нагрузку: грамматическую (видообразовательную) и словообразовательную (выражение локативных отношений). Хотя для иранской группы языков характерна только вторая функция. Получается, что в схеме образования СВ посредством превербов осетинская языковая культура стоит как бы особняком среди других иранских языков. Перфективирующая функция глагольных приставок приближает его к славянской языковой группе, в частности, к русскому. При этом следует заметить, что речь идет не о таких широко распространенных в индоевропейских языках превербах, как индоевропейское *pro-*, славянское *pro-*, иранское *fra-*, осетинское *ra-*; индоевропейское *peri-*, славянское *pre-* (русское *пере-*), иранское *pari-*, осетинское *fæl-*; индоевропейское *obhi-*, славянское *-ob*, иранское *-abi-*, осетинское *-æv* и другие: параллелизм в употреблении этих превербов не дает еще основания говорить о специфической славяно-скифской изоглоссе. Имеются в виду такие, например, форманты, как русские *воз-*, *вос-*, *вз-*, *вс-* и осетинские *-ыз*, *-ыс*. Так, например, если сопоставить русский приставочный глагол *вз-лезть* и осетинский *ысхизын*, то увидим, что обе лексемы выражают движение снизу вверх. В глаголах же *воз-мутить* и *ызмæнтын* совпадает не только основное значение *смешать*, *взболтать*, но и факультативное *вз-бунтовать* [27, 188].

Наряду с функциональной близостью между славянскими и осетинскими превербами возникла близость и материальная. В обеих лингвосистемах встречаются, в частности, превербы к которым принято прибегать преимущественно для выражения аспектуальных значений, так как локативная семан-

тика этих последних выражена слабо. Речь идет об осетинском *фæ*- и русском *по*-. Упомянутые форманты близки не только функционально, но и этимологически. Сравним: *работать* — *кусын*, *по-работать* — *фæ-кусын*; *играть* — *хъазын*, *по-играть* — *фæ-хъазын*; *звать* — *дзурын*, *по-звать* — *фæ-дзурын* [25, 58-59; 63-66]. Вспомним в этой связи, что еще В.Ф. Миллер, исследуя язык осетин, обратил внимание на функциональное сходство осетинской приставки *фæ*- и славянской *по*-. Однако объяснить это явление ученому не удалось [28, 139].

Превербный способ образования СВ в осетинском языке большинством лингвистов рассматривается как словоизменяемая категория, в которой члены видовой пары являются формами одного и того же слова. Между тем, существует концепция, согласно которой осетинские приставки совмещают деривационную функцию с формообразующей: т.е. с одной стороны, они способствуют образованию нового слова, с другой, — переводят граммы НСВ в СВ. Согласно приведенной теории, формантов, несущих только чисто грамматическую функцию и не образующих новую лексическую единицу, немного. Так, в глаголах *базонын* — *узнать*, *фенын* — *увидеть*, *ныффысын* — *написать* превербы имеют только грамматическое значение; глаголы же *ацаразын*, *бацаразын*, *ныццаразын*, *арфыссын*, *сфыссын* являются новыми словами [29, 133].

Существенную роль в оформлении аспектуального характера процесса в осетинской языковой культуре отводится частицам *-иу-* и *-цаей-*. Глагольные образования с такого рода аффиксами уточняют характер распределения действия на временной оси и в силу сказанного могут быть отнесены к про-

явлениям различных СД. А именно: инфикс *-иу-*, присоединяясь к приставочному глаголу, формирует, с регулярной частотностью, многоактный СД: *арбацциди...* — *иу*; глаголы же с частицей *-цаей-*, формируясь на фоне морфологически отмеченных глагольных лексем, и, нейтрализуя значение граммы СВ, способствуют образованию общерезультативного СД: *арбаццейцциди*. Правда, в некоторых случаях частица *-иу-* может выражать повелительное наклонение будущего времени. В таких эпизодах возникает риск неадекватного толкования текста. Однако этого не происходит, так как в подобных ситуациях определяющую значимость приобретает дискурсивная стратегия высказывания [30, 87].

Приведенный разбор языкового материала, а также суждений относительно смысловой доминанты глагольного вида во французском, русском и осетинском языках приводит нас к убеждению в том, что абстрагированное значение *целостности/процессности* глагольного действия выступает тем категориальным семантическим признаком, который позволяет соотносить содержательную сторону исследуемых лингвосистем в пределах обозначенной проблематики. Больше того, не следует забывать и о том факте, что именно семантический признак *целостности-процессности* глагольного действия послужил основой для выделения в глагольной системе славянских языков оппозитивных граммем СВ/НСВ глагола [31, 74]. Что касается всех других упомянутых аспектуальных смыслов, то их роль также представляется весьма существенной, однако эти последние являют собой лишь более частные проявления абстрагированной семантической корреляции «*целостность/процессность*» глагольного действия.

1. *Абаев В. И.* Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. М., 1965. № 3. С. 22-43.
2. *Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Контрастивная лингвистика. М., 1989. Вып. XXV. С. 63-81.
3. *Rolland R. Colas Breugnon.* М., 1968.
4. *Пицкова Л. П.* Системное значение морфологической формы в аспекте синтагматики и парадигматики (на материале вида и перфектности французского языка). М., 2002.
5. *Васильева Н. М., Пицкова Л. П.* Le Français. Теоретическая грамматика: Морфология. Синтаксис. М., 1991.
6. *Тимберлейк А.* Динамика лексики, времени и дискурса (замечания по поводу анкеты по аспектологии) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. Т. 2. С. 195-205.
7. *Пицкова Л. П.* Грамматическая категория вида в современном французском языке. М., 1982.
8. *Daudet A.* Lettres de mon moulin. Paris: Bibliothèque-Charpentier, 1937.
9. *Доде А.* Письма с мельницы. Собр. соч.: в 7 т. М., 1965. Т. 1. С. 271-404.
10. *Калабекова Л. Т.* Способы глагольного действия в контрастивном освещении (на материале французского, русского, осетинского языков). Владикавказ, 2015.
11. *Шелякин М. А.* О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. Т. 1. С. 210-219.
12. *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
13. *Karcevski S.* Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
14. *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
15. *Бондарко А. В.* О видах русского глагола (Из проблематики соотношения значений вида и способов действия). Статья первая // Русский язык за рубежом. 1975. № 5 (37). С. 63-65.
16. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972.
17. *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
18. *Шелякин М. А.* О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. Т. 1. С. 210-219.
19. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Т. 275. С. 376-417.
20. *Бондарко А. В.* О видах русского глагола. Статья вторая // Русский язык за рубежом. 1975. № 6 (38). С. 63-65.

21. Таказов Х. А. Категория глагола в современном осетинском языке: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1992.
22. Грамматика осетинского языка. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963. Т. 1.
23. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.
24. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2011. С. 435-559.
25. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
26. Плунгян В. А. Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии // Материалы междунар. конф., посвященной 50-летию Петербургской типологической школы. СПб., 2011. С. 142-145.
27. Осетинско-русский словарь/Сост. Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н. Владикавказ, 2011. Изд. 3-е.
28. Миллер В. Язык осетин. М.; Л., 1962.
29. Габараев Н. Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси, 1977.
30. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
31. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

СОЗЫРЫКО БРИТАЕВ КАК ПРАКТИК И ТЕОРЕТИК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е. Б. Дзапарова

В статье рассматривается переводческое наследие Созырыко Бритаева, оценивается вклад переводчика в теорию и практику художественного перевода. Автор анализирует переводы С. Бритаева, выявляются способы воссоздания в переводном тексте формы и содержания оригинала. Анализируя рассказ Л. Н. Толстого «После бала» в оригинале и в переводе С. Бритаева, исследователь рассматривает способы отображения в переводном тексте основного структурообразующего элемента произведения — контраста. Установлено, что переводчику С. Бритаеву удалось воспроизвести стиль повествования, систему художественных образов оригинала, архитектонику произведения. Прослежена передача на языке перевода и образных единиц оригинала (метафор, эпитетов). Переводчик в основном воспроизводит данные единицы перевода в оригинальной творческой манере русского писателя. Замена отдельных метафорических структур эквивалентами переводящего языка позволила Бритаеву сохранить структуру тропа, но привела к утрате его эстетической функции. Перевод некоторых эпитетов требовал отхода от словарных соответствий и нахождения эквивалентов по смыслу.

Ключевые слова: художественный перевод, художественная деталь, антитеза, единица перевода, художественный образ, эквивалент, лексема, образная единица.

The article examines Sozyryko Britaev's translation heritage, assesses the contribution of the translator to the theory and practice of literary translation. The author analyzes Britaev's translations, identifies methods of recreating in his translated version the form and contents of the original text. The researcher considers ways of displaying contrast as a basic structure-forming element of the work in the translated text analyzing the story of L. N. Tolstoy «After the Ball» in the original and in Britaev's translation. The study allows to conclude, that Britaev as a translator managed to reproduce the style of narration, the system of artistic images of the original, the architectonics of the work. The author traced the translation into Ossetian the original figures of speech (metaphors, epithets). On the whole the translator managed to reproduce these tropes retaining the original Russian writer's creative manner. Replacing some individual metaphorical structures with equivalents of the language of translating allowed Britaev to preserve the structure of the tropes, but led to the loss of their aesthetic function. Translation of some epithets required a deviation from the lexical correspondences and finding semantic equivalents.

Keywords: artistic translation, artistic detail, antithesis, translation unit, artistic image, equivalent, lexeme, figurative unit.

Созырыко Аузбиевич Бритаев — известный осетинский писатель, критик, исследователь устного народного творчества — своими переводами произведений художественной литературы внес значительный вклад в осетинскую переводческую традицию.

Обращение к заявленной теме обусловлено недостаточной разработанностью ее в осетинском литературоведении. В имеющихся немногочисленных статьях исследователи рассматривали лишь сказочное творчество С. Бритаева [1; 2]. А между тем, проблемы, за-

трагиваемые С. Бритаевым в трудах по художественному переводу, являются актуальными и для современного переводоведения.

Художественный перевод как фактор межкультурной коммуникации сыграл свою существенную роль в развитии осетинской литературы. Деятельность по переводу художественных произведений на осетинский язык, активизировавшаяся в конце 1920-х — начале 1930-х гг., продолжала развиваться и в последующие годы. Вдохновенный призыв М. Горького «переводить друг друга», прозвучавший на Первом съезде писателей СССР в 1934 г., был подхвачен и осетинскими переводчиками. К середине 1930-х гг. интерес к художественному переводу в осетинской литературе значительно возрос. Большое внимание уделялось не только переводу произведений русской литературы на осетинский язык. «По инициативе Горького в 1934 году в Осетии побывала бригада Оргкомитета Союза писателей СССР с целью оказания практической помощи писателям Осетии в переводе и издании лучших произведений осетинской литературы на русском языке» [3, 93], а на страницах газеты «Рæстдзинад» поднимались вопросы о принципах и мастерстве художественного перевода [4, 91]. От переводчиков требовалось воссоздание в переводном произведении единства художественной формы и содержания оригинала. Во второй половине 1930-х гг. на смену предыдущему поколению переводчиков русской и зарубежной литературы (Ц. Амбалову, Б. Зангиеву, Х. Цомаеву и др.) пришла плеяда талантливых переводчиков в лице Г. Плиева, Х. Ардасенова, Нигера (И. В. Джанаева), Д. Мамсурова, Д. Дарчиева, К. Дзесова, Г. Тогузова (Иласа Арнигона) и многих других.

В 1930-е гг. свои первые шаги в худо-

жественном переводе делает Созырыко Бритаев. В журналах¹ и отдельными изданиями выходят в свет его переводы повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1937), рассказов Л. Н. Толстого «Бешеная собака», «После бала», «Ходынка», «Три смерти», «Бедные люди» (прозаическая переработка Л. Н. Толстым стихотворения В. Гюго из цикла «Легенда веков»), М. Горького «Дед Архип и Ленька» (1932) [5, 166-192], М. Е. Салтыкова-Щедрина «Миша и Ваня» (1934), романов А. Фадеева «Разгром» и «Молодая гвардия», Г. Бичер Стоу «Хижина дяди Тома» (сопереводачик С. Булацев, 1950), Г. Фаста «Дорога свободы» и др. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ) хранит переводы Бритаева на осетинский язык произведений В. Ильенкова, А. Тихонова, Н. Телешова [6], прозы зарубежных авторов [7]: Яна Дрды «Политик» [8, 74-80], Ангела Каралийчева «Старый Рожень», Иржи Марека «Февраль», Пала Сабо «Праздник Иштвана Тара» [9, 3-7] (русскоязычный перевод А. Гершковица). Отрывок из повести А. Шогенцукова «Весна София» в переводе Бритаева был опубликован журналом «Мах дуг» [10, 57-66].

Написанные по следам трагических страниц истории романы Фадеева «Разгром» и «Молодая гвардия» требовали от переводчика тщательной и скрупулезной работы в описании фактов, отражении стиля и атмосферы повествования, достоверности в подаче главных персонажей романа. Перевод романа «Разгром» стал значительным достижением всей переводной литературы на осетинском языке, получил немало восторженных откликов читателей. Как пишет С. Сабаев, автор многочисленных трудов, посвященных русско-осе-

тинским литературным связям, переводчику Бритаеву «...удалось передать самое главное — умение автора раскрыть внутренний, духовный мир своих героев, борцов за народную власть, показать процесс становления характера нового человека» [3, 141].

После появления в 1935 г. на осетинском языке романа «Разгром» Бритаев в конце 1946 г. приступает к переводу «Молодой гвардии». Переводной текст был уже готов и даже в 1950 г. сдан в издательство. Но известная статья в газете «Правда» за 1947 г. о необходимости пересмотреть в произведении роль коммунистической партии в описанных писателем событиях отодвинул его публикацию еще на несколько лет. После выхода в 1951 г. второй редакции романа со значительной авторской переработкой переводчик Бритаев вынужден был вернуться к тексту и внести в него все изменения. Исправленный и дополненный вариант переводного текста на осетинском языке вышел в свет в 1953 г. О добросовестном, почти семилетнем труде сам автор перевода пишет: «Я не пожалел труда, чтобы средствами осетинского языка передать все краски оригинала, сохранил полностью стиль письма автора, сознательно отвергнув довольно ходкую у нас, но ошибочную теорию, якобы, в целях «лучшей доходчивости», «облегченного», «упрощенного» перевода, граничащего с авторизованным, сохранив даже длинные периоды, не столь широко встречающиеся в осетинском языке. И, надеюсь, что роман в переводе прозвучит так же, как он звучит и на русском языке» [11, 3]. С. Сабаев считает перевод Бритаева в художественном отношении слабее оригинала, указывая, что «переводчик зачастую отходит от традиций художественного перевода, не всегда использует соответствующие в осетинском языке

эквиваленты для передачи отдельных понятий и слов, местами живость, образность изображения подменяются сухой передачей содержания». Но в то же время исследователь признает, что выход романа стал «значительным явлением» в осетиноязычной переводной литературе [3, 143]. И все же переводчику удалось отразить в произведении единство исторической правды и художественного вымысла, воспроизвести поэтичность текста, а героические образы романа и в переводе воодушевляли читателя на подвиг, учили патриотизму, самоотверженности.

Обращался Бритаев и к переводам произведений осетинской литературы: на осетинский язык перевел рассказы Б. Туганова «Конокрад» («Бæхдаваг») и Е. Уруймаговой «На рассвете» («Боньцъæхты»), на русский язык — «æнгуз бæлас» («Ореховое дерево») Ашаха Токаева [12]. Известны русскоязычные переводы переработанных Бритаевым фольклорных сказок: «Старый волк», «Волк и свинья», «Козы Кобли», «Как мышь своему сыну невесту искала», «Блоха и вошь», «Три брата и кривой великан», «Волк и сын хана», «Сын медведя», «Как бедная девушка спаслась от алдара», «Золоторогий олень» [13, 23-28], «Запоздалый», «Бронзовая девушка Медной башни» [14, 7-19; 15, 7-19], «Как три брата нашли своих лошадей» [16, 10-12] и др. [17] Собранные и обработанные Бритаевым сказки переведены на многие языки, в частности, на грузинский и украинский.

Одним из первых в осетинской литературе Бритаев обратился к самопереводу (авторскому переводу [18]): перевел с осетинского на русский язык рассказ «Неожиданная встреча» [19], литературную сказку «Дзег сын Дзega».

Интерес Бритаева к вопросам теории художественного перевода, обсуждае-

мым в работах «Раст тæлмац кæнæм æви нæ?», «Куыд хъуамæ тæлмац кæнæм?» [20], был вызван докладом «Художественные переводы литератур народов СССР», прозвучавшим из уст П. Антокольского (содокладчики М. Ауэзов, М. Рыльский) на Втором всесоюзном съезде советских писателей в 1954 г. Рассматривая случаи буквализма и отсебятины в художественном переводе, Антокольский призывал переводчиков со всей ответственностью относиться к своей деятельности, которая, по мнению переводоведа, наряду с созданием оригинального произведения, есть «результат повседневного труда» [21, 32]. Знакомя читателя с содержанием доклада, Бритаев в своих исследованиях рассматривает качество отдельных переводных текстов на осетинском языке (Л. Толстого «Казачи», «Кавказский пленник»; М. Горького «Макар Чудра», «Челкаш», «Старуха Изергиль», «В Америке»; А. Гайдара «Р. В. С.», «Школа», «Тимур и его команда» и др.); указывает как на положительные стороны переводов, так и на их изъяны; касается основных требований, предъявляемых как к переводчику, так и к качеству переводов в целом: прекрасное знание обоих языков (исходного и переводящего), передача стиля автора оригинального текста, синтаксиса. По мнению Бритаева, переводчик как «активный творец литературного процесса» [20, 57] должен обладать талантом сродни таланту писателя, стремиться адекватно воспроизвести образность, ритм иноязычного текста, избегать ошибок при передаче национального колорита подлинника. Предъявляя конкретные требования к качеству переводных текстов [22], сам Бритаев в своей переводческой деятельности стремился следовать этим принципам. Образцами переводческого таланта Бритаева могут послужить

его переводы из русской литературы.

В 1953 г. на осетинском языке вышел сборник избранных произведений Л. Н. Толстого, куда среди прочих переводных произведений знаменитого классика вошли рассказы «После бала», «Ходынка», «Три смерти» в переводе С. Бритаева. Обратимся к переводному тексту рассказа Л. Н. Толстого «После бала» [23] — «Кафтизæры фæстæ» [24].

Рассказ «После бала» (1903), опубликованный после смерти писателя в 1911 г., занимает особое место в творчестве Л. Н. Толстого. Написанное на основе реального события произведение отражает протест автора против социальной несправедливости, в нем показана расстановка социальных сил России в николаевскую эпоху. Герой Иван Васильевич, рассказывающий историю своей юношеской любви и разочарования в ней, отражает в произведении авторскую мысль.

Бритаев, следуя замыслу автора, сохранил в переводе стиль повествования (от 1-го лица), отразил систему художественных образов оригинала, воспроизвел архитектонику произведения: вступление (размышление героя о добре и зле), изображение бала и случай после бала, сыгравший судьбоносную роль в жизни героя. Композиционный прием «рассказ в рассказе» и в переводе позволил передать внутренний мир героя.

Как и в оригинале, в переводе Бритаева произведение разделено на две части. Первая — восторженный рассказ героя-рассказчика о любви к дочери полковника Вареньке, о встрече с ней и с ее отцом на балу. Резко контрастирующая вторая часть произведения — кульминационная — повествует о встрече с отцом Вареньки при совсем других обстоятельствах: перед читателем предстает картина избиения на площади полковником пленного татарина.

Основным структурообразующим элементом произведения Толстого является контраст. Противопоставляются образы героев, душевное состояние главного героя Ивана Васильевича во время бала и после, цветовая гамма, музыкальное сопровождение.

Бритаев-переводчик, со всей ответственностью подошедший к переводу произведения, передал переменность в душе героя до и после бала. Сравним ощущения Ивана Васильевича во время бала в оригинале и в переводе: «Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро» [23, 547]. Читаем в переводе: «*Æз уйдтæн æрмæст хъæлдзæг æмæ бузныг нæ, — æз уйдтæн амондджын, буц, æз уйдтæн хæларзæрдæ, æз нал уйдтæн мæхæдæг, фæлæ цавæрдæр уæларвон уæвæг, маст цы у, уый æптындæр чи нæ зоны æмæ арæст уарзон хъуыддæгтæ кæнынхъом чи у, ахæм*» [24, 66]. Выбор соответствий при переводе некоторых лексем был вовсе не связан, на наш взгляд, с неспособностью переводчиком найти в переводящем языке эквиваленты: *блажен* (адеkv. *амондджын*) — *буц* (*изнеженный, избалованный*), *зло* (*æвзæрдзинад*) — *маст* (*гнев, горечь, горе, обида, досада*), *добро* (*хорздзинад*) — *уарзон хъуыддæгтæ* (*любимые дела*). Замена единиц перевода словами переводящего языка, имеющими нетождественную семантику, не представляется нам ошибочной исходя из всего контекста в переводе. Переводчику удалось подобрать слова, выражающие аналогичные эмоции героя, что и в оригинале.

Восторженное чувство в душе героя еще больше усилилось после танца Вареньки с отцом: «...любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то вре-

мя весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елисаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство» [23, 549].

В переводе: «*Уый мын мæ зæрдæйы мидæг уарзондзинадæн цы фæрæстæ уйд, уйдон иууылдæр суæггд кодта. Уыцы заманы æз мæ уарзондзинадæй хъæбыс кодтон æгас дунейы дæр. Æз уарзтон хæдзары хицæутты дæр, лæгæй, усæй, йæ уазджыты дæр, йæ лакейты дæр, суанг ма мæм тигъæй чи каст, уыцы инженер Анисимовы дæр. Йæ фыды та, йæ хæдзары конд цырыхъхъытимæ æмæ йæ мидбылты худтимæ, раст Варенькæйы мидбылты худты хуызæн, æз уæд уарзтон уæлдай тынг æмæ йæм дæрдтон уæлдай фæлмæн зæрдæ*» [24, 68]. В переводе, как видим, мастерски подобранными в переводящем языке словами Бритаев отразил эмоциональный фон отрывка. Отсутствие единиц перевода *фероньерка* (женское головное украшение), *елисаветинский бюст* может быть оправдано их неактуальностью в культуре носителей переводящего языка.

И совсем другое эмоциональное состояние героя мы видим после бала, после увиденных им физических мук пленного татарина: «...на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища» [23, 552]. В переводе душевный упадок и потрясение героя выражаются соответствующими лексическими единицами: «...*мæ зæрдæйы ахæм стыр рис, ахæм æнкъарддзинад уыди, суанг*

мæ зæрдæ кæмæй хæцца кодта, æмæ æз фæлæууыдтæн цалдæр хатты. Афта мæм каст, цыма ахæм æвзæр хъуыддаг фенды фæстæ мæ хуылфы цы æбуалгъдзинадтæ бахызти, уыдон мæнæ-мæнæ сомдзынæн» [24, 71]. Для того чтобы явно отразить чувства героя от увиденного, Толстой использует соответствующие лексемы, которые переданы в переводе полными или частичными эквивалентами: *тошнота, тоска, ужас, зрелище* — *рис, æнкъарддзинад, æвзæр хъуыддаг æбуалгъдзинадтæ*.

Большое значение для раскрытия идейного содержания произведения играет цветопись. Цветовая гамма сосредоточена по всему тексту. Присутствие светлых тонов и радужных красок в первой части произведения, подчеркивая тем самым эмоциональное состояние героя, резко контрастирует с наличием темных тонов во второй. В начале цвет выступает символом радости и счастья героя, затем — разочарования. Приведем пример описания в разноязычных текстах внешнего облика Вареньки: «Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках... и в белых атласных башишках» [23, 547] — «Ууыл уыди урс къаба фæлурс-сырх ронимæ, йæ къухыл сæрак æрмкъухтæ... йæ къæхтыл та — урс атлас басмахъытæ» [24, 65].

Активно используется автором белый цвет и при описании образа отца Вареньки, полковника Петра Владиславича, во время бала: «Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, а la Nicolas I подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах...» [23, 548]. В переводном тексте

отрывок представлен так: «Варенькайы фыд уыди тынг рæсугъд, хæрзконд, бæрзонд æмæ æрыгонхуыз ацæргæ лæг. Йæ уадултæ уыдысты тынг сырх, йæ рихитæ та — уæлæмæ здыхт æмæ схъæл, паддзах Николай I-ы рихиты хуызæн, рихиты онг бакенбардтæ, йæ къæмисæны хъуынтæ фаст разма æмæ раст йæ чызджы хуызæн уымæн дæр хъæлдзæг мидбылты худт зынди йæ 'рттивæг цæстытæ æмæ былтыл» [24, 67]. Как видим, переводчик в первом и во втором примерах опускает белый цвет, не перегружая таким образом переводной текст. Применение здесь Бритаевым подобного переводческого приема, как кажется, неприемлемо, учитывая семантику, которую белый цвет несет в тексте.

Белый цвет, превалирующий в первой части произведения, во второй сменяется черным: «я увидел... что-то большое, черное...», «я из-за тумана стал различать много черных людей». В переводе Бритаева цветообозначения нашли свое отражение согласно авторскому замыслу: *ауыдтон стыр сау цыдæр, мигъы аууонæй æвзарын байдъдтон бирæ адæмы сау æндæрджытæ*. При переводе словосочетания *солдаты в черных мундирах* [23, 551] переводчик использует аналог *салдæттæ сæрак мундирты* (черный → сæрак (сафьян, кожа)). Подобная замена, на наш взгляд, не только искажает замысел автора, но не соответствует исторической правде. В середине XIX столетия в качестве основного материала для пошива военной формы использовалось сукно.

Противопоставлено в рассказе и музыкальное сопровождение. Восторженное настроение героя во время бала характеризуют быстрые живые танцы и соответствующая музыка. В текстах: «танцевал и кадрили, и вальсы, и польки...» [23, 547] — «уыйас кафыдтæн ка-

дриль дәр, вальс дәр, полька дәр» [24, 65], «в душе у меня... слышался мотив мазурки» [23, 547] — «мә риуы... мәмиу хъуысти мазуркайы мотив» [24, 65]. Здесь, как кажется, переводчику целесообразно было в сноске пояснить реципиенту разновидности обозначенных в оригинале танцев.

Совсем противоположную музыку слышит герой после бала, во время увиденных им физических наказаний татарина: «услыхал... звуки флейты и барабана» [23, 551] — «әмә дзы барабан әмә уадындзы мыртә фехъуыстон» [24, 69], «...но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка» [23, 551] — «уый та әндәр цавәрдәр, дәрзәг, әвзәр музыка уыди» [24, 69], «барабаничик и флейтичик, не переставая повторяли все ту же неприятную, визгливую мелодию» [23, 551] — «барабанджынтә әмә уадындзджынтә, әнә банцайгәйә уыцы иугәндзон цауд, хъыллистгәнаг мотив кәнгәйә» [24, 70], «в ушах у меня била барабанная дробь и свистела флейта» [23, 552] — «мә хъусты гуыр-гуыр кодта барабанты хъәр әмә уадындзы әхситт» [24, 71]. Легкие движения отца Вареньки в танце во время бала («красивые и быстрые па» [23, 549] — «рәсугъд әмә цырә фәзылдтытә» [24, 68]) сменяются тяжелой походкой после («шел твердой, подрагивающей походкой» [23, 551] — «фидар әмә схъиугә къахдзәфтәй цыди» [24, 69], «твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника» [23, 552] — «фидар къахдзәфтәй... цыди бәрзонд әмә хәрзонд булгъон» [24, 70]). Как видим, переводчику не составило труда воспроизвести в тексте каждую деталь подлинника, сохранить общий смысл отрывков. Следуя художественному замыслу писателя, Бригаев воспроизвел особенности синтаксиса исходного языка, а коннотативное

значение единиц в языке перевода равноценно соответствующим единицам в оригинале.

Художественная деталь (цветовая гамма, музыка) раскрывает основной смысл рассказа и в переводе.

Язык великого классика требовал нахождения в переводящем языке соответствующих образных единиц. В рассказе главным образом представлены метафоры и эпитеты. Переводчик в основном воспроизводит образные единицы в оригинальной русскому писателю творческой манере: «грациозная фигура Вареньки плыла около него» [23, 549] — «Варенькайы гуырвидауц гуырленк кодта йә цуры» [24, 67], «Я обнимал в то время весь мир своей любовью» [23, 549] — «Уарзондзинадәй хъәбыс кодтон әгас дунейы дәр» [24, 68]. Замена метафорической структуры первого выражения эквивалентами переводящего языка позволила сохранить структуру тропа, но привела, на наш взгляд, к утрате эстетической функции [25, 3] исходной единицы. «Грациозная фигура» героини произведения представлена в переводе словарными соответствиями «гуырвидауц гуыр», но в осетиноязычном тексте подобный прямой перевод выражения, как представляется, звучит несколько коряво. Лексическое соответствие второго выражения не вызывает ощущения чужеродности его в языке перевода.

Богато представлены в рассказе Толстого эпитеты, в основе которых не всегда лежит положительная коннотация, «величественная» [23, 546] — «сәрбәрзонд» [24, 64], «преlestные блестящие глаза» [23, 546] — «диссаджы әрттивгә цәстытимә» [24, 64], «добродушная» [23, 546] — «зәрдәхәлар» [24, 65], «сморщенное от страдания лицо» [23, 551] — «зәмарәй әнцъылдтә цәсгом» [24, 70],

«увидал... спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное...» [23, 552] — «ауыдтон, кәй надтой, уымән йә фәсонтә. Уыдон уыдысты куыддәр аенахуыз хъулон, мацъәл, сырх...» [24, 71], «румяное лицо» [23, 551] — «сырхуадул цаггом» [24, 70], «гневный голос» [23, 552] — «масты хъәләс» [24, 71], «сильной рукой» [23, 552] — «тыхджын къухәй» [24, 71], «красная спина татарина» [23, 552] — «тәтәйрадгы сырх-сырхид фәсонтә» [24, 71].

Перевод эпитетов представлен лексическими единицами с соответствующей образностью и структурой. Являясь неотъемлемыми составляющими индивидуального стиля русского писателя, эпитеты и в переводе несут определенную смысловую нагрузку, дают определенную оценку персонажам [26, 118-124]. Строго следуя словарному составу исходного языка, переводчик Бритаев не упускает ни одной образной единицы, в переводе сохранена палитра красок. Перевод некоторых лексем (*царственный вид* [23, 546] (букв. *паддзахон бакаст*) — *паддзахадон бакасты хуызән* [24, 64], *грузная фигура отца* [23, 549] (*йә фыды стәвдтыл арәзт фигурә*) — *уәззау адәймаг* [24, 67]) требовал, как кажется, отхода от словарных соответствий слов оригинала [27, 648, 129] и нахождения эквивалентов по смыслу: *царственный* — адеkv. *бакастджын, ахадгә уынд, сәрыстыр, хъал; грузный* — *стәвдтә арәзт*. В случае перевода прилагательного *грациозная* контек-

стуальный перевод *тасгә-уасгә* помог переводчику достоверно передать заключенный во фразе оригинала смысл. Читаем в исходном тексте: «Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная» [23, 546] — и в переводе: «Фәндзайаздыдәй дәр ма диссаджы рәсугъд уыди, фәлә әрыгон чызгәй, әстдәсаздыдәй, уыдис уәлдай рәсугъд: бәрзонд, хәрзконд, тасгә-уасгә, стәй сәрбәрзонд, әцәг сәрбәрзонд» [24, 64]. Перевод прилагательного *чудесный* (*диссаджы, аләмәттаг, әмбисонды*) как *иттәг хорз* в словосочетании *чудесный бал* [23, 547] (*иттәг хорз кафтизар* [24, 65]) допустим, но не вполне, на наш взгляд, передает его коннотативное значение.

Таким образом, произведение, построенное по принципу антитезы, и в переводе сохранило резкий контраст, описанный Л. Н. Толстым в первой и во второй частях: бал — казнь; герой-рассказчик во время бала — герой-рассказчик после бала; красочный и восторженный образ Вареньки — страшный, измученный образ пленного татарина; аристократичная фигура отца Вареньки во время бала — жестокий диктатор после бала. Переводной труд Бритаева открывает нам стилистические возможности родного языка, его эмоциональную выразительность. А переводческая деятельность С. Бритаева в целом явилась яркой демонстрацией в осетинской литературе лучших традиций русской школы перевода.

Примечание:

1. В первом номере ежемесячного детского печатного органа «Сырх дидинаг» («Красный цветок», декабрь 1936) напечатана в переводе на осетинский язык была Л. Н. Толстого «Бешеная собака», в журнале «Фидиуаг» (№7, 1938) – его же рассказ «Ходынка».

---

1. Бритаева А. Б. Проблема синтеза в сказках С. А. Бритаева // Осетинская литературная сказка: становление и развитие. Владикавказ, 2009. С. 56-83.

2. Бритаева А. Б. Фольклорно-литературный синтез в сказках С. Бритаева // Материалы I историко-филологической школы-семинара молодых ученых «Методика и практика научного исследования». Владикавказ, 2006. С. 240-250.

3. Сабаев С. Б. Очерки русско-осетинских литературных связей. Орджоникидзе, 1982.

4. Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967.

5. Горький А. М. Дед Архип и Ленька. Перевод С. Бритаева // А. М. Горький. Избранные произведения/Сост. З. Х. Тедтоева, Е. Б. Дзапарова. Владикавказ, 2016. С. 166-192.

6. Бритаев С. Переводы на осетинский язык русских советских писателей // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 35 (Литература). Оп. 1. Д. 53.

7. Переводы на осетинский язык, сделанные С. Бритаевым (1949–1959) // НА СОИГСИ. Ф. 35 (Литература). Оп. 1. Д. 53.

8. Ян Дрда. Политик // Мах дуг. 1956. № 1. С. 74-80.

9. Сабо Пал. Праздник Иштвана Тара. Рассказ. Перевод С. Бритаева // Мах дуг (Наша эпоха). 1951. № 5. С. 3-7.

10. Шогениуков А. Весна Сафиат. Повесть // Мах дуг. 1956. № 6. С. 57-66.

11. Бритаев С. А. Некоторые материалы из творческой мастерской // НА СОИГСИ. Ф. 35 (Литература). Оп. 1. Д. 64.

12. Переводы на осетинский язык, сделанные С. Бритаевым (1949) // НА СОИГСИ. Ф. 35 (Литература). Оп. 1. Д. 54.

13. Сокаева Д. В. Бог зверей Афсати в осетинской волшебной сказке // Фольклор народов России // Фольклорные традиции и фольклорно-литературные связи: Межвузовский сборник научных трудов. Уфа, 1993. С. 23-28.

14. Волшебные сказки. В 2-х частях/Сост. Д. В. Сокаева. Владикавказ, 2010. Т. I. (на осет. языке)

15. Волшебные сказки. В 2-х частях/Сост. Д. В. Сокаева. Владикавказ, 2010. Т. II.

16. Бритаев С. Материалы к сказкам // НА СОИГСИ. Ф. 35 (Литература). Оп. 1. Д. 63.

17. Осетинские народные сказки/Сост. С. Бритаев и Г. Калоев. Орджоникидзе, 1960.

18. Дзапарова Е. Б. Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5. С. 65-69.

19. Бритаев С. Неожиданная встреча // НА СОИГСИ. Ф. 34 (Литература). Оп. 1. Д. 31.
20. Бритаев С. А. Как обстоит дело с переводом? // НА СОИГСИ. Ф. 35 (Литература). Оп. 1. Д. 40.
21. Антокольский П. Г. Художественные переводы литератур народов СССР/П. Антокольский, М. Ауэзов, М. Рыльский // Вопросы художественного перевода: Сборник статей. М., 1955. С. 5-45.
22. Бритаев С. — переводчик книги Г. Б. Бутданова «Яблочная тля — враг наших садов» (о качестве перевода) // НА СОИГСИ. Ф. 30 (Литература). Оп. 1. Д. 1.
23. Толстой Л. Н. После бала // Л. Н. Толстой. Повести и рассказы. М., 1986. С. 545-553.
24. Толстой Л. После бала. Перевод С. Бритаева // Л. Толстой. Произведения. Владикавказ, 2008. Ф. 63-72. (на осет. языке)
25. Шикалов С. В. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка [электронный ресурс]. URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/shik-newmark.pdf>
26. Дзанарова Е. Б. К вопросу о передаче эпитетов в художественном переводе (на материале переведенных произведений русской литературы на осетинский язык) // Наука: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2016. С. 118-124.
27. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь. Около 60000 слов и выражений. Владикавказ, 2011.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР С. А. БРИТАЕВА

А. Б. Бритаева

В статье на материале произведений С. А. Бритаева, осетинского писателя, сказочника, переводчика, публициста, исследуются основные тенденции развития осетинской детской литературы середины XX в. как подсистемы осетинской художественной словесности в целом. Дан комплексный анализ авторских сказок писателя, специфика, «особая художественность» которых заключается в их синтетической природе; через призму диалога индивидуально-авторского начала и традиционных сказочных жанрообразующих элементов в различных аспектах (жанровый синтез, система образов, стилистические особенности, авторская позиция) раскрывается художественный мир писателя. С опорой на архивные источники впервые введены в научный оборот произведения малой прозы автора, в том числе ряд неопубликованных рассказов. На основе исследования своеобразия творчества автора прослежены основные тенденции и характерные черты развития осетинской детской литературы указанного периода, как то: синтез фольклорных средств с собственно литературными (описание, детализация действия, психологизм, пластичность изображения), тенденция к переходу от фольклорных типов-обобщений к созданию индивидуализированных характеров; от народно-сказовой формы повествования и традиционных способов передачи коллективной точки зрения на мир к усилению творческого самовыражения, своеобразию проявления авторской позиции.

Ключевые слова: С. Бритаев, осетинская детская литература, осетинский фольклор, литературная сказка, фольклорные традиции, авторская позиция, образная система, художественный мир.

The article studies the main courses of evolution of Ossetic children's literature of the middle of the XXth century as a subsystem of the Ossetic artistic literature in general, namely in the books of S. A. Britaev, the Ossetic writer, storyteller, translator, and publicist. Complex analysis of the author's fairy tales is given, specifics, «especial artistry» of which lies in their synthetic nature; through the prism of the dialogue of the individual author's standpoint and the traditional fairy genre-forming elements in various aspects (genre synthesis system of images, stylistic features, and the author's viewpoint) reveals the artistic world of S. Britaev. The author's short prose works, including a number of unpublished stories, have been introduced into scientific discourse for the first time on the basis of the archival sources. The main tendencies and characteristic features of the development of this period's Ossetic children's literature are traced in researching the originality of the author's works, such as the synthesis of folklore means with literary ones proper (descriptions, action detailing, psychologism, image plasticity), tendency to change from folklore types-generalizations to creation of individualized characters; from the folk-fantastic forms of narration and traditional ways of transferring the collective point of view of the world to the strengthening of creative self-expression, the originality of the author's positions.

Keywords: S. Britaev, Ossetic children's literature, Ossetic folklore, literary fairy tale, folklore traditions, author's position, imaging system, artistic world.

Осетинская литература берет свои истоки из фольклора, самобытной истории народа, национальной духовной культуры и имеет свой неповторимый колорит. Детская литература рас-

сматривается исследователями как подсистема художественной словесности в целом, в контексте общих тенденций ее развития. «Всестороннее изучение этой подсистемы, — пишет исследо-

ватель татарской детской литературы Л. И. Мингазова, — делает необходимым обращение не только к вершинным произведениям, но и к творчеству малоизвестных авторов, произведения которых до настоящего момента оставались вне поля зрения исследователей. Одной из задач современного литературоведения является определение новых подходов к феномену детской литературы». [1, 6]. Об актуальности серьезного и всестороннего изучения творчества для детей, оказывающего неопределимое влияние на формирование основ нравственной и эстетической культуры человека, пишет и И. В. Мамиева в монографии, посвященной классику осетинской литературы К. Дзесову, автору замечательных произведений, адресованных в том числе и подрастающему поколению [2, 162].

Видной фигурой в пространстве осетинской детской литературы является Созырыко Аузбиевич Бритаев (1892-1961) — писатель, переводчик, публицист и ученый. Его творчество, ввиду разносторонних интересов автора, — сложный и многогранный объект научного изучения. Необходимость обращения к личности С. А. Бритаева, которому в 2017 г. исполняется 125 лет, обусловлена, разумеется, не только юбилейной датой, а в первую очередь недостаточной разработанностью и изученностью его художественного наследия как неотъемлемой части осетинской детской литературы.

Мы не претендуем в данной статье на всестороннее освещение творчества писателя, хотя оно и представляет несомненный интерес; остановимся лишь на анализе литературных произведений, написанных для детей. С. Бритаев известен прежде всего как писатель-сказочник. Он всю жизнь посвятил собиранию сказок и сам владел волшебным

искусством сказочника. Сказки его были широко востребованы и неоднократно печатались на страницах периодических изданий, а также выходили отдельными книгами на осетинском, русском, грузинском, украинском языках во Владикавказе (в те годы — Орджоникидзе), Москве, Ленинграде, Киеве и других городах бывшего СССР.

«Сказка — произведение малой формы, но “плотность” ее смысловой нагрузки чрезвычайно велика: она вмещает в себя и этические критерии, и эстетические представления, и критику сущего, и полет мечты, устремленной недостижимое будущее. Именно эта огромная “емкость” жанра и стяжала сказке внимание писателей всех времен и народов, видевших неограниченные возможности сказки в формировании сознания человека», — писал литературовед Д. Д. Нагишкин [3, 148].

Невозможно переоценить роль фольклора в формировании художественной литературы. Произведения сказочного эпоса являются неотъемлемой частью богатейшей сокровищницы духовных ценностей, созданных осетинским народом, дошедших до нас с незапамятных времен и не потерявших эстетического, художественного и познавательного значения.

Опыт мировой литературы изобилует примерами, когда авторский вымысел, изложенный в традиционной фольклорной манере, приводил к созданию долговечных, принимаемых народом, сказок. Литературная сказка, возникшая на основе народного творчества, наделяется новыми эстетическими качествами и излагается в более совершенной художественной форме.

Если придерживаться предложенной Д. Нагишкиным классификации (исследователь предлагает расположить сказки по степени близости их к исход-

ному материалу, к народному сюжету: пересказ народного произведения, литературная обработка народных сказок, сказка по фольклорным мотивам и собственно сказка авторская, основанная на законах жанра и не обращающаяся к народной традиции) [3, 30], то мы встретим у С. Бритаева и пересказ («Как мышь своему сыну невесту искала», «Козы Габия», «Чудесный пояс»), и литературную обработку («Волк, свинья и ворона», «Юноша Цард», «Красавица башни Большого Утеса», «Соловей горной долины», «Хан и бедняк», «Запоздалый», «Близнецы», «Мышиное ухо» («Алдары фырт Мыстыхъусы аргъау»), и сказки, написанные по фольклорным мотивам («Дзег сын Дзег»).

Работая по фольклорным мотивам, Бритаев сообщает новое значение народным сюжетам, новую жизнь — образам, зародившимся когда-то в художественном сознании народа. Намек, заложенный в изустном произведении, он превращает в картину, деталь обстановки, действия, развивает в самостоятельный образ, пленяющий воображение читателей. Произведения Бритаева не тяготеют к крайней лаконичности, подобно народным, не избегают описаний быта, человеческих чувств. Это обогащает повествование, насыщает его элементами насмешки и юмора, побуждает юного читателя к более глубокому осмыслению лиц и событий; учит понимать и ценить лукавое словцо, скрытый смех.

Бритаев не только использовал отдельные фольклорные сюжеты, зачастую прибегал он к контаминции мотивов, образов, деталей народных сказок. Например, работая над сказкой «Запоздалый», писатель не изменил даже имени главного героя, но, в отличие от народной сказки, в ней появляются новые образы: Ласточка и Добрый Дух

гор (*Хахты Фарн*). По мнению Б. Г. Мисиковой, «эти два образа усиливают смысловую нагрузку сказки» [4, 122]. Семеро сыновей вдовы не вернулись домой. Сильно горевала бедная женщина. Тогда Добрый Дух гор решил ей помочь и послал к ней ласточку: «лети, — говорит он ласточке, — на землю, спроси вдову: хочет она, чтобы я дал ей семерых сыновей, какие были, или же одного — отважного, храброго, как все семеро вместе взятые?» Женщина сделала свой выбор: лучше меньше, да лучше, как гласит народная мудрость. Храбрый, мужественный человек, по мнению автора, стоит семерых.

Сказки по фольклорным мотивам заметно отличаются от литературных обработок, автор обладает в них большей творческой свободой. Нагишкин писал: «...Свободы автора в сказках подобного рода не может умерить ничто, кроме народной традиции. Но если идеологические и эстетические взгляды художника народной традиции не противоречат, а с нею совпадают, то практически он безгранично свободен в своих дерзаниях, поисках, замыслах, сюжетах и разработке образов» [3, 36]. В этом случае все неистощимое богатство сказки, накопленное народом, становится для писателя надежным строительным материалом для создания собственного сказочного мира, и то, что создано народом, не только не стесняет автора, но является опорой, базой, фундаментом его произведений.

Подтверждением сказанному служит самая известная сказка Бритаева «Дзег сын Дзег» [5, 161]. Автор писал, что в ней он «использовал лишь имена из народных сказок» [6, 5]. Это не совсем так. Ранее мы уже отмечали, что «сюжет данного произведения контаминирован, в нем мы обнаруживаем множество известных фольклорных

мотивов, архетипических констант и пр., но это несколько не умаляет заслуг сочинителя» [7, 64].

В подзаголовке коротко изложен сюжет: «сказка о том, как отважный Дзег, сын старого Дзеха, отправился в дремучий лес, женился на дочери золотого Солнца, убил царя чертей Балгура и открыл ход из страны ночи в страну солнца». Сказка-повесть поделена на главы, из названий которых становится ясной общая сюжетная канва. Что объединяет ее с фольклором и в чем ее индивидуальность?

Одного перечисления встречающихся в сказке народных мотивов достаточно, чтобы проследить несомненную и прочную связь ее с устным народным творчеством. Начнем с *мотива «молельного сына»*. У старого Дзеха и жены его Азау нет детей, и они часто молятся Богу, чтобы он дал им «хоть одного черноглазого сына, хоть одну сероглазую дочь»; небеса долго не внимают их мольбам, но вот, наконец, родила Азау сына (гл. I и II). Следующий — *мотив «богатырского детства»*. Как и многие герои народных сказок, Дзег рос очень быстро: «за день на палец вырастал, а за ночь — на пядь».

В фольклоре также известен *мотив, когда отец возвращается с охоты и не знает о рождении сына*. Увидев в доме незнакомого человека и испугавшись, что это нечистая сила, охотник хочет убить его, но жена объясняет ему чудесное появление сына.

На *мотиве дележа наследства* строится глава «Как Дзег сын Дзеха решил спор трех чертей». Дзег встречает трех чертей, которые никак не могут поделить доставшиеся им в наследство шапку-невидимку, шкуру тура и войлочную волшебную плетель. Перехитрив чертей, герой завладевает волшебными предметами. Сюжет «Обманутых ле-

ших» (а в нашем случае чертей) широко известен и в международном сказочном репертуаре.

Следующий известный мотив, заимствованный автором из цикла Ацамаза в «Нартском эпосе», — *мотив волшебной свирели*. Дзег с помощью волшебной свирели, подаренной ему покровителем зверей Афсати, смог собрать выкуп за невесту.

Мотив переправы в иной мир. Герой в поисках похищенной жены спускается в подземелье. Его названные братья Тох и Атох из зависти решают погубить Дзеха и обрезают веревки, на которых спускали его в подземелье.

Чудесное посещение героем подземного царства — один из самых древних и распространенных мотивов в фольклоре народов мира, в том числе осетинском. Это — очень важный композиционный элемент сказки. В работе «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп весьма подробно рассматривает случаи перемещения в иное царство, в иной мир, считая, что «переправа есть подчеркнутый, выпуклый, чрезвычайно яркий момент странственного передвижения героя» [8, 184]. Ученый приводит несколько способов этого действия. Один из них мы видим в исследуемой сказке: Дзеха спускают в подземелье его спутники Тох и Атох. Как отмечает Пропп, «механические средства переправы (лестницы, ремни, веревки, цепи, крюки и т.д.) представляют собой деформацию более ранних представлений. Данная форма переправы, точно так же, как и предыдущие, указывает на то, что здесь отражены представления о переправе в иной мир» [8, 195].

В сказке «Дзег сын Дзеха» весьма наглядно прослеживается влияние мифа, ведь посещение героем, связанным с Солнцем (он — его зять), нижнего (за-

гробного) мира — мотив мифологический. По понятиям древних людей, вселенная делится на три уровня: небесное пространство, земное и подземное. Представление о «трех мирах» встречается у многих народов: у древних греков, римлян, германцев и др. Все эти миры тесно взаимосвязаны. Земной житель Дзег побывал в верхнем мире — в гостях у Солнца, а затем в поисках жены, дочери Солнца, спускается в нижний мир — в подземелье. Анализируя образ дочери Солнца в космологической структуре осетинской «Нартиады», М. В. Дарчиева пишет: «Чтобы жениться на дочери Солнца, героям (в эпосе это чаще Батраз либо Сослан) приходится преодолевать различные преграды, справляясь с нереальными препятствиями» [9, 152-153]. Параллели с Нартовским эпосом вполне уместны и в нашем случае, однако испытания Дзэга, героя сказки Бритаева, после женитьбы не закончились. Ему предстояло отвоевать свою жену у правителя подземного царства Балгура.

Осетинской волшебной сказке, как, впрочем, и волшебным сказкам многих народов мира, свойственна **совокупность действий персонажей**. Чаще всего в сказке действуют три брата. Как правило, младший брат исполняет то, что не удастся сделать двум старшим. В нашем случае Дзег убил клыкастую старуху, которая съедала их ужин. Тогда братья, посчитав себя опозоренными, решают погубить героя.

Мотив Кащеевой смерти перекликается со смертью царя подземной страны Балгура: три вороны помещаются в сундуке, сундук — в утке, утка — в ястребе, ястреб — в гусе, гусь — в брюхе огромного кабана.

Мотив нарушения запрета. Во всех своих поступках и деяниях молодой охотник благороден и справедлив.

Но он человек, а поэтому не застрахован от ошибок. Впервые попав в дом старого волшебника, друга отца, он нарушает запрет: прячет два бараньих ребра (чтобы взять их с собой в дорогу), ту же ошибку он совершает в доме кривого Афсати.

Таким образом, герой не выдерживает испытания — не прислушивается к слову старшего, то есть нарушает определенные нравственные нормы. Но он находит в себе силы признать ошибки, просит прощения у старших заслушание. Так сказка Бритаева ненавязчиво морализирует, учит основам горского этикета.

Из народного творчества взяты многие мифологические образы этой сказки: **кьулбадаг ус**, у которой один клык до неба, а другой — до самого подземелья, **Кривой Афсати**, **девушки-птицы**, оказавшиеся дочерьми Солнца.

Афсати (Фсати), покровитель рогатых зверей, занимает почетное место в осетинском пантеоне и в мифологии почти всех кавказских народов. Происхождение этого божества относят к эпохе кобанской культуры (I тыс. до н.э.) [10, 374]. Данный образ подробно анализируется в работах З. М. Салагаевой [11, 86-92; 12, 44-49], Д. В. Сокаевой [13, 23-27], рассмотревшей также и образ дочери Солнца как «прецедент борьбы существ верхнего и нижнего миров» (а именно это мы наблюдаем в сказке «Дзег сын Дзэга») [14].

В волшебных сказках с древней основой вымысла, на материале каковой и написана сказка «Дзег сын Дзэга», явления природы объяснялись своеобразно. Увидев Дзэга в своем доме, дочери Солнца от радости то смеялись, то плакали: «...заплачут сестры, и небо покроется тучами, льет дождь. Засмеются сестры, и небо прояснится, и золотые лучи Солнца рассыпаются по всей зем-

ле» [5, 178]. Позже, после свадьбы, Дзег и дочь Солнца Зарина отправились с небес на землю. Мать Зарины напутствует их: «Три дня и три ночи будет лить дождь. То не простой дождь будет лить, а слезы мои и сестер Зарины. Потом дождь перестанет лить, потому что иссякнут наши слезы» [5, 187].

Подобное описание природных явлений встречается и в осетинской народной сказке «Матара сын Даууая»:

«А тем временем пошел такой проливной дождь, про который обычно говорят, что небо и земля колотят друг друга. Матара спрашивает:

— Что это за необыкновенный проливной дождь? Это удивительно!

И они ему объяснили:

— Каждый год руймон (дракон) поедает птенцов нашей матери, и наша мать, возвращаясь к себе, плачет. Она думает, что руймон опять сожрал ее птенцов. Этот проливной дождь — ее слезы.

Через некоторое время выглянуло такое палящее солнце, что у паршивоголового парша на голове лопалась волдырями.

— Что это за диво? Никогда не видел такого палящего солнца! — спрашивает Матара у птенцов орлицы.

— Наша мать узнала, что мы живы, — ответили они, — и для нее озарился весь мир» [15, 256].

Во всех подобных сказках волшебный вымысел вобрал в себя всю сложную систему мифологических представлений и понятий различных народов. «Сказочники искали объяснение явлениям природы, которые они по всем правилам мифологического мышления представляли в виде разных фантастических существ» [16, 72].

Таким образом, сюжеты произведений писателя — народные, композиции же и их разработка — авторские.

Наряду с фольклорными средствами обрисовки образов Бритаевым использованы и собственно литературные (описания, детализация действия, психологизм, пластичность изображения). Обнаруживается тенденция к созданию характеров вместо фольклорных типов-обобщений. Автор принял народно-сказочную форму повествования, но усилил проявление личного отношения повествователя к персонажам, «он вкладывает в старые известные формы, прижившиеся в народе, новое содержание, в привычные образы — новую душу. Переосмысливает и сюжеты, и замыслы, дополняя, развивая, обогащая их тем новым, что ему подсказывала современность» [16, 69]. Именно авторской позицией обусловлены соотношение фольклорного и индивидуального начал, синтез реального и фантастического в сказке, композиция, особенности системы образов, пространственно-временная организация, речевые характеристики, своеобычность стиля.

Любая авторская сказка, безусловно, отражает нравственные нормы, социально-политические проблемы и пристрастия того времени, в котором она создана, а также своеобразие творческой личности автора. Красной линией через большинство сказок Бритаева проходят идеи социальной справедливости, борьбы за свободу. Главная и основная цель героя сказки «Дзег сын Дзегга» — борьба за счастье: личное и общественное. Борьбе этой местами присущи мифические черты.

Как было сказано выше, действие происходит в трех сферах мироустройства: на земле, над землей (в небесах) и под землей (в преисподней). Но, несмотря на подобного рода пространственные параметры, сюжет сказки разворачивается на основе показа реальных взаимоотношений между людьми

ми. Характер Дзегга раскрывается в его действиях, в борьбе с врагами. В образе народа, рабов Балгура, в отношении к разворачивающимся в сказке событиям ясно сказывается социальная сущность жанра.

Дзегг показан как поборник справедливости и борьбы во имя будущей счастливой жизни. Он не останавливается перед трудностями, идет на самопожертвование, хочет «убить злого насильника Балгура, освободить дочь Солнца и весь бедный народ, чтобы навсегда открыть ход из страны ночи в страну света» [5, 202]. То есть в мифологическом плане персонаж выступает как культурный герой, добывающий для людей огонь.

Как и фольклорный герой, персонаж сказки Созырыко Бритаева не всесилен, он не может самостоятельно решить все проблемы, которые одна за другой встают перед ним. Поэтому для достижения своих целей Дзегг прибегает к помощи волшебных предметов, помощников или магических сил: в дороге его опекает старый волшебник — друг отца; калым он добывает благодаря Афсати — покровителя благородных рогатых животных; передвигается на чудесной колеснице-самокате, подаренной ему Солнцем; неоценимую помощь оказывают герою и волшебные вещи, отобранные у чертей: шапка-невидимка, летающая туляшка и войлочная плеть, исполняющая любое желание.

Спустившись в подземное царство, Дзегг узнает, что «царь чертей Балгур много-много сокровищ упрятал от людей глубоко под землей». Описывая подземную страну, ее повелителя, писатель не поспешил на темные краски. Даже солнце здесь не такое, как в верхнем мире, — оно «светит синим светом, а ничуть не греет». Народ изнурен тяжелой работой. Богата страна Балгура,

но, как говорит один из ее жителей, «счастья в ней нет никому, кроме самого Балгура и его чертей» [5, 203].

Неослабно стережет Балгур сокровища земли, «сам не трогает их, только копит и людям не дает». Что же это за сокровища? Путешествуя по подземной стране, Дзегг увидел ручейки, реки, озера и море. И не вода в них была, а «нефть черная плескалась». Встали на его пути горы. «Одни горы были белые, как снег, другие блестели, как вода под солнцем». Есть горы, черные, как уголь, и черным блеском отсвечивают. Есть горы красные, желтые, зеленые» [5, 201]. Позже Дзегг узнал, горы эти состояли: одни из каменного угля, другие же — цинковые, медные, железные. В царстве Балгура Дзегг увидел, как рабы — черные худые люди — собирают жемчуг, промывают золотой песок и складывают в целые горы, как отделяют свинец, цинк, серебро от пустой породы. Дзегг мечтает открыть ход в подземную страну, показать людям, какие богатства скрываются в недрах земли, и научить их пользоваться ими. Персонаж сказки Бритаева преображает царство мрака, заполняя его светом и стирая границы миров. Он выступает как культурный герой.

Особого внимания заслуживает сказка Бритаева «Сын бедняка и злой алдар» [5, 85]. Сказки подобного рода появились вместе с возникновением классового общества и воцарившегося в нем в силу социального расслоения неравноправия. Они отражали картину эксплуатации одних другими, безоговорочно становясь на сторону угнетенного, на защиту обездоленного; давали точную характеристику взаимоотношений между рабом и господином, между холопом и баринном, работником и хозяином, богатым и бедным.

В сказке «Сын бедняка и злой алдар» наиболее четко и ярко прослеживается

идеологический момент. Бритаев отобразил здесь мотивы классовой борьбы, показал тяжелую жизнь бедного народа. Персонажи этой сказки — бедняк Царгас, его жена Хорон, их сын Рухсар, злой алдар, Горе, небесный кузнец Курдалагон — несут в себе все характерные черты реальности, но в видоизменениях, подсказываемых жанром.

У бедного горца по имени Царгас были жена и семеро сыновей. Сыновья подросли и, как могли, помогали родителям. Но вот появился злой алдар: «Эй ты, горская собака! Живешь на моей земле, пьешь мою воду, моим воздухом дышишь, а не думаешь, собака, о том, что за все это самим Аллахом платить положено!» [5, 85]. Здесь автор отразил идеологию феодального строя, когда господствовавший класс обосновывает свое привилегированное положение Божьей волей.

Поскольку платить бедняку нечем, алдар поочередно забирает в рабство шестерых сыновей старика. На седьмой год, не прельстившись хилым видом Рухсара, младшего из братьев, алдар отбирает землю — кормилицу семьи, затем — корову, а в конце и вовсе выгоняет семью из родного дома. Стали они жить в темной пещере, но и там не чувствовали себя в безопасности. И решил тогда Царгас увести сына подальше от этих мест, отдать кому-нибудь в батраки, чтобы уберечь от алдара и голодной смерти. Старая Хорон осталась в пещере одна в надежде, что алдар ее не тронет, ведь по обычаю горцев обидеть женщину считалось большим позором.

Отец с сыном тронулись в путь. Остановились они отдохнуть в чистом поле возле высокого кургана. Присел старик и только промолвил слова: «Ох, горе мне, горе!», как пред ним предстал древний старик с белой длинной бородой. Так в сказке появляется новый об-

раз — Горе, отсылающий нас к сюжету народной сказки «Ох-ох и сын бедняка» [15, 241]. Но в отличие от злого волшебника Ох-Ох, созданного народной фантазией, образ Горя у Бритаева кардинально переосмыслен. Традиционным был бы образ черного Горя. По нашему мнению, автор, рисуя Горе стариком с белой бородой, хотел подчеркнуть его возраст. В самом деле, этот персонаж не мог быть молодым, ведь горю народному нет конца, сотни лет люди труда изнывали под властью угнетающих их алдаров. Идеологическая окраска этого образа прозрачна, можно сказать, лежит на поверхности.

В сказках Бритаева есть все, что характерно для народного произведения, в то же время в них отражена индивидуальная авторская манера и, что важнее всего, оригинальное, свое видение материала. Это позволяет через выдумку, волшебство выразить суть этических и эстетических представлений народа.

Горе оставляет у себя Рухсара, но с совершенно с иной целью, нежели его фольклорный прототип. Волшебник взялся обучать мальчика своему колдовскому ремеслу, чтобы тот смог одолеть злого алдара.

Провел он Царгаса и Рухсара в свои подземные владения, а там «отовсюду плач, причитания, стоны слышны». Испугались отец и сын, но Горе сказал им: «Не бойтесь! Это не здесь, а далеко отсюда, по всей земле плачут, стонут, причитают бедные люди. Это у них отсекают руки и головы, это в них пускают каленые стрелы, это их бьют плетями жестокие алдары» [5, 88]. Старик показал своим гостям в небесное зеркало, что алдар и в пещере не оставил в покое бедную Хорон. Прислужники алдара, презрев обычаи горцев, за волосы выволокли несчастную женщину из пещеры.

Через год Царгас вернулся за своим сыном, и что же он увидел? «Под курганом коридоров стало больше. И подумал он: «О горе людское, до каких же пределов ты будешь расти?» Рухсар вырос, возмужал, отец даже не узнал его сразу. А когда узнал, хотел обнять, но суровые обычаи дедов сдержали его порыв...» Так в сказочном действии отражены национальные образы мира, горский этикет.

Рухсар решил расправиться со злым алдаром. Взял с собой верных друзей и отправился к Горю за советом. Горе похвалил его: «Хорошо, что не один ты идешь. Один человек камень с места не сдвинет, а семеро горы перевернут. Удача и счастье ждут тебя и твоих друзей. Но долгов и труден будет ваш путь». Небесный кузнец Курдалагон выковал им оружие, и вышли они на борьбу с угнетателями. Справедливость одержала верх. «Да благословит тебя небо, Рухсар, за то, что ты освободил народ от злого алдара! Но помни, что далеко-далеко, за горами и морями немало таких алдаров — злых и жадных. И горе народное не уместить ни под какими курганами. Я стар уж стал, и смерть давно меня ждет. Оставайся тут вместо меня, смотри в небесное зеркало и облегчай горе народное. Ведь недаром тебя зовут Рухсар, что значит “тот, кто находит свет”. Так неси же в народ свет разума и правды!» — напутствует старик своего воспитанника [5, 97].

Литературная сказка — это многовариантный жанр художественного словотворчества, произведение с фантастическим сюжетом, оригинальной авторской концепцией, основанное на синтезе фольклорных и литературных традиций и преследующее этическое-эстетические цели. Сказка Бритаева, воссоздавая реальные события и факты жизни, дает читателю обобщение в форме,

свойственной жанру. При этом она часто гиперболизирует черты реальных лиц, события, осложняя их моментом волшебства (курган, небесное зеркало), вводя в действие необыкновенных персонажей (Горе, небесный кузнец Курдалагон), обладающих чудесной силой.

Если сказки Бритаева знакомы широкому кругу читателей и входят в сокровищницу осетинской литературы, то рассказы его малоизвестны. Часть из них публиковалась в периодической печати в 1940-1950-х гг. (журналы «Мах дуг», «Фидиуаг», «Пионер»), а другие и вовсе не были изданы.

На детскую литературу возложена большая ответственность. Идеальное произведение, адресованное детям — это произведение, в котором реализованы все четыре функции детской литературы: развлекательная, воспитательная, познавательная и эстетическая. Как пишет профессор О.Ю. Трыкова, «одной из важнейших функций детской литературы является функция развлекательная. Без нее немислимы и все остальные: не заинтересовав ребенка, нельзя его ни развивать, ни воспитывать и т.д.» [17, 183]. И это справедливо.

Если вернемся к предмету нашего исследования — творчеству С. Бритаева, то здесь не все однозначно. Не все его произведения наделены необходимыми качествами: в рассказах «Кому труднее?» («Зындар кæмæн у?») [18] и «Габо и Тебо» («Габо æмæ Тебо») [19], например, сюжет откровенно растянут, и ребенок наверняка уже на второй странице потеряет интерес к описываемым событиям; кроме того они излишне дидактичны, хотя и поднимают важную тему труда. Этой же теме посвящено и другое произведение писателя — «Бодз и Бодзол», но и оно ничего не дает ни уму, ни сердцу юного читателя (разве что знание того, как правильно пасти

овец в горах) [20]; трудным для детского восприятия, на наш взгляд, является и рассказ «Вепрь» («Хъæддаг хуы») [21].

Известный педагог А.С. Макаренко писал: «Нет такой (даже самой сложной и глубокой!) проблемы, нет такого события, которые могли бы быть непонятны ребенку. Но вот найти ту особую форму повествования, которая сделала бы эти большие проблемы и события понятными маленькому (в смысле возраста!) человеку, — задача нелегкая. Владение такой формой и есть талант детского писателя» [22, 97]. Не во всех своих произведениях С. А. Бритаеву удалось выполнить эту «нелегкую задачу». Однако нужно сказать, что в большинстве случаев произведения автора соответствуют требованиям, предъявляемым к детской литературе: наделены занимательным сюжетом, ребенок в них почерпнет новые для себя знания, и, конечно же, они воспитывают в юном читателе лучшие человеческие качества: любовь к природе, к труду, учат его быть внимательным к окружающим людям, быть уважительным к старшим, учат любознательности, аналитическому осмыслению мира.

Сам автор называет эти произведения сказками, но это скорее рассказы с элементами антропоморфизма, назовем их рассказы-сказки (данный «синтезный» жанр получил впоследствии успешное развитие в творчестве, например, В. Гаглоева, Г. Чеджемова, М. Дзасохова [7, 128]).

Рассказы-сказки «Мышонок и Котенок» («Мыст æмæ Гино») [19], «Враги» («Знагтæ») [23, 29], «Кути» [24, 23] адресованы детям младшего и среднего школьного возраста. Их герои — дети и взрослые, домашние животные и дикие звери, птицы и насекомые. Одни из них опираются на фольклорные традиции («Враги»), другие являются продуктом

исключительно авторской фантазии («Кути», «Мышонок и Котенок» и др.). Удачное сочетание занимательного, познавательного и художественного аспектов в этих произведениях писателя отвечает специфике детского восприятия и служит важной цели — воспитанию подрастающего поколения, чуткого и сопереживающего, отзывчивого и ответственного.

Ряд произведений С. Бритаева привлекает к себе внимание не только интересным, занимательным сюжетом, но и познавательностью, знаниями о природе, о жизни, которыми писатель обогащает своих читателей. Как отмечалось выше, познавательность — необходимое качество детской литературы. Рассказы-сказки «Язык муравьев» («Мæлдзыхыты æвзаг») [25], «Крысы-яйцееды» («Айкхор уырытæ») [26] расширяют представление юных читателей об окружающей их действительности, о природе. Привычная и любимая маленькими читателями форма сказки, а в данном случае — рассказ-сказки, позволила писателю емко, доходчиво, ненавязчиво ввести ребенка в мир знаний, вызвать и поддержать в нем интерес к познавательному материалу произведения.

Г. Гроденский, анализирувавший творчество В. Бианки, отмечал, что, несмотря на сложность сочетания научного материала с «антинаучным» антропоморфизмом, писатель весьма успешно применяет этот прием, присущий народной сказке. «Антропоморфизм в научной сказке (как в любой народной сказке) — это художественный литературный прием. Если он не извращает сущности биологического явления, не разрушает научной точности познавательного материала сказки, он закономерен и оправдан», — пишет исследователь [27].

Из неприязнительной на первый взгляд истории («Язык муравьев») читатель почерпнет много интересного: познакомится с жизнью муравьев, с тем, как можно использовать в своих целях знание того, чем питаются эти насекомые, что любят, как защищают себя и пр. Так же обстоит дело с рассказом о крысах, любящих полакомиться яйцами («Крысы-яйцееды»). Рассказы-сказки учат быть внимательным, зорким к окружающему нас миру.

В основе этих произведений писателя лежат натуралистические сведения, но при всем этом материал художественно осмыслен, освещен поэтическим светом. Повествуя, казалось бы, об обычной сценке из жизни природы, автор переводит внимание читателя на этические, нравственные проблемы. Когда-то В. Бианки цитировал М. Пришвина, который признавался, что «писать может только о том, что сам увидел, своими глазами, чему удивился». Настоящий художник (поэт) подобен малому ребенку. Он заново для себя открывает мир, в котором для него нет ничего «хорошо известного, а все ново, все загадочно, все чудесно и удивительно...» [28, 318]

Среди рассказов Бритаева особняком стоит один — «Дас туманы денуска хъуаг» («Сто рублей без одной денежки») [29]. Чем же примечателен этот рассказ? Писатель представляет нашему вниманию простую на первый взгляд историю из жизни сельского мальчишки, который взял чужое... украл... Рассказ глубоко психологичен, в нем раскрывается внутренний мир ребенка, попавшего в щекотливую ситуацию. Старая одинокая женщина жила у подножия башни, в глинобитной, темной сакле. Соседский мальчик Солтан часто помогал ей по дому: нарубить дров, прибраться во дворе... Вот и в этот раз

старушка попросила его принести от соседки угольки, чтобы разжечь огонь в очаге. В качестве вознаграждения она пообещала ему кусочек сахара. Поручение было выполнено, сахар съеден. Но мысли ребенка все время возвращались к заветной коробочке, которую старушка спрятала обратно в сундук — ему казалось, что сахара там видимо-невидимо. Улучив момент, когда старушка была у соседки, Солтан попросил у нее ключи от дома, сказав, что хочет нарубить ей дров про запас. Прибежав в саклю, он тут же забыл про дрова и кинулся открывать сундук, но, не найдя в коробочке сахара, был очень разочарован. Тогда мальчик решил взять найденные там золотые монеты. Взял поиграть... Все же лучше, чем ничего!

По возвращении домой Солтан сразу же пожалел о своем проступке. Автор живописует душевные терзания ребенка, которого мучают угрызения совести, но он не знает, как исправить свою ошибку. Несколько дней мальчик не мог ни есть, ни спать, а когда засыпал, снилось, как его забирают в тюрьму... Монеты жгут ему руки, он пытается избавиться от них: купить на них альки у соседских мальчишек, одну монету дарит соседской девочке. Вскоре весть о краже денег облетела все село. Оказалось, монеты дороги старушке как память о безвременно умершем ее сыне. И она очень расстроена тем, что воры не погнушались украсть единственную память о сыне. Совесть мальчика не вынесла тяжести постыдной тайны, и он во всем сознался матери; вняв ее уговорам, ребенок вернул украденное, сказав, что все деньги в целости и сохранности, не хватает лишь одной «денежки», той, которую он подарил соседской девочке Аминат. С тех пор за мальчишкой закрепилось прозвище «Сто рублей без одной денежки»... Прошли

годы. Солтан стал известным в республике человеком, но прозвище это нет-нет да всплывало в памяти знавших его с детства людей.

Каждое произведение автора дает уникальную картину мира. Писатель рассказывает о насущных, актуальных проблемах современной ему действительности. Он утверждает, что Добро и Зло противостоят не только в жизни, но даже в душе отдельно взятого человека, ведь человек — это огромный мир со своими сокровенными тайнами, драматическим осознанием ошибок и прощелков, мучительными поисками исти-

ны и счастьем неожиданных открытий. Произведения С. Бритаева наследовали то существенное, значимое, что было выработано фольклором. Нравственные ценности и художественные достижения народа пропущены в них сквозь призму индивидуально-личностного восприятия; проявление оригинального авторского таланта способствует в свою очередь приращению новых смыслов, неожиданных и свежих решений в осмыслении фольклорных идей, мотивов, образов и сюжетных ситуаций и, конечно же, создает неповторимый стилистический рисунок.

-
1. Мингазова Л. И. Своеобразие и тенденции развития татарской детской литературы XX века: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2011.
  2. Мамиева И. В. Кудзаг Дзесов: Очерк творчества. Владикавказ, 1990.
  3. Нагишкин Д. Д. Сказка и жизнь: Письма о сказке. М., 1957.
  4. Мисикова Б. Г. Осетинская литературная сказка. // Осетинская филология: Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе, 1984. С. 119-127.
  5. Бритаев С. Сказки. Владикавказ, 1995.
  6. Бритаев С. Волшебная папаха. Орджоникидзе, 1974.
  7. Бритаева А. Б. Осетинская литературная сказка: становление и развитие. Владикавказ, 2009.
  8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
  9. Дарчиева М. В. Хуры чызг (дочь Солнца) в космологической структуре нартовского эпоса осетин // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки. Владикавказ, 2012. Ч. 2. С. 152-155.
  10. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
  11. Салагаева З. М. Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. Орджоникидзе, 1959.
  12. Салагаева З. М. От Нузальской надписи к роману. Орджоникидзе, 1984.
  13. Сокаева Д. В. Бог зверей Афсати в осетинской волшебной сказке // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1993. С. 23-27.
  14. Сокаева Д. В. Сюжет волшебной сказки. Владикавказ, 2004. 26 с.
  15. Осетинские народные сказки, М.: Наука, 1973.
  16. Ганиева А. М. Типология волшебных сказок народов Дагестана и Северного Кавказа // Жанр сказки в фольклоре народов Дагестана: Сборник статей. Махачкала, 1987. С. 69-82.

17. Трыкова О. Ю. Феномен бестселлера в детской литературе // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. I. Гуманитарные науки. № 1. С. 183-185.
18. Брытџиаты С. Зындӕр кӕмӕн у // Мах дуг. 1960. № 8-9. С. 154-157. (на осет. яз.)
19. Брытџиаты С. Габо ӕмӕ Тебо // Мах дуг. 1960. № 2. С. 26-30. (на осет. яз.)
20. Брытџиаты С. Дыууӕ аргъауы // Мах дуг. 1958. № 12. С. 51-62. (на осет. яз.)
21. Брытџиаты С. Хъӕддаг хуы (Ӕцӕг чи ӕрцыд, ахӕм таурӕгъ сывӕллӕттӕн) // Мах дуг. 1945. № 6. С. 30-36. (на осет. яз.)
22. Макаренко А. С. Избранные педагогические сочинения. В 4-х кн. М., 1949. Кн. 4. 590 с.
23. Брытџиаты С. Знӕгтӕ // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 35. Оп. I. Д. 29. (на осет. яз.)
24. Брытџиаты С. Кути // НА СОИГСИ. Ф. 35. Оп. I. Д. 29. (на осет. яз.)
25. Брытџиаты С. Мӕлдзыджыты ӕвзаг // Мах дуг. 1960. № 7. С. 45-51. (на осет. яз.)
26. Брытџиаты С. Айкхор уырытӕ // Мах дуг. 1983. № 4. С. 53-55. (на осет. яз.)
27. Гроденский Г. Виталий Бианки. М., 1954.
28. Жизнь и творчество В. Бианки (Статьи, воспоминания, публикации, письма). Л., 1967.
29. Брытџиаты С. «Дӕс туманы денуска хъуаг» // Мах дуг. 1940. № 4-5. С. 37-41. (на осет. яз.)

СОВРЕМЕННАЯ ОСЕТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

И. В. Мамиева

В статье представлен обзор осетинской поэзии перестроечных лет (1985-1991 гг.) и постсоветского периода (1992-2000-е гг.). В ней в общих чертах воспроизводится специфичность состояния художественного сознания осетин в границах вышеозначенных хронологических срезов. Делается попытка на фоне радикальных политико-экономических преобразований, духовно-ценностных сдвигов в обществе проследить эстетико-смысловую иерархию поэзии указанных лет, обрисовать неоднозначную атмосферу идеологических размежеваний в литературной среде. Наряду с проблемно-тематическими приоритетами и узловыми тенденциями творчества уже состоявшихся мастеров слова особое внимание уделяется пространству поэтического мира, формируемого новой генерацией стихотворцев. Не претендуя на исчерпывающую полноту, автор показывает абрисы поэтов, чьи творческие дебюты в основном пришлись на постперестроечное время, а потому несут в себе элементы несколько иного восприятия жизни и своего места в ней, демонстрируют свою логику «притяжения-отталкивания» при соприкосновении с национальной традицией и с опытом мировых духовно-ментальных практик. Статья предназначена для специалистов по осетинской филологии, а также широкого круга читателей, интересующихся поэтической картой Осетии.

Ключевые слова: осетинская поэзия, хронологический срез, поэтическая генерация, идеи, тенденции, образы, проблемно-тематическая иерархия, книги итогов.

The article presents an overview of the Ossetian poetry of the years of Perestroika (1985-1991) and the post-Soviet period (1992-2000-s). Generally it reproduces the specificity of the state of the artistic consciousness of the Ossetians within the borders of the aforesaid chronological layers. An attempt is made to trace the aesthetic and the semantic hierarchy of the poetry of these years, to describe the ambiguous atmosphere of ideological divisions in the literary environment within the context of radical political and economic transformation, spiritual and value shifts in society. Along with the topical priorities and key trends of the creativity of the acknowledged poets due attention is paid to the space of the poetic world, shaped by a new generation of poets. The author shows the outlines of the poets whose creative debut mostly occurred in the post-perestroika period, and therefore they contain the elements of a different perception of life and their own place in it, demonstrate the logic of «attraction-repulsion» in contact with the national tradition and experience of the world spiritual and mental practices. This article is intended for specialists in the Ossetian language studies, as well as a wide range of readers interested in the poetic map of Ossetia.

Keywords: the Ossetian poetry, a chronological layer, poetic generation, ideas, trends, images, topical hierarchy, books of results.

Предлагаемая вниманию читателей статья является продолжением ранее опубликованного аналитического обзора национальной стиховой культуры — с момента зарождения в ней устойчивой литературной традиции (вторая половина XIX в.) до пред-перестроечного этапа (первая половина 1980-х гг.) [1].

По мнению патриарха осетинского литературоведения Н. Г. Джусойты, «основу периодизации литературного процесса должны составить наиболее значительные явления в качественном, идейно-эстетическом движении литературы. Иначе говоря, смена устойчивых настроений, тем и проблем, идей и образов в их соотносительности с важней-

шими сдвигами в духовной биографии народа должна определить границы между отдельными периодами» [2, 12]. В русле данного, бесспорно верного, критерия формировался «исследовательский хронотоп» настоящей статьи. Подчеркнем при этом, что вынесенное в заглавие понятие *современности* предполагает выход за рамки хронологического начала. Известный литературный критик и публицист Н. Иванова задается вопросом: «...а чем, собственно, современна словесность, созданная в последние годы <...>? Существует ли в ней — и можно ли его «выпарить», определив, — некое качество, отделяющее ее от предшествующей: *качество современности?*» [3, 30]. По мнению критика, «ген современности» в литературном произведении следует связывать с *адекватностью* форм отражения в ней сути времени.

В осетинской поэзии, как и в целом по стране, со второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. намечаются новые тенденции, обусловленные резкими изменениями в политико-экономических структурах, в идеологии советского государства. Провозглашение принципов «демократизации», «плюрализма», «гласности» как новых норм общественной и культурной жизни стимулирует процесс переоценки ценностей в художественном сознании. В числе понятийных новаций — «возвращенная» литература, «лагерная тема», «эпоха застоя» и пр. Годы перестройки поставили писателей перед необходимостью поиска художественно ёмкого слова для исторического, нравственного, философского осознания произошедших в обществе перемен. В их числе — резкое обострение национального вопроса, межконфессиональные и межэтнические военные конфликты на Северном Кавказе и в Закавказье.

С конца 1980-х гг. животрепещущей, жизненно важной для осетинской поэзии становится тема статусно-территориальных притязаний Грузии к населению Южной Осетии, сопровождавшихся кровопролитием. Горестные раздумья о судьбах нации, мотивы стойкости и надежды остро звучат в стихотворных циклах К. Маргиева («*Мæ Ирystон, у мастæй 'хгæд мæ хъуыр...*» — «*Моя Осетия, горе мне горло сдавило...*»), Н. Джусойты («*Зæрыбонь сагъæстæ*» — «*Думы преклонных лет*»), Г. Кодалаева («*Иу нæ йæхи хуызæн нæл у...*» — «*Никто уж из нас на себя не похож...*»), Ф. Плиева («*Ирон сагъæстæ*» — «*Осетинские думы*»), М. Казиева («*Чъреба, 1991-92 азтæ*» — «*Цхинвал, 1991-92 годы*»), Т. Кокайты («*Хъыг æмарис*» — «*Скорбь и боль*»), в венке сонетов «*Ирystон*» В. Гобозова, в стихотворениях А. Хамицева («*Чъребайаг хæстонь сидт*» — «*Клич воина-цхинвальца*», «*Мæ магуыр Ир, дæ зæхх ысси дзырддаг...*» — «*Мой бедный Ир, земля твоя предметом распри стала...*») и др.

В трагические для юга Осетии дни грузинской агрессии в лирике **З. Хостикоевой** рождается жанр плача, в котором автобиографический герой примеряет на себя тяжкую роль вопленицы Ира. Стихи этих лет полны надрывной тоски и горя, но и гордости за сынов отчизны, сложивших головы во имя защиты человеческого достоинства и свободы («*Авдæны зарæг Ирystонь саударæны*» — «*Колыбельная песня в дни траура в Осетии*», «*Æрдзма курдиат*» — «*Обращение к природе*» и пр.).

Одним из первых тему современных войн с их варварской жестокостью и дикой безнравственностью поднимает **Ш. Джикаев** [4]. В стихотворениях поэта («*Лидзæгæн*» — «*Беженцу*», «*Цхинвал*» и пр.) клокочет боль души, смятение и тревога за судьбу Южной Осетии,

по отношению к которой история как бы задала обратный отсчёт — назад, в кровавый геноцид 20-х гг.

Коллизии неожиданно ворвавшейся в жизнь войны — в центре внимания и **Х.-М. Дзуццати**. С душевным надломом и болью он пишет о юнцах, безвременно сошедших в могилу («*Æз цæуылнаæ амардтаен уæ бæсты?*» — «Почему не я пал вместо вас?») в дни скорби и отчаяния взывает к достоправным теням прошлого («*Уой, Хазби...*» — «О, Хазби...», «*Хъуырдухаен*» — «Мучение» и пр.). В творчестве автора властвуют ноты горьких раздумий о будущности Осетии («*Цъырцъырагты уаст*» — «Звон кузнечиков», «*Хъæддаг куыйтæ*» — «Шакалы» и пр.).

В жанре скорбного мужского плача выдержаны стихи **Х.-У. Алборты**, воспроизводящие образ гибельного пути, трагедию беженцев — жертв кровавого террора («*Чъребайы æнкъард хæдзæрттæ...*» — «Грустные цхинвальские дома...», «*Уалдзæг у...*» — «Весна...», «*Баллада Зары фæндагыл*» — «Баллада о Зарской дороге»). Расстрел грузинскими боевиками мирных людей изображен автором как «апофеоз тягчайшего греха» и беззакония. В целях зримой обрисовки патриотизма и жертвенности цхинвальцев, их отчаянного сопротивления грузинской агрессии поэт использует «голоса» ушедших — людей («*Хъæлæс ингæнæй*» — «Голос из могилы», «*Раджы зарыдысты Чъребайы...*» — «Некогда пели в Цхинвале...») и эпох («*Ирыстонны хъæлæс Астæуккаг æнустæй*» — «Голос Осетии из Средневековья»). Любопытную трансформацию элементов фольклорного восприятия мира наблюдаем также в олицетворённых образах *Родины-летописца*, фиксирующей в памяти выпавшие на её долю испытания, *Природы-матери*, оплакивающей гибель невинных и слабых,

но вместе с тем уповающей — на краю бездны — на свет грядущего. В живописании истерзанной души народа угадывается культурная аллюзия на распятие Христа («*Æмбисæндтаг, кадæггаг, зарæггаг...*» — «В притчах, сказаниях, песнях...»). С целью воплощения тысячелетних людских страданий и печалей Х.-У. Алборты обращается также к символике вечно мира («*Уæрдæттæ*» — «Арбы», «*Æртындæс*» — «Тринадцатъ» и пр.).

Одним из важных аспектов художественного исследования в поэтических сборниках конца 1980-х гг. становится духовный мир современника. Особое внимание мастеров слова обращено к теме исторической памяти народа как рычага, «удерживающего актуальность его этнической идентичности» [5, 120]. Проблемы земной жизни и судеб человечества философски глубоко осмысляются в творчестве **Н. Джусойты** (сб. «*Изæры рухс*»/«Вечерний свет», 1987). Драматизм сложных отношений человека и времени отражен в книге «Свет» («*Рухс*», 1987) **А. Кодзати**. Интерес к «вечным» темам и мотивам отличает философскую лирику **А. Царукаева** (сб. «*Æвзистсыг къæвдатæ*»/«Серебристые дожди», 1988). Свообразием метафорически-ассоциативного видения отмечены поэтические раздумья **Х.-У. Алборты** о природе и людях Осетии, о её прошлом и будущем (сб. «*Рухсытæ судзынц*»/«Огни горят», 1988). Ключевые понятия в жизни человека: свобода, справедливость, честь, любовь, ответственность — предмет поэтической рефлексии **Т. Тетцова** («*Лирика*», 1988). Средствами сатиры высвечиваются автором ложные идеалы минувшего, антигуманизм и бездуховность современности («*Еудадзуг сидт*» — «*Беспрестанный призыв*», «*Мæстгун*» — «*Разгневанный*» и пр.);

его лирический герой пребывает в состоянии безверия и отчаяния, во власти чувства отчуждения от общества («Уауу, куд баргъавстæй мæ зæрдæ...» — «Ой, как сердце мое озябло...» и пр.).

Значимым событием литературы Осетии тех лет стал выход сборника стихов **Ш. Джикаева** «Ночные костры» («Æхсæвы æртытæ», 1990) — своеобразного обобщения идейно-творческих исканий и автора, и осетинской художественной словесности в целом. В книге, воспринятой критикой как «поэзия укоризны», — суровая диагностика болезней века и хрупкая надежда на выздоровление; в ней — страстный призыв к сохранению духовных ценностей нации: материнского языка, обычаев и понятий чести предков («Дыууадæс дзырды» — «Двенадцать слов», «Мадæлон æвзаг» — «Материнский язык»), тепла и благодати родного очага («Мады фарн» — «Фарн матери», «Мæ зæрдæ хахты — сахары мæ къуыдыр» — «Мое сердце в горах...»). Ведущий мотив цикла «Нæ цæугæ мæсгуытæ» — насильственное изъятие из жизни и памяти славных сынов Осетии (Иласа Арнигона, Цоцко Амбалова и др.) — «движущихся башен» народа. Итоговая мысль цикла, что «вместе с физическим уничтожением цвета нации в кровавые тридцатые «ушла» и благодать Ира, а значит, этнический мир существенно утерял в духовности, в системе этико-эстетических ценностей и ориентиров» [6, 112], наводит на размышления. В самом деле, не тогда ли была заложена почва для конформизма, успокоенности, исторической и нравственной «забывчивости», — засилья ремесленного полуискусства, наконец, составивших впоследствии неприглядный лик застоя в обществе. Активно используя иносказание, Ш. Джикаев живописует «эпоху безвременья» («Тæрæм нæ бæлæгъ

цады...» — «Плывем мы в лодке по глади пруда...», «Гал сахары уынджы» — «Бык на улицах города» и пр.) и обусловленную ею симптоматику человеческих взаимоотношений («Мæ иу хæларæй базыдтон мæ бон...» — «Открылась правда мне о друге...», «Шакалы зарæг домбайы кадæн» — «Песня шакала во славу льва» и пр.). В ряде притчевых стихотворений поэт выводит пугающие своей реальностью образы разного уровня и масштабности — от современного «манкурта», человека «без корней», достигшего дна нравственной деградации («Дзæгъæлзад» — «Незаконнорожденный», «Агуыраг зарæг» — «Агурская песня», «Дур» — «Камень»), до государственного корабля без руля и без ветрил («Сæрхъæнты науы сау фурды цæуын...» — «На корабле дураков по морю плыву...») и «века-наглеца», попирающего всё и вся («Къæйных æнус — фыдзонд æмæ фыдуаг...» — «Век наглый — дерзкий и дурной...»).

«Перестроечные» процессы развели деятелей литературы и культуры Осетии на два антагонистических блока: приверженцев антикоммунизма (В. Ваниев, Б. Гусалов, Х.-М. Дзуццати, А. Кодзати, В. Малиев и др.), «неозападников» — в русской классификации, и «традиционалистов», сторонников социалистического образа жизни и идеалов. В числе последних — Ш. Джикаев, в мировоззренческих позициях которого происходит резкий перелом: критика реалий недавнего прошлого сменяется в его поэзии и публицистике тенденцией к позитивной их оценке, в противовес демонстративному неприятию наступивших общественных перемен. Впрочем «перестройка» активизировала идеологические разногласия не только в осетинской творческой среде. Конфликтная атмосфера на почве различного отношения к происходящим в

стране преобразованиям царила везде. В статьях, публикуемых в столичных печатных СМИ («Московские новости», «Аргументы и факты», журнал «Огонек») «предпринимались попытки разобраться в причинах «деформаций» социализма, определить свое отношение к перестроечным процессам. Обнародование неизвестных ранее фактов отечественной истории послеоктябрьского периода вызывало поляризацию общественного мнения. Значительная часть либерально настроенной интеллигенции активно поддержала реформаторский курс М.С. Горбачева. Но многие группы населения, в их числе специалисты, научные работники, видели в проводимых реформах «измену» делу социализма и активно выступали против них» [7].

После распада СССР, в постперестроечную эпоху, процессы эстетической и идеологической переориентации части осетинских литераторов значительно усилились, поколенческий раскол в среде «шестидесятников» — недавних союзников по поэтическому цеху — стал уже состоявшимся фактом.

Наиболее яркую картину случившегося можно воспроизвести по книге «Сумерки» («Дыууæизæрастæу», 1994) **А. Кодзати**, обозначившей новый этап в творчестве и мировоззренческих взглядах автора. В обрисовке образа времени, проверяющего душу человека на «прочность», на первый план выходит публицистический арсенал активных средств воздействия на читателя. Определенность идеологической доминанты, приемы острой сатиры и сарказма в характеристике идеалов социализма, полемически гротескные антикоммунистические интонации с оттенком злорадства и издевки присутствуют в стихах тех лет с «говорящими» названиями «Марш строителей коммуниз-

ма» («Коммунизм аразджыты марш»), «СССР» («ССРЦ»), «Осел» («Хæрæг»), «Сон» («Фын»), «Стена» («Сис»), «Монолог Сталина» («Сталины монолог») и пр. Поэт с позиций современности дает политическую оценку действиям властей в «октябрьских» событиях начала 80-х годов в Осетии (цикл «Фыстадджытæ 1981 азæй» — «Письма из 1981 года»). Лирический герой его пребывает в плену сильных чувств: любви-безумства («О, уарзондзинад, зондиухты тырыса...» — «О любовь, знамя безумцев...»); скорби («Хъарæг» — «Плач»), отчаяния и тревоги («Хъæр мæрдтæм» — «Клич мертвым» и пр.). При этом создаваемая поэтом концепция перемен внутренне противоречива. С одной стороны — недовольство темпами «перестройки» сознания масс («Авдæны зарæг ирон адамæн» — «Кольбельная песня осетинскому народу»), безоглядная переоценка ценностей; с другой — острая сатира в создании бестолкового и безответственного образа «демократии» («Бинонтæ» — «Семья», «Зинтæ» — «Бесы»), искреннее беспокойство о судьбе родины, ощущение исторического тупика («Зонын, зонын æй...» — «Знаю, знаю я...», «Фыдбонь халæттæ» — «Проклятые вороны», «Æввид-дывидоны дуг» — «Времена горь-злосчастия»), боль обманутого доверия, мотив смущенного сожаления («Æз æмæ знон» — «Я и вчера», «Æртытæ» — «Костры» и пр.). Лирическим островком остаются в поэзии А. Кодзати в означенный период лики природы — источника благодати («Гутондары фын» — «Сон плугаря») и храма красоты, указующей человеку путь «от себя к себе» («Ираф», «Хурхæтæны» — «Солнцеворот», «Тæрккъæвда» — «Ливень»). Проблемно-тематическая и жанрово-стилевая многоплановость характерна и для следующей

книги автора «День Бога» («Хуыцауы бон», 1998). В ней — ревностная молитва вчерашнего атеиста о возможности будущего для своей отчизны и для человечества в целом («Дзæнгæраг» — «Колокол» и пр.). Поэт охотно использует весь спектр красок сатиры и иронии как адекватного способа обрисовки «эпохи-мачехи» («Æнусы кæрон» — «Конец эпохи»); самобытны и художественно «многослойны» аллегории, применяемые им для зримой передачи контрастов жизни («Мæра» — «Дупло», «Бийы та лæг йæ кæфхасæн, йæ къуту...» — «Вновь плетет человек свои сети...»). Одновременно наблюдается относительное смягчение антисоциалистических акцентов; в стилевой палитре мастера сохраняют свои позиции лиризм и мягкий юмор, органичный сплав их особенно хорош в исполненных поэтического очарования миниатюрах-зарисовках о живой природе («Цъырыцъырадзы зарæг» — «Песня кузнечика», «Уазджытæ» — «Гости», «Зæрватыччытæ 'ртахтысты» — «Ласточки прилетели», «Цъиу» — «Птичка», «Азæлды мæлæт» — «Смерть эха», «Саниба. Сæумæрайсом» — «Саниба. Утро» и пр.).

Новый жанрово-стилевой поворот, связанный с появлением небольших по преимуществу стихотворений с притчевой структурой, отмечен и в поздней лирике В. Малиева. Стихи эти буквально завораживают читателя сгущенной метафоричностью, поливариантностью истолкования смысла, равно как и филигранной обработкой словесной формы («Гъей, рагон сæры къуыдыр!..» — «Эй, древний череп!..», «Æз горæтæй хъæумæ цыдтæн...» — «Держал я путь из города в деревню...», «Стыр бæлас» — «Большое дерево», «Дыууæ барæджы...» — «Два всадника...», «Дууæ бæласи» — «Два дерева»).

Ощущение катастрофичности бытия в ситуации рубежа веков и тысячелетий предельно обостряется в поэзии Ш. Джикаева. Сборник «Расколотый колокол» («Саст дзæнгæраг», 2000) становится символическим финалом, как судьбы поэта-правдоискателя, так и зашедшего в тупик фарна народа. Доминирующими в нем являются мотивы роковой необратимости перемен («Æрцыдис ахæм рæстæг, ахæм...» — «Такое наступило время...»); болезненно остро и экспрессивно звучат вопросы о национальной свободе и рубежах Осетии («Зыгъуыммæ дуне» — «Мир наизнанку» и пр.). В творчестве поэта актуализируется жанр стихотворения-молитвы, лирический субъект, обнажая суть заветных желаний, будто силою напряженной мольбы-внушения хочет оградить родную землю от большой беды («Хурмæ куывд» — «Моление солнцу», «Мæ куывд» — «Моя молитва» и пр.). От стихотворения к стихотворению нарастают мотивы поражения и горького разочарования («Адаймаг» — «Человек», «Æз равзæрдтæн зæххыл, цæмæй...» — «Я на земле родился, чтобы...», «Цард мæнаей æнавгъау хъазы, — уæд цы кæнон?..» — «Жизнь смеется надо мною, — что ж мне делать?..», «Мæ гæрзтæ æвæрын...» — «Складываю свое оружие...»); одновременно усиливается пафос противостояния невзгодам, яростного спора по вопросам истины и справедливости с самим Создателем («Дунескæнагæн» — «Создателю»).

Поэтические сборники постперестроечного времени — скорбные итоги уходящего века. Отличительную особенность их составляют ирония и сарказм, усиление гражданско-публицистического начала, внутренний антагонизм религии и атеистического воспитания. Симптоматичен поэтический хронотопос, отражённый в самих

названиях книг — «безвременье», состояние «меж двух миров», эсхатологическая перспектива, религиозно-культурный акцент: «В преддверии грома», («Ервнæрыны размæ», 1994), «Святость» («Табуйаг», 1998) З. Хостикоевой; «Сумерки» («Дыууæизæрастæу», 1994), «День Бога» («Хуыцауы бон», 1998), «Богиня огня» («Зынджы бардуаг», 2003) А. Кодзати; «Моя святыня» («Мæ дзуар», 1994) Т. Кокайты; «Корень надежды» («Ныфысы уидаг», 1999) Х.-У. Алборты; «Меж двух эпох» («Дыууæ дуджы астæу», 2000) Х.-М. Дзуццати; «Разбитый колокол» («Саст дзæнгæрæг», 2000) Ш. Джикаева.

Примерно с середины 1980-х гг. наблюдается формирование новой поэтической генерации, дебютные публикации которой пришлось, в основном, на постперестроечное время. Молодые таланты, в силу известных причин — политико-социальных и внутрилитературных, — в процессе становления оказались предоставлены самим себе, вне внимания предшественников, равно как и вне противостояния с их стороны. Разнятся поэтические голоса и темпераменты этих авторов, подходы к решению круга очерченных проблем. В числе объединяющих факторов можно выделить верность классическому стихосложению и системе мыслительных координат национального мира, но — с ощутимым «внутренним сдвигом», уводящим в атмосферу смятенности, разобщенности с собой и окружающей реальностью.

Этот сдвиг наиболее резкое и концентрированное выражение находит в поэзии **Оскара Гибизова (1960-1993)** — автора, который (так уж совпало!) подвел трагическую черту под своей жизнью и творчеством с завершением эпохи социализма в нашей стране. Небольшое — в силу ограниченности

отведенных автору лет — наследие О. Гибизова буквально выламывается из рамок существующих в осетинской словесности эстетических норм и традиций, представляя собой совершенно уникальное явление. (В этом смысле Оскара можно поставить рядом с Алиханом Токаевым, революционером в области осетинской стиховой культуры.) Пребывая в напряженной духовной оппозиции к хаосу современной жизни, поэт в то же время находится как бы в другом измерении, за гранью привычного нам бытия. Стихи его — как обнаженная рана, как крик души, в которой фальшь органически неуместна («Салд зæрбатуг» — «Замерзшая ласточка», «Гибизти Оскарæн» — «Оскар Гибизову», «Мæ гъудити косартæн растегъдзæн æ цар...» — «С туши жертвенной дум моих шкуру сдеру...», «Мæ сæри хæдзæрабæл уаруй...» — «Слухов снег леденящий ложится...»). Читать О. Гибизова — нелегкий труд души. «Поэтика сюрреалистической образности с ее специфической зрелищностью и причудливым шлейфом ассоциаций повергает в шок, даёт физическое ощущение ранимости, незащитности, сиротства автора в мире кричащих противоречий» [8, 1066]. Метафорой предела отчаяния и одиночества являются стихи «Крик души» («Уоди цъæхахст»), «Никогда я людей не любил...» («Некæд уарзтон адæми...»), «Я не нужен Дигоре...» («Нæ гъæун мæ Дигори...»). Тяжкий груз молвы, пересудов гнет к земле, загоняет в тупик («Мæ цæсгони колдуар» — «Дверь лица моего», «Мадаема» — «Матери»). Пожалуй, лишь природный мир для него — убежище от людской неправоты и предвзятости («Никкодтон мæ гъæбеси нæ гъоги...» — «Обнял я корову нашу крепко...», «Сæума» — «Утром», «Мæ цæсгони уорс арми...» — «На белой ладони лица моего...»). Источником надеж-

ды и жизненной силы проступает для поэта и образ матери, оттого так остра и нестерпима боль утраты («Изæр» — «Вечер», «Ду маæ зæрди маæнæн...» — «Ты мне вспомнилась, мама...», «Цæудзæнæн исонбон нæхемæ...» — «Завтра, мама, домой я нагряну...»). Метафорично объемны и неожиданны стихотворные образы, созданные О. Гибизовым в духе грегерий — из одной-двух строк. Такие, например, как его, ставший уже шедевром, моностих: «Ребенок — слеза в глазу колыбели» («Авдæни цæсти сувæллон — цæстисуг»). «Грегерия — это порыв определить неопределимое, схватить ускользящее. Так вскрикивают, столкнувшись невзначай, вещи и души <...>. Грегерия не афоризм, высокопарный, не терпящий возражений. Грегерия — это необходимая перемена точки зрения. Внезапно изменяя ракурс, грегерия ловит черты вечно рождающегося мира...» [9, 294], — так характеризовал возможности этого удивительного жанра его создатель, испанский писатель Рамон Гомес де ла Серна. Заметим, однако: короткие стихи О. Гибизова ловят мгновения жизни не через призму юмора — обязательной составляющей жанра грегерий, а через фильтры обостренно трагического восприятия сущего («Гъæунгти фæциæун./Адæми цæстити мет мабæл уаруй» — «Иду по улице, и на меня падает/Снег чужих взглядов»; «Горæти турусати сурх тог/Гъæунгти тогдадзинтæй мезуй» — «Красная кровь флагов/Льетса из кровеносных сосудов улиц»).

Возвращаясь к теме поколения, нужно сказать, что проблемы, доминирующие в лирике «старших» (пересмотр фактов советской истории, критика пороков системы и пр.), сам процесс демифологизации общественного сознания для племени поэтов рубежа веков не столь актуальны, равно как и повер-

ка идеологическим разломом. Но и тех и других объединяет открытая обеспокоенность будущим страны, приоритет человеческих и цивилизационных ценностей.

Как некое связующее звено между двумя важными вехами осетинской словесности — творчество **Александра Боциева (1938)**. Начало поэтической деятельности автора относится к «оттепельным годам», а становление его как самобытного лирика приходится уже на 1990-е. В стихах А. Боциева художественно емко и где-то даже сатирически хлестко утверждается идея неистового служения поэзии, творческой самостоятельности, присутствия в каждом художнике внутреннего арбитра, который оценивал бы явления жизни и собственные поступки с позиций чести и совести («Парнасы бæлцион» — «На пути к Парнасу» и пр.). Его лирика подкупает свежестью поэтического видения, неожиданностью и новизной восприятия реалий действительности («Хæсты бардуагæн» — «Патрону войны» и пр.). Объектом поэтизации автора выступают природа и крестьянский труд. Лирический герой смотрит на мир и родную землю «глазами сказки» («Æз аргъауы цæстытæ...» — «Я сказки глаза...») и видит в семицветной радуге образ сердца Осетии («Иры зæрдæ» — «Сердце Осетии»), замечает, как вдохновение высекает искру в поэтической строке; «уходящий за горы» день кажется ему румяным яблоком, вот-вот готовым сорваться с осеннего дерева («Бон нам бонь йе 'нтыстæй æмбулы...» — «Дни — один другого краше...»). Лейтмотивный образ поэзии А. Боциева — Солнце, отношения с которым строятся им на подражании-соперничестве. Субъект лирического высказывания соревнуется со светилом в жаре души («Поэты уарзондзинад» — «Любовь по-

эта»), в волшебном даре взрастить на камне цветок неземной красоты — во славу себе и родной Осетии («Нарæмон» — «Неистовый») и, конечно же, в создании своей «Солнечной книги» — в ней каждая строка сверкала бы и исцеляла душу энергией магической силы («Хуры фæзмгæйæ» — «В подражание солнцу»).

В рамках малых стихотворных форм, жанра брахиколона в частности, успешно экспериментирует **Амирхан Кибиров (1944)**. Динамичность и сжатость изложения поэтического события — специфика его творческого почерка. В минорной тональности народных песен созданы им стихотворения на мотив любовного томления — с органичным сплавом в них самоиронии и светлой грусти («Сæумæ» — «Поутру», «Уæ, кумæ дæ, мæнæ над...» — «О, куда ты, путь, ведешь...» и пр.). Стихи поэта пронизаны очарованием и красотой природы; в цветовую гамму и звуковой колорит пейзажных зарисовок органично вписано человеческое присутствие («Бæхти догъ...» — «Скачки...», «Сæрддон сæумæ» — «Летнее утро», «Æрæгвæззаг» — «Поздняя осень», «Зумаг» — «Зима», «Нифси уалдзаг» — «Весна надежд»).

Искусство словесного узора **Надежды Чельдиевой (1947)** одинаково ладно реализуется в тягучем торжественном слоге, передающем суровую красоту гор со следами жизни могучих предков («Зарæмæджы» — «В Зарамаге»), и в легкой «солнечной» вязи стиха, в основе которой чаще всего — композиционная градация. В «Луче солнца» («Хуры тын») это, например, постепенное расширение «персонажной сферы»: одиноко резвящийся у плетня лучик-дитя Артур [она] → светило, «зажегшее» водопады и камыши → косцы на лугу, наполненные энергией солнца → вселенная, об-

ретающая «дыхание жизни». В «Метели» («Тымыгъ») — нисходящая пространственная градация (небо → улица → дом), благодаря которой создается динамичный образ метели, детализируемый понятийно-вещественными метафорами осетинского быта (укрытое семью одеялами солнце, кошачий мартовский вокал метели, калиточной петли «игра на скрипке», пышущая жаром — назло непогоде — печь; зримый «орнамент» детства в воспоминании-мечте лирического субъекта). Свою лукаво-озорную («Хохаг ныв» — «Зарисовка гор», «Фæззыгон нывтæ» — «Осенние картины», «Мæ уды атезгъо фæфæнды...» — «Душа моя не прочь бывает прогуляться...» и пр.), романтически условную («Зæринбазыр, рæуæг, æвзонг азты гæлæбу!...» — «Златокрылая, легкая, из юных лет моих бабочка...», «Тар арвыл Биттыры хъазау раленк кæны мæй...» — «На темном небе, будто лебедь, месьяц выплывает...», «Азтæ» — «Годы»), тревожно-грустную («Чи стæм?» — «Кто мы?», «Сæуæхсид — Захъагомыл ауыгъд...» — «Заря зависла над ущельем...», «Æз абоны царды нæ уынын мæхи...» — «Я в этой жизни не вижу себя...», «Æз дзурын нæ зонын» — «Говорить я не мастер») либо обличительную («Нæ иуты цард фæуæлбыл...» — «Жизнь одних удалась...», «Лæгæн куы уа йæ миддуне мæгуыр...» — «Если беден внутренний мир человека...», «Хины бæлас» — «Колдовское дерево») интонацию, свой оригинальный ряд образов и настроений находит автор и в раскрытии круга важных нравственно-этических постулатов. В стихотворении «На корабле-призраке, в лучах радости...» («Цæстсайæн науыл, цины тынтæй тайгæ...»), например, тема здоровья родного языка подается сквозь призму функции посредничества его в разговоре с небесами; легко-

мысленное беспамятство, по автору, несет угрозу существованию нации. Эта мысль метафорически сжато выражено антитезой «свой — чужой» («Сæйгæ æвзадзы сау хъæдгомыл райгæ/Кæйдæр фидæн фæндыр цæгъды...»). Проблема выбора, ответственности перед своей судьбой ставится в стихотворениях «Бес и алчность» («Хайраг амазид»), «Сомнение» («Дызæрдзыг») и пр. Творчество Н. Чельдиевой привлекает вопрошающей позицией лирического «я», взвешенностью и глубиной поэтического высказывания.

Насыщенностью социальным содержанием отличается поэзия **Руслана Бабочити (1950)**; характерная черта ее — восприятие жизни в черно-белых тонах, взаимопретекательность полюсов добра и зла как отражение апокалипсического состояния мира. В стихотворениях автора искусно обыгрывается сужение цветовой гаммы как показатель самочувствия лирического героя («Уорс метбæл — сау бæлæстæ...» — «На белом снегу — деревья черные...», «О сау бæнттæ 'ркодта, уорс æхсæвтæ...» — «О черные дни настали, белые ночи...» и пр.). Мотивы краха надежд («Уоди кисе хастон еунаг бæлдæ...» — «В кисе души нес единственное желание...», «О, зæгъина, бæргæ, æнæфсæрттæ...» — «О, сказал бы я...» и пр.) соседствуют с оксюморонным звучанием напева светлой безысходности («Зæрдæ — лæгæт. Цæфсуй си нидæн арт...» — «Сердце — пещера. Теплится в ней огонь...»). В кругу внимания Р. Бабочити — вопиющие контрасты жизнеустройства («Цæмæй баргæ 'й и Берæ...» — «Чем измеряется это Много...», «Амити-уомити цидæртæ мурхтон...» — «Делал что-то тут и там...», «Мада мистæн æ бæдæлттæ...» — «Мышиные детки...»), качество среды и личности, исследуемое в аспекте проблемы поло-

винчатости и целостности существования («Ци нæййес 'ма ци 'ййес, уони астæу...» — «Посреди того, что есть и чего нет...»), обязательств «долга, дела и чести» и свободы от них («Нецибал ма гъæуы æгириддæр...» — «Ничего мне больше не нужно...»).

В лирике **Батрадза Касаева (1950)** главенствует идея вовлеченности в «круговорот жизни», поэт выводит на первый план образ «путника по тревоге», духовного искателя, чуткого к чужой боли («Уды дзæнгæрджытæ» — «Звоночки души» и пр.), но саркастичного и взыскующего, когда речь идет о забвении нравственных основ и подмене духовных ценностей («Цæй куыд царут, Иры хъалтæ...» — «Ну и как вам живется, спесивицы Осетии...»). Субъект лирического высказывания — человек слова и дела («Лæджы хъуыддаг...» — «Мужское дело»), приверженец традиционных поведенческих норм и ментальных предпочтений («Хъæууон къæс» — «Сельский домик», «Цард» — «Жизнь», «Цы зæгъдысты адæм!» — «Что скажут люди!»), ему близки философия и романтика сельской жизни, родной природы («Горæтаг ныв» — «Городская зарисовка», «Хосгæрсты» — «На сенокосе», «Фæззæг» — «Осень», «Сыфтæртæ, царды фæстаг бонтау...» — «Листья, будто дни на исходе жизни...», «Уалдзæг, уалдзæг...» — «Весна, весна...» и пр.). Более того, он сам — творец космоса, где радугой соединены ущелья, где солнечных лучей струятся водопады и на зелени лугов расцветает волшебство белых цветов, а мрачные тучи на утесах сметены с глаз долой войлочной плетью, и турьи стада — под надежной опекой. Создатель же «картины грез», как и полагается после праведных трудов, отдыхает, упиваясь гармонией сотворенной им красоты («Бæллицаг сæнттæ» — «Заманчи-

вые грезы»). Искренне и проникновенно звучат стихи Б. Касаева о любви с отражением в них динамики чувства и настроения — от тихого восхищения-удивления («Акростих», «*Æнамæндтæ дæр амондджын вæййыны...*» — «*Несчастливые тоже бывают счастливы...*»), сдерживаемой горечи осознания начала заката любви («*Кæд зæрдæ фестæди сыгъдон...*» — «*Если на сердце пепелище...*») до полного краха надежд и жизненной опоры («*Мæ зæрдæ бафæллад кæуынагæй...*» — «*Сердце устало плакать...*»).

Поэтом одной темы можно назвать **Милусю Будаеву (1952)**; стихи ее — это история любви, изложенная незатейливо, сокровенно по-женски. «Девичьи радости и печали, надежды и разочарования предстают заключенными то в строгий, отчасти одномерный, рисунок рифмованных строк, то облакаются в форму верлибра или явлены в неспешной поступи стихотворений в прозе» [10, 77]. Способность любить и быть любимой для субъекта лирического высказывания — едва ли не важнейшая черта, придающая жизни смысл и полноту («*Æз æмæ ды*» — «*Я и ты*», «*Чызджы зæрдæ*» — «*Девичье сердце*», «*Цæмæн, цæмæн?..*» — «*Зачем, зачем?..*» и пр.). Любовная фразеология формируется в русле народной образности, вобравшей поэтику обращений, слова ласки и отчаяния, экспрессию заклинаний. Большинство стихотворений автора строится на параллелизме мира природы и мира человеческих чувств («*Уылæнты кафт*» — «*Танец волн*», «*Донхæрис*» — «*Плакучая ива*», «*Æмбисæхсæв*» — «*В полночь*» и пр.), в них раскрываются качества души, позволяющие лирической героине быть убедительной в отстаивании своего права на ожидание счастья («*Æнæрвæссон чызг*» — «*Разборчивая невеста*», «*Æнхæл*

мæ кæсдзынагн...» — «*Буду ждать...*»). Природа поэзии М. Будаевой ориентирует на раздумья о нравственном заряде, который формирует в человеке живая связь с народными взглядами на ценности и нормы морали.

Знание духовно-этических заповедей предыдущих поколений несёт современнику и поэзия **Эдуарда Абаева (1953)**. Лирический герой его, как и у предыдущего автора, укоренен в национальной почве, в многовековых традициях осетин. Но читателю открывается взгляд на мир с совершенно иного ракурса. И дело здесь не только в гендерных отличиях, а в первую очередь, пожалуй, в диапазоне проблемно-аналитического осмысления жизненных реалий. Субъект высказывания в стихах Э. Абаева — личность самобытная, независимая, со сложившимися установками и отношением к жизни. Восхитительно просто и необычно формулирует он критерий самоидентичности, апеллируя при этом к глубинному в национальном сознании («*Бабыз бабызы быныл...*» — «*Утка без роду и племени...*» и пр.). В его памяти бережно хранится обаятельный образ детства («*Нæ фадгуытæ нал зыныны...*» — «*Заляпаны штанины...*», «*Уыд изæрдыгъдафон. Не скъæт...*» — «*Время было вечерней дойки. Хлев наш...*» и пр.). Метафорические сравнения, к которым тяготеет автор, рождены реалиями сельского быта и крестьянского миропонимания. Между тем, лексика и тональность высказываний, специфика сравнений («*дидинæгау райхæлыс мæ разы*»), пожеланий и обращений в его колыбельных стихах («*мæ битгынадзæст*», «*мæ сау номхæссæн*», «*мæ хъæбул*» и пр.) диссонируют с осетинской мужской ментальностью, чуждой открытого проявления чувств; они полны отцовской нежности и жертвенной растворенности в детях

(«Дæ авдæны тæапæнтæ дын куы судзын...» — «Когда отвязываю тебя в колыбели...», «Мæ хъæбысмæ 'рбанпар...» — «Бросайся в мои объятия...» и пр.). В творческой манере Э. Абаева ощутимо наследование традиций «тихой лирики», интонаций неспешного рассуждения, чаще всего выражаемого в форме верлибра («Æхсыры цады чызджытау...» — «Будто девы Молочного озера...», «Мæ хуыссæг та дысон...» — «Сон мой снова вчерашней ночью...», «Сты мæ цæстытæ...» — «Мои глаза...», «Æрвдидиинаг...» — «Василек» и пр.). Поэтический словарь автора ориентирован на всё богатство общенародного языка с использованием большого количества архаической лексики, узальных и окказиональных фразеологических единиц.

Лирика **Георгия Рамонова (1953)** подкупает искренностью переживания, простотой стиля и интонационной сдержанностью, за которой стоит насыщенность содержанием и также — стремление к упорядоченности мыслей и чувств, убеждённо-точному их выражению. На эмоциональной палитре автора заметное место отведено настроениям подавленности и разочарования, вызванным факторами субъективного и/или объективного плана. Но стихи поэта всегда подсвечены мерцанием надежды и упорства в преодолении жизненных препятствий («Фæхицæн мæ и цардуалдзæг, фæхицæн...» — «Рассталась со мною молодость, рассталась...», «Мæ фидæнæн мæм нал баззад ныфсы мур...» — «Ни крошки надежды у меня не осталось...» и пр.); в них актуален мотив «корней» («Уидæгтæ» — «Корни», «Мæ бæх бæрзуисæй уыд...» — «Мой конь был березовый прут...», «Сабидуг» — «Детство»); тонко раскрываются микромир интимных чувств («Дæ цæстытæ... Лæууы сæ судзаг зæрдыл...» —

«Твои глаза...», «Ныр зонын» — «Теперь знаю...», «Æнæуынон кæмæн дæн...» — «Ненавистен кому я...» и пр.), гармония красоты природного мира и границы ее контрастов, соотносимость со смыслами и ценностями человеческой жизни («У сыфтæрызгæлæн, иуæй...» — «Время листопада...», «Арвмæ байхъусæм» — «Внемлем небу», «Æхсæрдзæн» — «Водопад», «Æфхæрд бæлас» — «Обиженное дерево», «Хæххон дон» — «Горная река»). Автор тяготеет к каламбурным фразам («Рæстдзинад Рухсимæ нæ цардæн...» — «Правда и Свет в нашей жизни...», «Терчы хъаст» — «Жалоба Терека» и пр.), успешно реализует дар сатирика в остроумных эпиграммах и пародиях.

Свой узнаваемый индивидуальный стиль у **Елизаветы Кочиевой (1954)**.

Интеллектуальная энергия и тонкая художественная интуиция — вот сплав, гармонично реализуемый ею в философско-поэтических «беседах» с мастерами слова и кисти («Монолог Ван Гога», «Булгаков»), в ходе осмысления «своего» через «иное» («Сабидуг» — «Детство»), в обрисовке колдовской силы наития-вдохновения («Куырдадзы» — «В кузнице»), в гимнических нотках веры в себя, в ниспосланный свыше божественный дар («Сау изæр мæ цъысыммæ фæтæры...» — «Черный вечер толкает меня в западню...») и, наоборот, в сдержанно грустной констатации «итоговой недостачи». Последнюю, впрочем, с лихвой восполняет предчувствие зреющей в душе песни («Фæндаггоны зарæг» — «Песня путника») — венца созидательных исканий художника-творца, основанных на гармонии контрастов мироздания («земные благодные звуки и гневное небес рокотанье»). Лирическое «я» автора, при всей его обособленности и самодостаточности бытия, не противостоит миру, не воспринимает жизнь как не-

что агрессивно враждебное. Напротив, явления живой природы, культуры, мир человеческих отношений для него — возможность познания невидимой связи всего и вся, — будь то пробуждение «корней» в душе юного и дерзкого потомка нартов («Нартовская элегия»), встреча-соревнование с «суровым гостем» — ангелом Смерти («Мотив Бергмана»), слово напутствия «другу-лягушке» («Бон факъул, фактулы рагъай хур...» — «День угас...») или хвала трудяде-парню муравью («Сусаны» — «В зной»). Присущая Е. Кочиевой стилевая гибкость отразилась и в стихотворениях, созданных в манере романсовой поэзии. Своеобразие их — в эстетике смыслообразности, ее непостижимой притягательности; в напевном типе интонирования, особой интимности, камерности звучания («Романс», «Амонд» — «Счастье», «Тъанджы май» — «Январь», «Енафоны элеги» — «Несвоевременная элегия», «Ерхандаг» — «Тоска», «Фаззыгон уарга бон» — «Дождливый осенний день», «Рудзынджы раз» — «У окна»). Мир внутренней жизни, полный достоинства и сдержанного изъяснения чувств, приоткрывается в творчестве автора в серьезных и тихих размышлениях о счастье и горечи любви, о глубине самопожертвования и намеренной «слепоте», готовности обмануться; слова печали и признательности звучат на полутонах («Фала та иу бон митхъарм маен фасайдзан...» — «Но вновь однажды оттепель обманет...», «Дæ фыны дæр ды ма бавзар маэ зын...» — «Пусть и во сне тебе не испытать...» и пр.), а сквозь образ безысходной боли-памяти об «умершем Солнце» («Мысан æмдзæвгæ» — «Стихотворение-память») проступают аллюзии на известные строки «души Серебряного века», Анны Ахматовой. Иной тональностью отмечены стихи на тему «святого братства душ»,

где эйфорическое единство взглядов, пристрастий, мировосприятия проецируется на энергию пиршественного застолья («Куывды» — «На пиру»). Новый уровень осмысления человека и бытия связан в лирике последних лет с активным обращением Е. Кочиевой к библейским мотивам и аналогиям в их экстраполяции на современность («Алцы на ахсы зонд...» — «Не все уму подвластно...», «Хъысмæт» — «Судьба»). Самобытность поэтического видения, искусство воплощения в слове трепетного и неуловимого настроения, философская апелляция к национально-мифологическим архетипам и общекультурным символам, варьирование смысловыми оттенками и стиховой мелодикой, безупречность рифмы и ритма позволяют говорить о поэзии Е. Кочиевой как глубокой и неповторимой.

Перу Станислава Кадзаева (1955) близки сатира и юмор, поэт блестяще пользуется ими в качестве орудия обличения человеческих недостатков и пороков общества («Хуыцау ама хуцау...» — «Господь и господин...», «Ацы цард мын зинау...» — «Эта жизнь мне, как дух несчастья...», «Йæ асæй йæ фæндъид уæлдæр...» — «Хотел быть выше головы своей...», «Æмбисонд» — «Притча», «Æййи! Æз базыдтон кæддæр-уæддæр...» — «Вот как! Узнал я наконец...» и пр.). Удачны его обращения к жанру литературного парадокса, игре смыслами («Нæ фæтчы уæлмæрдтæй хæссын» — «Не уносите ничего с кладбища», «Кæсаг нæ зоны ленк кæнын...» — «Не может рыба плавать в речке...», «Мамысоны ма мысон...» — «Мамисон не помнит мне...», «Æрра царгæс» — «Безумный орел»). Талантливо интерпретированы также мотивы героического эпоса осетин («Сосланмæ» — «Сослану», «Уæууæй, Сослан, цытæ хæссыс дæ сæрма?...» — «Ой, ой, Сослан, как же

ты не гнушаешься этим?..», «Нартхор» — «Кукуруза»). Лиризм — ещё одна грань таланта автора. Поэзия труда и природы в стихотворениях «Трава густа, как шерсть овечья...» («Фысы хъуынау ныббæзджын кæрдæг...»), «Зимняя зарисовка из детства» («Зымагон ныв рагбонтæй»), «Эта ночь — вся во власти сверчков...» («Ацы 'хсæв цъыр-цъырагтæн — сæ бар...»), «Какая морось...» («Цæй лыстæг у уарын...»), «Березы» («Бæрзытæ») и пр. полна загадочной непостижимости и одновременно — зримой образности, обращая нас к размышлениям об укорененности человека в природном мире и на отчей земле.

Хрустально-чистым перебором музыки стиха, изящным совершенством формы высказывания пленяет лирика **Альберта Кодоева (1956–2016)**. Поэт воспроизводит живую жизнь в её переменчивости, в смене настроений, во взаимопересечении ударов и улыбок судьбы. За сдержанной безыскусностью разговорных интонаций скрывается серьёзность постижения и мудрое приятие автором несовершенства времени и всего того, чего избежать не дано: метаморфоз любви («Сылгоймагыл куы фæтых вайы уарзт...» — «Когда любовь над женищиной одержит верх...», «Кæм дæ агурон ныр?! Мæ цæстытæ?.. Мæ зонды?..» — «Где мне искать тебя нынче?!», «Мæ сæфт цæстырухс, ма ма фæрс ма цардæй...» — «Развеявшийся свет моих очей, не спрашивай меня о жизни...» и пр.), бремени возраста («Цæуыны æма цæуыны ма удафцæгыл азтæ...» — «Идут и идут по ущелью души моей годы...»), натиска времени и обстоятельств («Кæс-ма, куыд сонт у бон, кæс-ма, куыд сæрра рæстæг!..» — «Смотри-ка, как порывист день, смотри, как безумствует время!..»). Постоянная нота элегической печали сопро-

вождает переходы лирического героя от безысходности к надежде, от ощущения трагичности бытия к утверждению света жизни, от жажды любви к её отрицанию, от слёз разочарования к ироничному подтруниванию над собой. Поводом к последнему может стать, например, сомнительное «изобилие» жизненных удач и творческой продукции либо понапрасну взлелеянное в душе одиночество («лучше б вскормил я поросёнка»). Победным гимном любви и жизни может звучать каждая строчка стихотворения автора («Хуры тын, раст дæ...» — «Солнца луч, прав ты...»), а вслед за этим явятся настроения смирения, капитуляции перед непостоянством нрава любимой, перед контрастом ее красоты и внутренней сути — воплощения «тысячеликого греха» («Цыдæртæ арвы риуыл, хъавгæ...» — «Что-то на неба груди осторожно...»). И, заметьте, во всем этом — никакой позы, ни малейшего налёта фальши. Особую атмосферу, расширяющую текстовое пространство лирики А. Кодоева, создает также апелляция к ключевым понятиям осетинской ментальности («Цыдæр та рæстæджы æрфæндыд...» — «Что-то время опять возжелало...» и пр.).

В русле традиций элегического романтизма развивается поэзия **Казбека Мамукаева (1956)** на двух вариантах осетинского языка — иронском и дигорском. Для художественного мировидения автора характерны оригинальность и новизна образов: «слезинок-бусинок» любимой, нанизанных на нить души лирического субъекта («Æз дын дæ цæсты сыг æруидздынаен цæппузыр-гай...» — «Я, словно бусинки, слезинки собираю твои...»), души-гнездовья тоски («Æрхун» — «Тоска») и души окрыленной («Рахауд бæласæй сыфтæр...» — «Упал с дерева лист...»), косынки

из солнечных лучей («Ходæзмолæ уæд дæ цасти...» — «Улыбка будет пусть в твоих глазах...»), коня-хворостинки на метле-привязи («Сонтадæ» — «Релячество»); свои неповторимые краски вносит он и в интерпретацию уже известных в мире поэзии мотивов («монолог чистого листа», музыка «лунной сонаты»). Поэт выводит очаровательный мир детства («Æрцыдтæн дæм, мæ сабидуг, æрцыдтæн...» — «Вернулся, детство, я к тебе, вернулся...»), умело использует реминисценции из мифологии осетин («Фæтаыхыц хърихъунпытæ...» — «Улетают журавли...»). Более поздний этап лирики К. Мамукаева отмечен разработкой религиозно-философской темы в аспекте просветительского дидактизма («Æфстау зынгæй нæ судзы пецы арт...» — «Одолженным угольком не разжечь огонь в печи...» и пр.), синтезом поэтического и сакрального дискурсов («Фæстаг рындз» — «Последняя высота», «Сæрд» — «Лето» и пр.). Творческой манере автора близка метафорическая образность и поэтика ассоциаций А. Царукаева («Мæйы сонатæ» — «Лунная соната», «Заххон цин» — «Земная радость», «Мæ рауфынтæ» — «Мои легкие сны»); дигорские же стихотворения сочетанием мрачного колорита и эмоционального напряжения более отвечают мироощущению так рано ушедшего из жизни О. Гибизова («Зæрдинези едæгти инсойна...» — «Точило корней сердечного недуга...», «Цъæх ма йæй мæ исони сау зин...» — «Еще свежа вчерашняя моя черная боль...» и пр.).

Основные аспекты творчества **Энвера Хохоева (1956)** — привязанность к родной земле и людям, на ней живущим; следование заветам предков как основе духовности нации; сила материнской любви и память о ней («Фæрдгути баст» — «Нить ожерелья», «Кæ-

ди-майди...» — «А вдруг...», «Цирагъ» — «Лампа», «Кæддæр æмæ нур...» — «Прежде и теперь»). Тема любви — сквозная в лирике автора — включает фрагменты ярких юношеских воспоминаний («Æримисун...» — «Вспоминаю...» и пр.), грезы и опасения влюбленности («Æргом-æргомæй...» — «Открыто-откровенно», «Лæхъуæни сагъæс» — «Смятение юноши» и пр.), нюансы состояния, метафоризируемые как искры над пеплом любви («Цума...» — «Будто...», «Æнæнгæлæги хæрхæмбæлдæ» — «Неожиданная встреча», «Кæддæр дæбæл фембæлинаæ...» — «Когда-то, тебя встречая...» и пр.), осознание ошибок юности, позднее раскаяние («Мегъæ» — «Облако» и пр.). Особое место в поэзии Э. Хохоева принадлежит олицетворенной природе. Это и дарительница изобилия — осень («Фæззæги зар»), и образы молоденьких березок в накинутых на плечи рукой Матери-Солнца легких узорных шалях («Дууæ бæрзи» — «Две березки»), смена ночи и дня («Сæумигон» — «Рано утром»). Музыкальны и живописны его пейзажные зарисовки («Этюд», «Æрæгвæззæг» — «Поздняя осень»). Не обойден автором и традиционный вопрос о роли поэта и поэзии. Творчество для Э. Хохоева — «крик сердца», стихи, по его мнению, сродни рождению ребенка («Зæрди гъæр»). В груди лирического героя скопилась масса впечатлений и тем, ждущих благоговейного отклика; он весь в поиске чудодейственных слов, которые помогли бы поднять столь ответственную ношу («Æнæлухгонд хæрхæ хинцуйнагта» — «Нерешенных множество задач»), несли бы миру, как в половодье, потоки любви. Философские размышления автора о сути и предназначении поэзии выливаются в развернутую метафору: может быть, вопрошает он, наша жизнь есть большая непрочитанная книга, и все

мы в ней — строки, вписанные — кто наспех, а кто — навечно («*Анакаст киунуга*» — «*Непрочитанная книга*»). К последним автор относит безвременно ушедшего в мир иной Оскара Гибизова, посвящая ему стихотворение-реквием «*Дивная лира поэзии*» («*Поэзий арггау лира*»). Если же стихи не способны задевать струны души, то перед нами не поэт, а версификатор; с такими приходится расправляться сатирическим пером («*Рифмайбийаг Тазарет*» — «*Рифмоплет Тазарет*», «*Финсаг Хьурман*» — «*Писатель Курман*» и пр.). Оружием сатиры умело пользуется Э. Хохоев и в обличении общественных пороков: приспособленчества, лицемерия, карьеризма, дефицита чести и совести. Удручающей метафорой исторического беспамятства обозначены в стихотворении «*Башня*» («*Маусуг*») повязки из мха (плесени), наложенные временем на боевые раны башен, и дикие голуби — нынешние их обитатели. Пронзительно-щемяще звучит монолог заброшенного Дома, доживающего свои дни в мертвой зоне одиночества, в воспоминаниях о былом полнокровном и динамичном существовании («*Аэдзараг хадзари гузава*» — «*Смятение нежилого дома*»). Успешен автор и в жанре притчи, персонажи которой чаще всего предстают как персонификация двух мировоззрений, двух точек зрения на жизнь («*Цгимара ама Сауадона*» — «*Болото и Родник*», «*Уаггали ама кьандзаг*» — «*Шиповник и репей*») либо как воплощение формулы высшей справедливости («*Дууа магури*» — «*Два бедняка*»). Поэта волнуют контрасты и метаморфозы бытия («*Цгяхгон арвбаел, хорзарийна...*» — «*В синеве неба, солнце красное...*» «*Ехуард*» — «*Град*», «*Контраст*»), проблема возраста как биологическая и социальная категория («*Байраг аензта*» — «*Годы-стригунки*», «*Уа,*

ма аензта, тахга цьеутау...» — «*О, годы мои, словно птицы...*») и пр. жизненно важные явления. Наряду с этим в лирике Э. Хохоева заметны самоповторы, элемент избыточной дидактики, неоправданной детализации внешнего описания.

В творчестве поэтов-ровесников Т. Догузова, М. Джусойты, В. Колиева, Э. Скодтаева, Р. Фидарова, Р. Цомаева — при всем различии в приемах создания образа, в способах изображения внутренней жизни — обнаруживается некое единство. Оно проступает в тематических пристрастиях: в обличении бездуховности современного общества, жажды наживы и холодного расчёта; в репрезентации вечных образов любви, природы, родины.

Мотивы патриотизма, истоков духовности, ценности родного языка, мирной жизни доминируют в поэзии **Тенгиза Догузова (1959)**. С затаенной болью создаются им образы запустения и ожидания (брошенные наспех игрушки в заросших паутиной домах, собаки с впалыми боками, беженцы в неуют чужих углов) — горькие порождения современной войны («*Хасты фаастайы нывта*» — «*После войны*»). Важную роль играют в творчестве автора различные аспекты темы природы: восхищение красотой родного края («*Уалдзаг. Хьады кьохы*» — «*Весна. В лесной роще*», «*Хяхбаеста*» — «*Нагорье*», «*Дыгургомы*» — «*В Дигорском ущелье*», «*Сардыгон ахсаев*» — «*Летняя ночь*»), сочувствие к природным созданиям, описание их трагически окрашенных переживаний («*Авдудон баэрз*» — «*Живучая береза*»). Своя особая тональность присуща также стихотворениям Т. Догузова о любви («*Байгом каен да сусаета, да цин...*» — «*Открой свои секреты, свою радость...*», «*Денджызы фаеленк каены ма нау...*» — «*По морю*

плывет мое судно...», *Мае уалдзаг мае фæцæуы...*» — «Весна моя уходит от меня...»). Авторской удачей можно считать, в частности, семантику безмолвия вдвоем у домашнего очага и звуков полуночной песни — реаниматора угасающих чувств («*Фæззыгон изæры катый*» — «Осеннего вечера тревога»).

По-настоящему хороши пейзажные зарисовки **Марата Джусойты (1959)**.

В тесной соотнесенности с психологическим состоянием человека («*Зымæгон ирдгæ*» — «Зимняя стужа», «*Зымæгон фын*» — «Зимний сон», «*Уалдзаджы комытæф ахæлиу зæххыл...*» — «Дыханье весны разошлось по земле...», «*Тары уары къæвда...*» — «В кромеиной тьме струится дождь...», «*Рог зæрватыкк цъывыттытæ ласы...*» — «Проворная ласточка быстро проносится...»), с его внутренней жизнью («*Уазал тар æхсæв ыскарз...*» — «Студеная зимняя ночь вступила в свои права...», «*Хъæуон æхсæв*» — «Ночь в селе», «*Бæрзонд цъæх арвы рухс...*» — «Высокого неба свет голубой...») они репрезентируют идею ответственности за «братьев наших меньших» («*Ныццавон зæххыл уад мае худ...*» — «Брошу тогда шапку оземь...», «*Ивæзы пъæззыау цъæх мигъ...*» — «Тянется серая туча кошмаром...»). Как мощный фактор надежд и духовной стойкости лирического героя выступает тема преемственности поколений с акцентированием в ней мысли о «контролируемости» прошлым («фарном предков») настоящего («*Райгуыраен бæстæйы мотивтæй*» — «Из мотивов родины»). Ещё одна доминантная тема творчества М. Джусойты — детские впечатления как основа формирования ментально-ценностных структур характера («*Ногбон*» — «Новый год», «*Мае фæллад зæрдæ та мае райгуыраен къуымæ...*» — «Усталое сердце вновь к родному порогу...», «*Рагамонд*» — «Бы-

лое счастье» и пр.). Остро звучит мотив запустения отчего крова («*Сау æгомьг къæдзæх...*» — «Черная безмолвная скала...», «*Ныдзавыны арвы ривæд мигътыл фæхстæ...*» — «Касаются склоны в небе праздных туч...»), забвения материнского языка («*Фыдæл бæстысæфт байæфта, фыдбон...*» — «Предков постигло несчастье, великое горе...») — тревожных и постыдных симптомов утраты нравственно-исторической памяти. Разнообразна стилевая палитра М. Джусойты: рядом с философско-аллегорической образностью («*Фæлладæй дысон ахæм фын уыдтон...*» — «Уставшему мне ночью снился сон...», «*Мæйдар æхсæв...*» — «Безлунная тёмная ночь...», «*Кæркуасенты*» — «В полночь») присутствует острая сатира на тему последствий преступного равнодушия и бездействия («*Бонвыддæр*» — «Деградация»), выхолащивания сакральной сути обычаев и традиций («*Дзуары бон*» — «Святой день»); элегические ноты любовной лирики («*Фыццаг къæвда*» — «Первый дождь», «*Чидæр талынджы зары...*» — «Кто-то поёт в темноте...», «*Талынг уæзбынаей æрæнцад мае къæсы...*» — «Тьма в доме моём обосновалась...», «*Зæрддырох дæр цы курон...*» — «Просить забвенья стоит ли...» и пр.) соседствуют с живой фантазией строк, адресованных детской аудитории («*Раджыма-раджыма...*» — «*Давным-давно...*» и пр.).

В лирике **Виталия Колиева (1959)** актуальны мотивы недовольства собой, обострённое чувство как собственно творческого кризиса («*Нæй мае бон исфæлдесун мае гъуди...*» — «Нет сил изложить свою мысль...»), так и социально-экономического коллапса общества («*О, ци догæ æристадæй...*» — «О, что за эпоха настала...» и пр.). В целях усиления эмоционально-смыслового содержания высказываемого автор обращает

ся к традициям народной песни-плача и песни-призыва, успешно использует стилистику кадага, фрагменты фольклорных сюжетов, отсылающие читателя к острым конфликтам современности («О, *Ана, сау сарбæттæн ниббæдтæ...*» — «О, матушка, черным платком повяжись...», «*Мади гъарæнгæ*» — «Плач матери» и пр.). Стихи В. Колиева демонстрируют лаконичность образного высказывания, умение заключить важную подтекстовую информацию в притчевые структуры («*Мæ зар, мæ реуи сонт æвзарæ...*» — «Песня моя, росток души моей...», «*Бæх æмæ хæрæг*» — «Конь и осел», «*Лæгæти*» — «В пещере», «*Тала æма сæгъæ*» — «Побег и коза»). Интимная лирика его содержит многообразие оттенков и вариаций темы любви («*Фæндараст! Дæ фæсте нæ кæсун...*» — «В добрый путь! Провожать тебя я не стану...», «*Æртæхтæ*» — «Капли», «Сонет» и пр.), чаще всего описываемой через метафорическое сравнение с феноменами природы («*Фæззинуй æрвæрони цахæртæ...*» — «Появляется пламя на горизонте...», «*Фæстаг тунае рагъбæл исусуй...*» — «Последний луч на гребне тает...»).

Стержневые темы творчества **Эльбруса Скодтаева (1959)** — время и мир, человек и природа. Его поэзия ориентирована на обрисовку межличностных проблем в контексте критики социальных сторон жизни. Олицетворением мерзости застойной жизни выведен образ болота, в которое лихо («на седле безмятежной радости») въезжает субъект лирического высказывания («*Цъимара*» — «Болото»), итог подобной, прожитой впустую, жизни — словно туманная дымка на исходе дня («*Фæлмаæ*» — «Марево»). Но чаще застойным симптомам в обществе сопутствует контрастное отображение динамики природного бытия. При этом обрисов-

ка дисгармонии в отношениях человека и природы (цикл «*Лухгонд къалеутæ*» — «Обрезанные ветви») неотделима у Э. Скодтаева от поиска путей ее преодоления, от актуализации идеи единства всего живого на земле («*Æхсæвариндзæбæл...*» — «Ночь на выступе скалы...», «*Изæр Хусфæрæки*» — «Вечер в Хусфараке», «*Сурхæхседи хъумацбæл...*» — «На ткани вечерней зари...», «*Уоди зар*» — «Песнь души», «*Бамæтава, уæла хор...*» — «Пригрей меня, о солнце...», «*Сæумаæ — хуæнхбæсти...*» — «Утро в горах» и пр.). Необъяснимой прелести полны описания времен года («*Рагуалдзæг*» — «Ранняя весна» и пр.), диалоги «субъектов» природного мира с автором и между собой («*Арвай дзоруй фæлорс мæйæ...*» — «С неба взывает бледная луна...», «*Бадуй ма тар мегъæ...*» — «Еще стоит туман...», «*Хæссуй кезу æхсæваæ...*» — «Ночь несет вахту...»). Стихотворения данной тематики отличает пружинистость и легкость ритма, предрасположенность к полутонам и размытым краскам, к воспроизведению порубежного статуса природы, что, несомненно, является способом выражения лирического «я» и, надо полагать, особенностью мироощущения самого художника [11, 77]. Актуален в лирике Э. Скодтаева и мотив духовного одиночества («*Ирд цаæсти суг*» — «Прозрачная слеза» и пр.). Балладой о памяти можно назвать стихотворение «Тогда...» («*Уæд...*») с вкраплениями негармоничного диалога, с милым образом-видением матери, сменой душевных состояний и переживаний лирического героя, спецификой поэтического хронотопа, объединившего три поколения одной семьи (мать — сын — внук). Видное место в творчестве автора занимает тема взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Она представлена многоаспектно: как

любовь-мираж («Цидæр зиннуй идарди...» — «Что-то виднеется вдали...», «Гъæрæй ходгæй...» — «Громко смеясь...», «Æрсалдæй мæ къæразæ...» — «Примерзло мое окно...»), любовь-зыбкая надежда («Æрхунæй мæлун» — «От тоски погибаю»), любовь-разрушение («Сауæдони билгон...» — «У кромки родника...», «Дидинæги карз хор ку ниууарзта...» — «Цветка полюбило палящее солнце...»), любовь-капкан («Кумин иссæй еу нез æваст дууæ нез...» — «Моя болезнь удвоилась внезапно...») и пр. Каждая из поведанных историй «снабжена своим эмоциональным фоном, собственным комплексом чувств и порывов, таких как восхищение, благодарность, поклонение, нежность либо — страдание, досада, унижение и даже ненависть. Но чаще, всё же, любовь в изображении автора — светлое, одухотворяющее нравственное начало, источник духовного богатства личности, желающей обрести гармонию с собой и миром» [12, 71].

Стихи **Руслана Фидарова (1959)** привлекают образностью и отточенной афористичностью языка, размышлениями о неприятии счастья «взаимы» («Нæ кæнын дызæрдыг...» — «Не подвергаю сомнению...»), о неумолимой поступи времени и оценке «нажитого» («Æхсæв иунагæй» — «Ночь в одиночестве», «Мигъта хурæй давныц...» — «Тучи обкрадывают солнце...», «Уафы зарин хур йæ тын лыстæг...» — «Солнце золотое луч свой тонко ткёт...»); лёгкость ритма в них соразмерен простоте выражения чувств («Фыр диссагæй — хуымæтæг...» — «Скромна и хороша — на удивление...», «Арвыл мæй фæдзæгъæл и...» — «На небе месяц заплутал...» и пр.). Вызывают интерес внутренне антиномичные смыслы философствования автора на тему древних могил («Зæронд уæлмæрд, æнæном цырт...»

— «Старый погост, надгробный камень безымянный...»), легендарного времени нартов («Уйдис бæрзонд æфсæн гæнах...» — «Был замок высокий железный...») — «стражей жизни» на земле и соперников небу, оставивших яркий след в сознании и мировосприятии осетин. Поэтическим мифотворчеством на фоне звездного неба и забот-хлопот дочери Солнца отмечено небольшое, «ажурной вязи» стихотворение-фантазия «Поутру» («Сæумæ»). Совсем в другом — трагедийном — ключе созданы интонационно и ритмически выверенные строки про боль Беслана («Сау хъысмæт та ныл йæ тыхта æвзары...» — «Черный рок одолеть нас пытается вновь...»). Это траурный реквием, в котором сила переживаний людей подчеркнута отрицательно окрашенными эпитетами («сау хъысмæт», «судзаг цæссыг», «æвирхъауы ран»), мотивами немоты («Абон Бесланы раз цъиу дæр нæ зары, / Никаæцæй хъуысы ныхас») и окаменения («цавддуртау адæм», «дурæй у зардæ», «дуртæй кæндзыстæм мæсыг»). В целом, образ Беслана — памятника «посреди мира» детям-жертвам террора репрезентирует специфику лирического хронотопа как остановившегося в пространстве мировой скорби времени.

В творчестве **Ростислава Цомаева (1959–2015)** основное внимание уделено диалектике жизни и любви, различным оттенкам эмоций и настроений человека. Интимная лирика автора ориентирована на традиции устной поэзии в передаче потаённых чувств («Сусæг уарзт» — «Тайная любовь», «Дыууæ изæры астæу...» — «В сумерках...», «Æрбалæууыд ногæй мæ къæсæрыл бон...» — «Вновь день на пороге...», «Бæстæ у æрхуым, фынæй...» — «Мир опечаленный в сон погружен...» и пр.).

На стыке эпох наблюдается активизация «женской» линии осетинской

лирики, перспективное направление художественного поиска в ней связано с именами **Эльзы Кокоевой (1957), Нелли Гогичевой (1968), Наиры Накусовой (1978), Залины Басиевой (1980)** и др. — репрезентантов разных поколенческих групп, поэтических темпераментов и стилевых доминант. В их творчестве естественны переживания любви, красоты природы, человеческих отношений. Таинственного очарования преисполнены стихотворения-этюды Э. Кокоевой с их особой свежестью и новизной мировосприятия («*Зымагон ныв*» — «*Зимняя зарисовка*», «*Уалдыгон хъауы*» — «*Весной в селе*», «*Уыд царыл ауыгъд...*» — «*Висел на потолке...*»). Волшебный удивительный мир открывается в образцах фантазийной лирики З. Басиевой; человек в них, подобно представлениям древних, составляет единое целое со всем сущим, органически вписан в природу. Его равенство среди всех подчеркивается беглым и динамичным перечислением жестов-деяний: пари с солнцем, участие в «горном» совете, наставничество в отношении своего «подшефного» — водного потока; роль кумы, предрекающей счастье крестнику — голубиному птенцу («*Амонды дзæнгæраг*» — «*Звоночек счастья*»). Необычны и художественно неожиданны образы мудрого гриба-сказочника из этого же стихотворения и корабля-звездолета, снаряжаемого в далекий путь с миротворческой миссией «всем миром» — всевозможными объектами олицетворенной природы («*Нау*» — «*Корабль*»). Частью природы ощущает себя и лирический герой Н. Накусовой, проводя параллели между звездным небом и собственными переживаниями («*Стъалыйы кæуын*» — «*Плач звезды*»), шагая по жизни «рука об руку» с солнцем — и под его благословением («*Хур*» — «*Солнце*»);

для стихотворений данной тематики характерно подспудное присутствие в них человека как духовного центра Вселенной; мерилом ценности природных явлений может выступать, например, способность зажигать улыбку ребенка («*Саби худы*» — «*Дитя смеется*»), сметать с лица земли фальшь и злобу («*Мит*» — «*Снег*»); подлинной художественной находкой автора является вектор заданного по вертикали «обратного» направления: черные слезы земли льются на небо, на лазурную твердь — снизу вверх — выплескивается горе и страх нарастающего катастрофизма жизни («*Зæххы рыст*» — «*Боль земли*»). Аналогом человеческой судьбы в стихах Ф. Хадиковой выступают времена года, отсюда — тяга к их символической метафоризации («*Цæмаен кæуы...*» — «*Отчего плачет...*», «*Æз рагуалдзæг нæ бакодтон мæ хуым...*» — «*Ранней весной я поле свое не вспахала...*» и пр.).

Богато представлены в женском дискурсе аспекты и стилистика любовной поэзии: ее чувственный накал (Э. Кокоева), возвышенный романтизм (Н. Накусова), элегические настроения (Ф. Хадикова, З. Басиева), намеренный прозаизм (Н. Гогичева) и пр. Утраченное доверие и бескомпромиссность на грани гордыни — мотивационная основа сознания субъекта лирики Н. Гогичевой («*Сафгæ æмæ сафгæ!...*» — «*Терять так терять!...*», «*Æгайтма дæ æхгæдзæрдæ, сæрыстыр!...*» — «*Отлично, что ты горд и скрытен!...*», «*Сыгъдæг уарзтыл дæ таурагътæ нæ уарзын...*» — «*О чистой любви твои рассказы мне неприятны...*», «*Рарвит мын мæ зæрдæ*» — «*Вышли мне мое сердце*» и пр.); «на семь засовов» замкнуто девичье сердце, но вот парадокс! — ключ не выброшен, а оставлен «на вечную память» («*Нал дæ уынын фыны...*» — «*Не вижу во сне тебя более...*»). Из этого же ряда — ис-

кусное лицедейство как элемент игры и/или защитный механизм от психологических травм («*Эз кай уарзын*» — «*Я кого люблю*», «*Дæ нуазæн*» — «*Твой бокал*», «*Кæлæнгæнаг*» — «*Маг*» и пр.). При некотором избытке бытовизма и небрежности в технике стиха, произведения автора, безусловно, подкупают простотой и искренностью передачи эмоций и настроений («*Эз цардæй ацæуин...*» — «*Я бы оставила жизнь...*» и пр.), создавая образ целомудренной и чистой души, жаждущей сочувствия и понимания («*Хæрзбон, мæ фарон*» — «*Прощай, мое прошлое*» и пр.), но не склонной идти на компромиссы («*Мæ ахуыр ивынмæ нæ хъавын...*» — «*Не собираюсь изменять себе...*», «*Ныббар мын, кæд дæ нывыл карст нæ фæдæн...*» — «*Прости, если я на тебя не похож...*»). Последующая эволюция творческой манеры Н. Гогичевой, если не принимать во внимание эстетическую малоубедительность мотива фатальности в сфере устройства личного счастья («*Дæхи мæ хиз*» — «*Остерегайся меня*», «*Нæ фæнды мæн*» — «*Я не хочу*» и пр.), связана с аналитизмом в способах передачи мысли и наращиванием психологической доминанты. Автор ставит, в частности, проблему «трудноподъемной любви», требующей от человека напряжённой работы души («*Хуыцау мæнæн æнæмæлгæ уд радта...*» — «*Бог дал мне бессмертную душу...*»); философия отношений между мужчиной и женщиной, как и смысла жизни в целом, строится на понимании дисгармоничности мира, его разрушительности, финальности. Поздний пласт лирики автора выводит нас к идее преодоления означенной ситуации через живой союз с Богом. Стихи духовно-нравственного плана Н. Гогичевой отличаются, интимно-доверительными интонациями, ощущением особой эмоци-

ональной близости Бога («*Кæй уарзын æз мæ цардæй дæр фылдæр...*» — «*Кого люблю я больше жизни...*», «*Дæ фарцы æз нæ амардæн...*» — «*Я жив благодаря Тебе...*», «*Эз фæдтон фын, куыдтай Ды мæмæ иумæ...*» — «*Мне снился сон, со мною вместе плакал Ты...*» и пр.). Ввиду сказанного несомненный интерес представляет не затронутый доселе в отечественном стихотворстве поворот темы поэта и поэзии, в котором — упрек большому мастеру: будучи обладателем божественного дарования, он так и не познал Господа, своего благодателя («*Поэт*»). Идея почитания Творца присутствует и в «Трёх спасибо» («*Æртæ бузныджы*») Н. Накусовой. Обратим, однако, внимание на иерархию святых в жизни лирической героини: в одном ряду с именами Бога-Отца и родной Матери возносится хвала возлюбленному («*Тебе, с кем мой мир не был пуст никогда*»). В целом творческому почерку автора присуща поэтизация неразделенного чувства («*Æрра романтик*» — «*Безумный романтик*», «*Æнкъард фын*» — «*Безрадостный сон*», «*Абон маст мæ зæрдæйы ныккалди...*» — «*Сегодня горечь пролилась в мое сердце...*», «*Нæ зонис уарзын*» — «*Не умеешь любить*» и пр.), восхищенное преклонение перед объектом любви («*Хæлæг кæнын*» — «*Завидую*», «*Дыууæ диссаджы*» — «*Два чуда*», «*Кæсгон кафт*» — «*Кабардинский танец*» и пр.). Естественностью разговорных интонаций, сдержанными сетованиями на судьбу и робким призывом удачи располагает к себе лирика Ф. Хадиковой («*Уалдзæг*» — «*Весна*», «*Мысынаг*» — «*Воспоминание*» и пр.). Нота жертвенной любви и гуманизма звучит в стихотворениях З. Басиевой («*Уæддæр нырма мæ зæрдæ риссы...*» — «*Все еще болит мое сердце...*» и пр.). Неизбывная память сердца — вот ракурс, с которого в творчестве Э. Кокоевой

рассказывается история счастья и трагедии любви как высокого идеального чувства («Кадæг» — «Сказание», «Лæгъстæ» — «Мольба», «Æмæ та ног...» — «И вновь...»). Стихи поэтессы, посвященные спутнику жизни, писателю А. Гучмазты, впишутся отдельной страницей в осетинскую интимно-психологическую лирику. В них — мука и боль покрытого порезами сердца, пронзительный крик невосполнимой утраты («Тар...» — «Тьма...», «Хал халæн æххуыс у...» — «Нитка к нитке...» и пр.). Особой эмоциональной остротой отличается стихотворение-монолог «Алешу» («Алешмæ») с трехчастной рамочной композицией. В народных традициях плача-причитания высказывается укор погибшему в «равнодушии» к доставленной им боли, звучит истовая мольба вернуть любимой женщине радость жизни, а детям — отцовскую заботу. Во второй части монолога убитая горем мать вверяет осиротевших детей святым покровителям отчизны, за чью свободу и счастье сложил голову их отец. На фоне рефрена-заклинания («О, ма дыл фæтых уæд фыдгулы/ызнаджы фыд-зæрдæ») следуют смертельные проклятья злейшим врагам — убийцам сынов Осетии. И завершается стихотворение как бы затухающим эхом начального вопроса «почему?», — но уже с семантикой осознанной безысходности. Тяжелое душевное состояние лирической героини, неизбывная тоска и отчаяние передаются характерными средствами синтаксиса. Это междометия, восклицания, анафора («О, ма мæ фæкаен ды...», «О, ма мын/дыл...»), цветовой (сау — урс, сау — сырх) и эмоциональный контраст (зæрджытæ — сар), резкие, энергичные концовки фраз, многоточия, атрибутивная градация («зæрдæсаст, зæрдæдих, зæрдæскъуыд»). В фольклорном духе выдержаны

угрозы цветущей весне, аллегория падающей башни («О, ма мын æрызгъал мæ уæлæ/Мæ цинты цъæх мæсыг»), поражающих стрел справедливости («О, уас сын мæ цæссыгтæ/Фестæнт цъæх арвыл æрцытæ!/Мæ Иры цыфыддæр ызнагтыл/Æркалæнт зынджытæ...»), сгоревшей свечи-жизни. В поэтику фольклора автор вносит свои акцентные коррективы, яркие запоминающиеся мазки, свежее поэтическое дыхание.

Осетинская женская поэзия, как, впрочем, и поэзия всего Северного Кавказа, реализует художественный потенциал не только в осмыслении вечных проблем любви, красоты и гармонии интимно-личных отношений, а и в раскрытии сложных, трагических моментов бытия народа, каузированных социально-политическими изменениями в современном обществе [13]. Унаследовав традицию гражданственности у своих немногочисленных предшественниц, поэтессы Осетии освещают болевые точки эпохи с позиций «слабого пола», ответственного за существование цивилизации «с человеческим лицом». (В этом плане небезынтересно соотнести качество жизненной активности субъектов высказывания северокавказского «женского» письма с нюансами гендерного поведения в литературах Запада («жест ухода», понятие «добровольного рабства» и пр. [14].)

Надо заметить, в сравнении с засильем рифмованных лозунгов в осетинской поэзии в отдельные периоды ее бытования, произведения патриотической направленности, в том числе и в женском творчестве, претерпели ныне значительную трансформацию. В целом характерная черта их сегодня — сочетание эмоциональной выразительности с убедительной глубиной и простотой выражения чувств. Так, Осетия для Э. Кокоевой — окрыляющее вдохнове-

ние, солнечный свет и тепло, рождение первых слов и первой улыбки, но и глубокие раны сердца; это родина-сказка, без которой нет жизни («*Мæ Ирystон*» — «*Мой Ирystон*», «*Æнæ дæу*» — «*Без тебя*»). С каким-то безысходным отчаянием задаются поэтессой вопросы о лихом времени, о муках матери-осетинки и трагизме судьбы «вскормленных для кровавой бойни» сыновей («*Хаст хъæбултæ*» — «*Отнятые дети*»), но следом звучит выстраданное, идущее из глубин души, благословение новой поросли, вера в будущее рожденных «вне войны» («*Царды фыдтухитæ, царды кæлæн митæ...*» — «*Мучения жизни, жизни зло...*», «*Ма ку...*» — «*Не плачь...*»). В плане внутренней формы и содержания объемны стихотворения З. Басиевой. В них как бы спрессованы ключевые проблемы века: оплата долгов прошлого, неприкрытая внешняя агрессия, рыночная торговля званиями и наградами, забвение понятий чести, совести, доброты помыслов, этических традиций прошлого («*Цы у нæ дуг?*» — «*Что есть наша эпоха?*») развенчивается снобизм людей ложных заслуг и фальшивого нравственного капитала («*Мæ хæлар, æз демæ нæ кæнын хæснаг...*» — «*Пряатель, с тобой я биться об заклад не стану...*» и пр.). Переключка с обличительным пафосом осетинской классики, поэзией К. Хетагурова и Нигера, различима уже в номинативных и стилистических компонентах стихотворений Н. Гогичевой («*Кæм дæ, нæ фыййау*» — «*Где ты, вождь наш*», «*Нæ фыдаелтæ нæм сидыни*» — «*На зов предков*», «*Сæрибар*» — «*Свобода*», «*Нæ хицауттæ*» — «*Наши властители*» и пр.). Но поэтесса вкладывает в них собственное, выстраданное прозорливым предчувствием войны, содержание. Тема грузинской агрессии и ее трагических последствий осмысливается ею

многоаспектно: в стихах-восхвалениях во славу родины и ее защитников («*Мах бирæ стæм!*» — «*Нас много!*», «*Нæ Иры лæппутæн*» — «*Юношам Осети*» и пр.), в стихотворениях-плачах («*Лыгъдон*» — «*Беглец*», «*Куыннаæ кæуон*» — «*Как мне не плакать*»), в инвективах, развенчивающих ложный патриотизм и равнодушие к судьбам родины («*Мæнг интеллигенттæн*» — «*Фальшивым интеллигентам*» и пр.). Вместе с тем в ее лирике проступают ноты христианского всепрощения, в том числе касательно статуса «пасынка жизни», предписанного автобиографической героине косной средой. Хотя надо заметить, тональность досадливого упрека все же сохраняется, обнаруживая живую связь переживаний субъекта высказывания с особенностями мироощущения уже не раз упоминаемого нами О. Гибизова («*Дуне нæ уарзы мæн...*» — «*Миру я не угодна...*», «*Куыд уарзтон дæу, мæ райгуыраен Ирystон...*» — «*Как я любила тебя, мой родной Ирystон...*»).

Еще одна, относительно новая грань женского поэтического дискурса — углубленная саморефлексия, философское «препарирование» природы человеческой души, внутреннего мира современника. Многие строки Н. Гогичевой пронизаны мыслью об отказе от суетного честолюбия, о культивировании в себе доброты и милосердия; в них — мольба к небесам даровать душевный покой, не дать заплутать под грузом жестоких обид и напастей («*Куыд уарзæм мах нæ уæлахизтыл дзурын...*» — «*Как любим говорить мы о наших победах...*», «*Ахау, дур!*» — «*Свались, камень!*», «*Хуыцау, зæххон цард æмæ тох...*» — «*Господь, земная жизнь и борьба...*», «*Цы сты фынтæ...*» — «*Что есть сны...*» и пр.). С призывом к человеческому сердцу победить в себе искушение злом обращается Н. Накусова («*Урс æмæ сау*

тыхтæ» — «Белые и черные силы»), на осуждении пораженческих настроений строится ее же «Я часто жаловалась на судьбу...» («Æз кодтон арæх хъаст хъысмæтæй...»). Как укоры собственному сердцу — напоминание о долге жизни, ее самоценности в стихотворениях Э. Кокоевой («Зæрдæ! Куыд хъыг дæ дæхмæ...» — «Сердце! Как на себя ты обижено...»), Н. Гогичевой («Цард царынаг у» — «Жизнь — для жизни»), («Иууыл кæугæ æмæ хъарæг...» — «Стенания и плач беспрестанно...») и др. Эти вот мотивы взыскующего самоинспектирования, психологизм в отображении «движения» женского ума и женской души плюс доверительный исповедальный тон и составляют, пожалуй, отличие «женского» стиля письма в гендерной парадигме осетинской поэзии.

Резюмируем сказанное. Поэзия как наиболее подвижная сфера художественного сознания динамично и по возможности полно позволяет обрисовать сложный разнонаправленный процесс идеологических оценок и эстетической репрезентации реалий жизни последних десятилетий XX века. В данной статье мы попытались в общих чертах проследить отражение осетинской поэзией атмосферы «начала конца» (годы перестройки) и последующего затем крушения социалистической системы в стране (распад СССР

и постсоветская эпоха). Как следует из материала исследования, приоритетными в эти годы стали идейно и политически острые темы. Чрезвычайную актуальность приобрели идеи патриотизма, территориальной целостности, сохранности родного языка и ментальных особенностей нации при неизменной обращенности авторов к общечеловеческим культурным ценностям и нравственным принципам. В ходе обзорного анализа выявлены характерные черты лирики означенного хронологического среза; это — проблемно-тематическое единство как фактор осознания духовно-нравственных задач современности, жанрово-смысловое разнообразие, отсутствие единых эстетико-стилевых норм и стандартов, активизация поисков своего голоса, ценностно-ориентированных подходов на базе национальной культурной традиции и с опорой на достижения российского и мирового художественного наследия.

Особое внимание, уделяемое в статье поэтической генерации 80-90-х гг., объясняется попыткой вписать (со значительным опозданием!) новые имена в литературный процесс, ввести в научный оборот ведущие мотивы и стилиевые черты их творчества; в конечном итоге — воспроизвести целостную картину поэтической мысли Осетии рубежа XX-XXI вв.

1. Мамиева И. В. Основные вехи развития осетинской поэзии: имена и тенденции // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22 (61). С. 120-139.
2. Джусойты Н. Г. История осетинской литературы. Кн. 1 (XIX век). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 332 с.
3. Иванова Н. Ускользящая современность. Русская литература XX-XXI веков: от «внекомплектной» к постсоветской, а теперь и всемирной // Вопросы литературы. 2007. № 3. С. 30-53.
4. Безаты Ф. «Лæджы нысан — сæрибар æмæ кад» (Джыккайты Шамилы сфæлдыстад скъолайы). Дзæуджыхъæу, 2014. 142 с. (на осет. яз.)
5. Бердыханов С. А. Отражение исторической памяти в национально-поэтическом сознании лезгин 1960-1980-х годов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 120-123.
6. Мамиева И. В. Мифолого-религиозные воззрения осетин: поэтика отражений // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: Материалы международной научной конференции. Элиста, 2009. С. 108-113.
7. Гончаров Г. А., Гончарова Е. А. История России: Учебное пособие. Челябинск, 2006. 395 с.
8. Мамиева И. В., Джикаев Ш. Ф. Осетинская поэзия // Антология литературы народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2003. Т. 1. С. 1062-1066.
9. Рамон Гомес де ла Серна. Избранное. М.: Худ. лит., 1983. 384 с.
10. Мамиева И. В. Вариации на тему женской судьбы: поэзия М. Будаевой // Вопросы литературы и фольклора. 2011. № 5. С. 77-97.
11. Мамиева И. В. Природа и человек в лирике Э. Скюдтаева // Известия СОИГСИ. 2010. № 4 (43). С. 136-149.
12. Мамиева И. В. Основные мотивы любовной лирики Э. Скюдтаева // Вопросы литературы и фольклора. 2010. № 4. С. 52-71.
13. Мамиева И. В. Женский дискурс в северокавказской литературе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 25. С. 68-74.
14. Марданова З. А. Тематизация насилия в «новой женской литературе» Австрии // Филология. 2016. № 4 (4). С. 29-33.

ИСТОЧНИКИ

К ИСТОРИИ РУССКОГО ТЕАТРА ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

К. Р. Дзалаева

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность»

Представленные документы характеризуют причины и условия возникновения Русского драматического театра во Владикавказе во второй половине XIX в. Материалы фондов Центрального государственного архива РСО-А и Научного архива СОИГСИ, подтвержденные сведениями театральной хроники местной периодической печати, раскрывают неизвестные страницы истории Русского театра, связанные с его возникновением, финансово-организационными и кадровыми вопросами, строительством и архитектурным обликом театрального здания в разные периоды времени. Особое внимание уделяется роли Русского театра в формировании городской общественно-культурной среды Северного Кавказа.

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, Владикавказ, общероссийская идентичность, социально-культурный механизм, русский театр, источники.*

The presented documents characterize the reasons and conditions for the emergence of the Russian Drama Theater in Vladikavkaz in the second half of the XIXth century. The materials of the funds of the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania and the Scientific Archive of North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, confirmed by the information of the theatrical chronicles of the local periodical press, reveal unknown pages of the history of the Russian Theater, connected with its appearance, its financial and organizational and personnel issues, construction and architectural decision of the theater building at different times. Particular attention is paid to the role of the Russian Theater in the formation of the urban social and cultural environment of the North Caucasus.

Keywords: *Russia, North Caucasus, Vladikavkaz, all-Russian identity, socio-cultural mechanism, Russian theater, sources.*

В процессе становления российской государственности на окраинах Российской империи наряду с политическими и экономическими механизмами формировалась и культурная политика. Вторая половина XIX в. в Осетии отмечена распространением театрального и кинематографического искусства, библиотечного и музейного дела, активным культурно-просветительским движением. Деятельность различных общественных и благотворительных организаций, нацеленных на развитие

общественно-культурной среды, характерна для городского пространства, где была сосредоточена культурная инфраструктура. Отдельное место в ней занял театр.

В «Докладе Начальника Терской области и командующего в одной войсками» от 12 января 1868 г. раскрываются причины для основания во Владикавказе театра, среди которых особо выделяется «потребность в развлечениях после занятий служебных», культурном досуге отставных военных и дру-

гих категорий горожан. Автор доклада уверен в том, что Владикавказу было исторически предопределено нести миссию развития гражданственности и «полного обрусения некогда враждебных нам горских племен...», в связи с чем «сильнейшим фактором общественной жизни является Русский театр, имеющий перед всеми народными увеселениями то громадное преимущество, что в нем единство интереса публики и общение между собой разноплеменных личностей, связывается русской речью, в свою очередь, составляющей вернейшее средство к скорейшему ассимилированию инородцев с господствующей расою» [1, 3]. По мнению начальника Терской области, «допущение в театр нижних чинов во время представления пьес патристического содержания весьма полезно как в отношении личного их развития, так и поддержания в них истинной военной доблести» [2, 3].

В представленном документе содержится ходатайство об открытии во Владикавказе постоянного Русского театра [3, 3об.]. В ответ на это обращение последовал положительный отзыв, и последующая переписка по вопросу об устройстве во Владикавказе театра была посвящена уже конкретным финансовым и строительным вопросам. Отмечалось, что субсидия выдавалась главным образом для «обрусения края и приобщения к русской культуре» [3, 1].

О суммах на возведение русского театра во Владикавказе речь идет в целом ряде документов из переписки относительно устройства городского каменного театра, сохранившихся в фондах Центрального государственного архива РСО-А и их дубликатах, хранящихся в Научном архиве СОИГСИ им. В. И. Абаева [3, 28-30].

Следует заметить, что в то время, пока здание театра строилось, спектакли проходили в помещении Дворянского собрания или в Коммерческом клубе [4, 141].

В строительстве здания владикавказского русского театра приняли участие отставной капитан Русановский, есаул А. М. Ениколопов, городской архитектор В. О. Грозмани, военный архитектор С. И. Уптон, инженер-полковник Ватовский, инженер-капитан Янковский; работы велись под руководством статского советника Валериана Ивановича де-Лакроа [5, 107]. Проектировщику и строителям удалось найти то самое «золотое сечение» в архитектонике здания, которое благодаря пропорциям и специальному оснащению получило труднодостижимые великолепные акустические свойства. А в прямоугольнике зрительного зала — на счастье — вписалась «подкова», соединяющая партер, ложу и амфитеатр. В оформлении фасада здания авторы не стремились к особой пышности, ярким деталям. Центральная его часть выделяется за счет пилястр, имитирующих колонны, рустовки стен и венчающего крышу портика овальной формы в стиле модерн. Боковые портики классической формы украшены двумя скульптурными изображениями арф [6, 9]. Однако при строительстве театрального здания в значительной степени было использовано дерево, что вскоре привело к его возгоранию в связи с несоответствием требованиям противопожарной безопасности.

Второе здание было возведено на каменной основе предыдущего, с применением кирпича, произведенного фабрикой барона В. Р. Штейнгеля. Следует заметить, что, исходя из утвержденных в то время норм безопасности, второе здание городского театра Владикавказа

также было далеко от совершенства, за что не раз подвергалось критике со стороны соответствующих организаций. Более того, в виду отсутствия одного «хозяина» на протяжении длительного времени и достаточного финансирования, из года в год театральное здание, занимающее лучшее место в городе, приходило в упадок, незамедлительно требуя деятельного вмешательства по ремонту и переделкам.

В Городскую управу Владикавказа неоднократно поступали просьбы от различных лиц относительно передачи театра в их ведение на какой-либо срок. Так, с соответствующим заявлением об отдаче им в содержание Городского театра с выдачею субсидий в 3500 руб. в Городскую Думу Владикавказа в 1877 г. обращались артисты Леонард Яковлевича и Мария Савина, но получили отказ [7, 2].

7 октября 1877 г. на имя начальника Терской области поступило прошение от губернского секретаря Ивана Чанцева, предлагавшего передать Владикавказский городской театр в его ведение сроком на три года. Признавая зимние театральные сезоны во Владикавказе весьма незначительными по своим денежным сборам, но находя необходимым иметь драматическую русскую труппу хорошего подбора, И. Чанцев просил разрешения во время летних сезонов перевозить всю Владикавказскую труппу в Пятигорск на летние месяцы с тем, чтобы «хоть отчасти восполнить бедные сборы в зимний период театра во Владикавказе» [8, 47-48]. Эта просьба также не получила одобрения.

5 февраля 1878 г. на заседании Владикавказской Городской Управы был представлен доклад об изъявлении желания господ Сапицкого, Семенова и Тхостова о принятии в их ведение и распоряжение городского театрально-

го здания со всем находящимся в нем имуществом и театральной библиотекой с тем, «что если город признает возможным выполнить их желание, то они по принятии театра, обязываются заботами своими отремонтировать театр, внутри заново, а также исправить всю мебель и привести в порядок библиотеку и костюмы, и в полной исправности передать обратно в ведение города, когда признается необходимым» [9, 30]. С учетом того, что театральное здание и его имущество с каждым годом приходило в упадок, а на приведение его в порядок город не имел средств, «извлечение части дохода с театра, на которую можно было отнести ремонтровку, в настоящее время нельзя предвидеть, т.к. в театре даются спектакли с благотворительной целью, то Городская Управа признала, со своей стороны, полезным передать в ведение господ Сапицкого, Семенова и Тхостова городской театр со всем имуществом на условиях ими изъявленных впредь до отдачи такового антрепренеру с тем, чтобы все собираемые деньги были доставлены в кассу Городской Управы, которые и будут записывать в особую книгу со специального условия на ремонт театрального здания и расходов с ведома Управы» [9, 30].

На собрании Владикавказской Городской Думы от 18 января 1895 г. под председательством временно исполняющего обязанности Городского головы члена Управы И. М. Башакина было заслушано заявление антрепренера городского театра А. А. Лобачевского (по театру Вольского) о сдаче ему в арендное пользование городского театра на сезон 1895/6 года и заключение Городской Управы от 16-го декабря 1894 года за № 112, «коим Управа полагала бы предоставить Вольскому в арендное пользование городского театр на зимний

сезон 1895/6 года и на условиях сезона 1894/5 года». Было определено, что «до начала театрального сезона 1895/6 года еще много времени и что за это время могут последовать от других лиц более подходящие предложения, также имея в виду, что действующий ныне контракт города с Петром Белло об аренде театрального здания может быть будет Окружным Судом по предъявленному городом иску уничтожен и тогда окажется возможность сдать театр на условиях, более соответствующих интересам города, и вопрос о предоставлении театра на сезон 1895/6 года оставить пока открытым» [10, 18].

Упомянутый выше контракт с купцом 2-й гильдии П. Белло был, пожалуй, наиболее скандальным. Так, 26 июля 1890 г. на заседании Владикавказской городской Думы было представлено заявление Петра Белло о сдаче ему доходов с городского театра в течение 10 лет взамен принимаемого им на себя обязательства содержать театр в полном порядке и осуществить некоторые переделки и перестройку. Открытой подачей голосов единогласно было решено принять предложение г. Белло и поручить Городской Управе заключить с ним контракт [11, 92]. Однако купец не выполнил обещаний, что привело здание городского театра в еще больший упадок.

Разоблачающая статья об этом вопиющем нарушении была опубликована в газете «Терские ведомости», тем самым данная проблема была вынесена на всеобщее обсуждение. В частности, в статье «К вопросу о дальнейшей судьбе городского театра» помимо прочего было отмечено, что театральный здание из-за небрежности арендатора приходит к постепенному разрушению, что везде можно наблюдать течи, грязь, нечистоты и полное отсутствие «ка-

кой-либо хозяйственной заботливости о законтрактованном имуществе», что оно «неминуемо идет к разрушению, а из имущества его — костюмы остаются только сжечь, как никуда негодные, и даже прямо вредные и опасные для здоровья», что «если заслуга арендатора в медленном, но верном уничтожении городского добра, то «справедливость» тогда, конечно, на его стороне. Но законы гражданские, тоже «во имя справедливости», свидетельствуют, что контрагент, не выполняющий своих обязательств, не имеет никакого права искать свои убытки от уничтожения договора, а, наоборот, еще сам отвечает всем своим имуществом. А чем же, по контракту, отвечает нынешний арендатор театрального здания: каким залогом, каким имуществом? — Ровно никаким, так как никакого залога с него не потребовано, а потребован только залог с антрепренера, чтобы расход арендатора на лампы и керосин и на все другое был заранее обеспечен уплатой. А если нет никакого залога, то на чем же тогда можно основывать свои воззвания к «справедливости»? Одних уверений мало, тут требуется более существенное; а потому или надо, без дальних слов, представить от себя ручательство за контрагента, или указать чем последний может гарантировать исполнение нового договора, или же, наконец, сокрушенно молчать при виде того, как «попирается справедливость»; что Городская Управа «возбудит это дело, и она же должна окончить его с честью; этого требуют не только интересы всего городского населения, но и ее достоинство» [12, 3].

Действительно, театральный здание в разные годы требовало значительных финансовых вливаний, существенных переделок, чтобы соответствовать строго регламентированным требо-

ваниям безопасности. Во Владикавказе была образована особая комиссия, которая состояла из представителя городской полиции, городского архитектора, одного из инженеров строительного отделения, электротехника почтово-телеграфного округа. Комиссия должна была освидетельствовать помещения синематографов, театров, цирков и т.д., чтобы определить, насколько помещения эти соответствуют изданным обязательным постановлениям и понудить владельцев их принять надлежащие меры безопасности для публики. В результате ревизии вопрос о безопасности театрального здания был вынесен на повестку дня и требовал незамедлительного решения. Из составленного специалистами описания стало очевидным, что здание каменного театра «в настоящем его состоянии настолько опасно в пожарном отношении, что без особых приспособлений для улучшения его состояния, по мнению комиссии, невозможно допустить дальнейшее его функционирование», а вывод, к которому пришел городской голова, заключался в том, чтобы «предложить городу устранить дефекты... а к сезону 1912/13 года принять меры к более капитальному переустройству здания городского театра» [13, 21].

Позже, в 1915 г., на заседании Владикавказской Городской Думы под председательством городского головы Г.В. Бавева рассматривался вопрос о постройке нового здания театра [14, 1]. В новом театре предполагалось устроить много дешевых мест, что могло бы сделать театр более доступным для народа. Также было отмечено, что театр был построен много лет тому назад, когда город имел всего 20 тыс. населения, и что в то время он удовлетворял незначительной потребности, но теперь «даже в абсолют-

ных цифрах город давно во много раз перерос свой театр, не говоря уже относительно роста самой потребности в театре. При 80 тысячах населения и при громадном увеличении потребности в театре, городу нужен настоящий большой благоустроенный театр» [14, 4].

В итоге «господа гласные постановили строительство нового здания городского театра произвести на средства, полученные путем специального займа; просить городскую финансовую комиссию разработать условия и способы осуществления указанного займа; уполномочить Владикавказского Городского Голову войти в переговоры с Терским казачьим войском» с тем, чтобы Терское казачье войско могло «прийти на помощь городу Владикавказу в деле постройки нового здания для городского театра; сумму в 2500 руб. позаимствовать временно из городского запасного капитала и прочее» [14, 5].

Однако строительство нового здания, невзирая на острую необходимость, начато не было.

Со времени основания театра в нем служили многие актеры и актрисы, выступали по сезонам различные театральные труппы. Какие-то из них подвергались критике на страницах местной периодической печати, какие-то, напротив, заслужили настоящую зрительскую любовь и признание.

Среди актеров, игравших в театре, значатся такие мастера сцены, как Абарина, Бороздина, Федорова, Брянский, Лоран, Щедрин, Глебова, Тихомиров, Эрберг, Лукашевич, Сорохотина, Дергач, Любовь, Токарева, Каширин, Никулин, Маврин, Левитский, Жихарева, Саблина-Дольская, Горбачевский, Борисов, Кошевский, Медведев, Ростовцев, Вересанов, Деоша, Строганов, Белоконь, Туганов, Гайдебуров, Гондатти, Корали-Торцов, А.В. Аннен-

ская, Лаврецкая-Черкасова, Пояркова, Стрельский, Гончаров, Вольский, Грубельников, Татаринов, Ф.П. Горев, С.В. Ланской, М.А. Чечин, Литвинов, Венедиктов, Ларин, Самарин, Розанов, Каменский, Михайлов, Киселев, Кармин, Палей, Писарева, Крамов, Иванов, Воейкова, Струйская, Ангарова, Е.В. Понизовская, М.В. Дальская, Арменина, Ларина, милина, Олигин, Ронье, Яковлева, Белина-Белинович, Миганович, Писарева, Аблов, Новиков, Эспе, Васильев и многие другие.

Первая труппа, «способная украсить любую провинциальную сцену», была представлена в газете «Терские ведомости» в соответствии с актерскими амплуа: «Между артистами выделяются господа Аграмов и Журин (императорских театров), из них первый — режиссер, за ним следует г. Прокофьев (комик), г. Великанов (резонер), г. Аллеев (играет всякие роли), г. Садовников (играет простачков и танцоров), г. Ларин (играет русских мужиков и приказчиков), остальные играют второстепенные роли. Между артистками же первенствует г-жа Федорова 1-я (драматическая артистка), г-жа Великанова (играет комических старух и гризеток), г-жа Прокофьева (гризеток и крестьянок), г-жа Владимирова (важных барынь), г-жа Садовникова, г-жа Федорова 2-я и другие — по второстепенным ролям. В балете участвует девицы Елизавета и Елена Менцели, в особенности первая» [6, 21].

Из наиболее известных антрепренеров и актеров своим искусством владикавказскую сцену осветили: К.О. Лукашевич, А.А. Синельников, Ф.К. Эрберг, Н.С. Песоцкий, Н.Н. Синельников, М.М. Горский, М.Г. Савина со своим товариществом актеров, А.Н. Антонова, З.А. Малиновская, Роберт и Рафаэль Адельгей, Н.П. Россов, М.М. Петипа,

П.А. Саксаганский, А.А. Сумароков, А.А. Туганов, И. Хованский, Д. Южанский, И.А. Ростовцев, А.И. Сумбатов-Южин, В.Н. Давыдов, В.П. Далматов, В.Ф. Аннечкова-Иванова, княжна Е. Тарханова, М.И. Сагайдачный, М. Блюменталь-Тамарина; Петербургский передвижной драматический театр П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской, труппы Е.В. Неволиной, А.М. Корали-Торцова, П.П. Медведева; балетная труппа Варшавских театров Шановского, украинского труппа С. Глазуненко, Д. Гайдамаки [6, 27].

Любовь к театру и увлечение театральным искусством способствовали появлению актеров-любителей, возникновению Владикавказского любительского музыкально-драматического кружка. Устав этого кружка был утвержден 15 февраля 1896 г., но деятельность его началась за два года до этого события, на основании временного разрешения, данного начальником Области и наказным атаманом впрямь до утверждения Устава. За эти два года направление кружка успело вполне определиться, и теперь будет уместно сказать о нем несколько слов.

Первый пункт 1-го параграфа Устава кружка гласит, что кружок имеет целью «служить центром для сближения любителей музыки и драматического искусства». Второй и третий пункты этого параграфа определяют дальнейшие задачи кружка как содействие распространению этих искусств и доставление эстетического удовольствия и развлечения». Теперь, согласно Уставу, кружок должен достигать указанных целей, проводить музыкально-драматические собрания (семейные вечера), публичные концерты и представления, а также «беседы и чтения по эстетике, теории и истории музыкального и драматического искусств».

Исходя из основных положений Устава о задачах и деятельности кружка, он представлялся органом, объединяющим местных любителей музыки и драматического искусства в одно тесно сплоченное сообщество, деятельность которого направлена на стремление к эстетическому воспитанию, развитию вкуса, пониманию художественных произведений и т.п. Прежде деятельность кружка мало удовлетворяла такому назначению — все его внимание было сосредоточено на еженедельной постановке спектаклей и привлечении платных посетителей. В качестве исполнителей на спектаклях, как правило, выступали одни и те же лица, подвизавшиеся на подмостках любительской сцены задолго до образования кружка. Таким образом, симпатичное по своей идее учреждение постепенно превращалось из музыкально-драматического кружка любителей в труппу любителей, с определенным комплектом артистов, мало-помалу отравлявшихся тем ядом тщеславия и той жаждой внешнего успеха, которыми заряжена атмосфера театральных подмостков.

После утверждения Устава, когда кружок стал узаконенным общественным учреждением, от него стали ожидать здорового и целесообразного направления: «...Насколько оправдаются эти ожидания, покажет будущее, а пока мы можем лишь пожелать кружку стать действительно тем симпатичным учреждением, которым он может и должен быть по уставу» [15, 1].

Частым явлением на сцене владикавказского театра были любительские спектакли, которые с особой радостью и гордостью освещались в местной хронике. Так, в марте 1903 г. в городском театре был представлен благотворительный спектакль по пьесе А. Н. Островского «На бойком месте», устроенный в

пользу Общества народных чтений. На страницах «Терских ведомостей» это событие получило абсолютное одобрение [16, 1].

Спектакли кружка любителей приобретали все больше симпатий и популярности. Если вначале они были только «общедоступными», то позже превратились в действительно народные. Основной контингент их зрителей составляла «та небогатая трудящаяся часть населения, которая раньше никогда почти не заглядывала в театр», в чем современники видели неоспоримую заслугу актеров-любителей, которым пришлось не только поработать, но и «принести некоторые материальные жертвы, потому что организация народного театра потребовала затрат, а помощи они ни откуда не получили, действуя на свой страх и риск» [17, 2].

Владикавказский Русский драматический театр принадлежит к числу первых театров, с появлением которых началась театральная история Юга России. Необходимость его существования никогда не вызывала сомнений. Напротив, и чиновники, и городские жители отчетливо сознавали его цивилизующее и объединяющее значение, государственную важность и эстетическую значимость. С самых первых дней и на протяжении всей истории Русского театра его деятельность вызывала неподдельный общественный интерес и широкий резонанс.

Освещение театрального творчества на страницах местной периодики не прекращалось ни во время войны, ни во время любых других социально-политических и социально-культурных эксцессов. Более того, театр принимал активное участие в различных благотворительных акциях, предоставлял свою сцену и учащимся, и

гастролерам, и любителям. В процессе изучения его истории существенным подспорьем выступают архивные фонды и публикации на страницах местной периодической печати, сохранившие память фактически обо всех спектаклях и постановках, театральных труппах, актерах и антрепренерах.

-
1. Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А). Ф. 224. Оп. 1. Д. 160.
  2. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 908.
  3. Научный архив СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 21. П. 10.
  4. *Канукова З. В.* Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Изд. 3-е. Владикавказ, 2008.
  5. Календарь памятных дат и знаменательных событий Северной Осетии на 2009 г. // Архивная служба Республики Северная Осетия-Алания, Центральный государственный архив РСО-А, Центральный государственный архив историко-политической документации РСО-А. Владикавказ, 2009.
  6. 140 лет Академическому ордену Трудового Красного Знамени русскому театру имени Евгения Вахтангова. Владикавказ, 2011.
  7. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 353.
  8. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 400.
  9. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 360.
  10. ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41.
  11. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 424.
  12. Терские ведомости (ТВ). 1894. № 70.
  13. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 190.
  14. ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп. 1. Д. 152.
  15. ТВ. 1897. № 121.
  16. ТВ. 1903. № 62.
  17. ТВ. 1903. № 169.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

№ 1

**Доклад Начальника Терской области
и командующего в оной войсками
Его Императорскому Высочеству
главнокомандующему Кавказской
армией**

12 января 1868 г.

Город Владикавказ, составляя административный центр Терской области, имеет в настоящее время до 13 тысяч жителей обоого пола. Население это проведением тех мер, которые предпринимаются Правительством для наибольшего развития цивилизации в крае, в недалеком будущем по всей вероятности значительно увеличится. Вместе с этим город Владикавказ по строительному своему значению служил всегда средоточием значительного числа войск и нет сомнения, что в будущем положение его в этом отношении не изменится. В настоящее время в нем расположены штаб-квартиры: Тенгинского полка, Саперного, Стрелкового линейного № 8 батальона и пешей батареи; в этом же городе находятся штабы Командующего войсками 20 дивизии, Артиллерийской бригады, Войсковое правление, управления: местными войсками крепостной артиллерией Инженерного и Путей сообщения ведомств и кроме того — в нем сосредоточены различные учреждения по военно-народному управлению областью и гражданские присутственные места. Нахождение в названном городе исчисленных выше учреждений служит причиной пребывания в нем на постоянном жительстве до 300 офицеров; независимо от этого служащие в войсках, военных, народных и гражданских управлениях области вследствие присутствия во

Владикавказе центральной власти, поставлены в необходимость весьма часто посещать город; устраиваемые в летние месяцы в окрестностях Владикавказа учебные лагеря также много способствуют наплыву офицеров. Дарованные городу льготы, хорошие климатические условия его местности, достаточный надел землею и лесом, относительная дешевизна жизненных продуктов, устроенные уже учебные заведения для образования детей обоого пола, близость к Тифлису и могущее со временем открыться чрез Царицын удобное и скорое сообщение с некоторыми из многочисленных и торговых центров Империи должны повести к быстрому увеличению гражданского населения Владикавказа сколько путем естественного приращения, столько же и извне наплывом в край еще не початый, людей более или менее предприимчивых. Кроме того, постепенное развитие установленных во Владикавказе двух ярмарок и открытие в нем Областного Казначейства неминуемо увеличит в городе и число временных его обывателей. В нем же находят оседлость и те из многих отставных ветеранов Кавказской армии, которые или не видят особенного для себя интереса в возвращении на родину, или же семейные условия коих, так сказать, акклиматизировались.

Таково в настоящее время положение Владикавказа и, по всей вероятности, в близком будущем ему предназначена роль губернского города со всеми правительственными учреждениями как для управления краем, так и для умственного и нравственного образования его населения. Уже и в настоящее время лица, занимающиеся в нем службой, чины военные разного рода оружия,

проживающие или временно, или постоянно при штаб-квартирах, расположенных в самом городе, Владикавказское и иногороднее купечество и другие сословия, умственное образование которых дает им право на название сословий привилегированных, составляет более чем третью часть в общем итоге владикавказского населения. Лица эти, а равно и семейства их, ограничивают свою общественную жизнь в течение летних месяцев гуляниями и танцевальными вечерами в городском саду; в остальное же время года не всем доступными балами и собраниями во Владикавказском клубе. Прямым следствием такого ограничения общественных удовольствий является для большей части городских жителей и, в особенности, для офицеров потребность в развлечениях после занятий служебных или посредством карточной игры, или беспорядочных оргий, в иных случаях ведущих только к развитию судебно-уголовной практики. Такое зло большей частью падает из проживающих в городе офицеров и вообще служащих, которые по разным причинам лишены всяких средств провести достоящую часть свободного времени приятно и полезно. Даже в семейных кружках эта общественная владикавказская жизнь порождает своего рода затруднения в домашнем бюджете, принуждая расходоваться на обоюдное принятие посетителей и тем приобретать, вместо сбережений, долги.

Изложенное выше поставляет меня в необходимость представить Вашему Императорскому Высочеству еще следующие соображения:

Владикавказу, составляющему средоточие администрации в обширном населении обладать также как и другим центральным городам Северного Кавказа, выпал жребий быть миссионером в развитии гражданственности и пол-

ном обрусении некогда враждебным горских племен. Несмотря, однако же, на предоставленные правительством этому городу средства, облегчающие выполнение предназначенной ему миссии, средства эти, вследствие делового своего характера, действуют крайне медленно, а следовательно — и не так успешно, как общественная — доступная всем классам городского населения — жизнь. Таким образом, в данном случае сильнейшим фактором общественной жизни является Русский театр, имеющий перед всеми народными увеселениями то громадное преимущество, что в нем единство интереса публики и общение между собой разноплеменных личностей, связывается русской речью, в свою очередь, составляющей вернейшее средство к скорейшему ассимилированию инородцев с господствующей расой. При этом считаю долгом прибавить еще одну полезную особенность этого общественного удовольствия для военных и гражданских чиновников, проживающих в городе. Театральный зал, как постоянное место встречи начальников с подчиненными действует благотворно на последних, принуждая их быть строго внимательными в отношении правил общежития. Условие это, непрерывно поддерживаемое интересом театральных представлений, вернее всяких других средств, способно вкоренить в среде служащих и тот такт и умение держать себя в обществе, который из подчиненных образует впоследствии хороших начальников. Равным образом допущение в театр нижних чинов во время представления пьес патриотического содержания весьма полезно как в отношении личного их развития, так и поддержания в них истинной военной доблести.

Имея счастье доложить вышеизложенное Вашему Императорскому высо-

честву, я считаю долгом ходатайствовать об открытии во Владикавказе постоянного Русского театра. На устройство театрального здания, по крайнему исчислению, необходимо 15 тыс. рублей. И, кроме того, ежегодная субсидия в 2 тыс. руб. в продолжении 10 лет. Такая затрата, полезная уже при признанном цивилизующем значении театра была бы, по моему мнению, некоторым благовозмездием в отношении военного сословия, которое, потеряв все выгоды, соединенные с прежней боевой жизнью, в свое время жертвовало собой для умиротворения края и теперь еще несет тяжелые труды для той же цели, при далеко худших жизненных условиях, чем в губернских городах России.

При воспоминании на ходатайство мое разрешения Вашего императорского Высочества, предполагаемый театр во Владикавказе поступает под управление дирекции, о составе и правилах действия которой я представляю своевременно подробные соображения. Самое же здание театральное, построенное на лучшем в городе месте, без всякой поземельной платы, имеет ремонтироваться на городские суммы с условием, что через 10-летний период времени оно поступает в собственность города. Необходимость такой передачи театрального здания в городскую собственность обусловливается как возможностью существования театра во Владикавказе через 10-летний срок собственными средствами, так и некоторого рода вознаграждением городского общества за ежегодные пожертвования его на ремонт здания и особенно за то сочувствие его полезным общественным учреждениям, какие возникли во Владикавказе по инициативе правительства.

Генерал-адъютант (*Подпись*)

(X) Интерес чрез торговлю и удовольствие — всегда и был, и есть рав-

носильный двигатель в цивилизации: говоря о вверенном мне крае, я могу привести примером столичные города Империи для поживших там горцев, возвращающихся на родину с более светлыми идеями, с правильным взглядом и полным убеждением в благом применении к туземному населению законов Империи и предпринимаемых правительством реформ.

С подлинным верно
Помощник Архивариуса Горского
Архивного Отделения

ЦГА РСО-А. Ф. 12.
Оп. 6. Д. 908. Л. 1-4.

№ 2

Доклад

Начальника Терской области

30 мая 1896 г.
г. Владикавказ

Ваше Императорское Высочество, обратив милостивое внимание на доклад мой о пользе возведения в городе Владикавказе театрального здания соизволил разрешить употребить для этой цели остатки от экономической суммы, хранящейся в штабе войск Терской области под названием Карангай-Эдшикульской и предназначавшейся для ремонта постов, расположенных по Астраханскому тракту. Большая часть этой суммы, как я имел честь изложить в своем докладе, находится в долгах за частными лицами и различными учреждениями; сбор долгов замедлился и возведение здания, к чему уже преступлено, должно приостановиться. В виду такого неудобства я осмеливаюсь обратиться к Вашему Императорскому Высочеству с всепокорнейшей просьбой разрешить отнести на возведение годов от суммы в 3 тыс. рублей ежегодно поступающей на ремонт постов Астраханского тракта.

К этому не представляется особых препятствий, так как названная сумма не подлежит отчетности, а между тем милостивое разрешение Вашего Императорского Высочества, увеличив первоначальные средства на постройку театра, дает возможность окончить здание к осени и открыть представления зимой текущего года. Сознание нравственной пользы, которую должно принести населению предприятие, обязанное своим осуществлением Вашему благосклонному вниманию, заставляет меня вновь утруждать Ваше Императорское Высочество настоящим моим докладом.

Верно

Помощник Архивариуса Горского
Архивного Отделения (*Подпись*)

НА СОИГСИ. Ф. Искусство.

Д.20.П.10. Л.16.

№ 3

**Демюр Г. Ф. 50-летний юбилей
Владикавказского театра**

Как ни странно, но существованию нашего театра, 50-летнему существованию этого культурного очага, мы обязаны потомкам Золотой Орды, остаткам Астраханского царства, дикому вымирающему каранагай-едишкульскому народу. Дело в том, что в штабе войск Терской области хранилась экономическая сумма пол названием «каранагай-едишкульской», образовавшаяся с 1853 до 1869 года от содержания Астраханского почтового тракта. Деньги эти собирались с едишкульцев. В 1869 году сбор достиг 17942 руб. 73,5 коп. так как эти деньги, по донесению графа Лорис-Меликова наместнику Кавказа, не подлежали никакой отчетности, то он и просил дать разрешение на эти сумму построить театр, добавляя, что в текущем 1869 году можно ожидать еще из этих же источников получить 6000 рублей.

Между прочим, ярко бросается в глаза, как бесцеремонно обращались в те времена с народными деньгами. Если в год поступало только 6000 р., то в 13 лет должна была образоваться сумма в 60-65 тысяч рублей, но по бумагам поступило только 17942 руб. 73,5 коп. Вот эта точность в 0,5 копейки и наводит на мысль, что под защитой этой маленькой монеты прятались большие тысячи. Это подтверждается еще и тем, что когда обращались в штаб за деньгами — в наличности оказалось 3717 руб. 60,5 коп. (опять 0,5 коп.). остальные деньги были в домах за разными лицами, и по донесению командующего войсками некоторые суммы были в долгах за разными лицами, и по донесению командующего войсками некоторые суммы были безнадежными. Началась длинная переписка, и, в конце-концов, деньги эти были собраны, за исключением 2500 рублей, оставшихся за одним умершим полковником (Тверитинским).

Так как по смете стоимость постройки театра была определена в 15000 рублей, то и было преступлено к заготовке материалов.

В 1872 году театр был почти закончен, а в 1873 году последовало открытие. До этого во Владикавказе театра не было, и только любители-офицеры давали спектакли в доме Лебедева, ныне Колесникова.

Театр строил архитектор англичанин Уптон. Труппа субсидировалась правительством первые два года по 1700 рублей, а следующие два года по 1000 рублей. Не безынтересно было бы также, что все лица, занимавшие известное положение в городе, обязаны были абонироваться на места в театре.

Субсидия, главным образом, выдавалась для обрусения края и приобщение к русской культуре.

Это приобщение к русской культу-

ре выразилось в том, что открыли театр опереттой «Все мы жаждем любви». Ясно, что театр, предназначенный для культурных целей, на самом деле служил забавой господам начальствующим лицам, откупщикам и прочим праздным людям. Да это и не удивительно, так как в те времена по всей России царила оперетта и даже на императорских сценах знаменитая Лядова покоряла всех своими «тру-ля-ля». Разухабистый капкан закружил всю интеллигенцию и долго держал ее в своей власти.

Но как бы то ни было, первой дирекцией в лице полковника Смекалова, полковника Сафонова и откупщика Карганова были собраны: опереточно-драматическая труппа, балет и оркестр терского казачьего войска, под управлением Фальба.

При свете масляных ламп начались спектакли. Шли попеременно «Синяя борода», «Прекрасная Елена», переводные французские комедии, мелодрамы «За монастырской стеной», «Ограбленная почта», «Хижина дяди Тома», даже были поставлены «Разбойники» Шиллера.

Все это играли одни и те же артисты. В те времена от артистов требовалось уметь делать и играть все. (Хороший обычай, который не мешало бы возобновить артистам нашего времени — это давало артисту разнообразие, вырабатывалось больше творчество, а ограничение амплуа всегда создает известный шаблон).

Из артистов первых сезонов служили Абаринова, та самая, что в Петрограде заняла крупное положение на Александровской сцене, Бороздина, Федорова, Брянский, Лоран, Щедрин, Глебова, Тихомиров, Эрберг (комик), Лукашевич (премьерша).

Последние двое были любимцами публики. Лукашевич сегодня пела и канканировала в буффонной оперетте,

а на другой день раздиралась в сердцеципательной мелодраме. Ей в бенефис был поднесен большой веер, составленный из сторублевых бумажек. Вообще, все бенефисы проходили тогда торжественно.

В первых же сезонах был Градов-Сokolov, перешедший в Тифлисский казенный театр и в последствии занявший крупное положение в столичных театрах. На этой сцене начал свою карьеру местный сиделец в духане Давыдов — впоследствии знаменитый артист оперы.

Вообще за эти 50 лет стены нашего театра перевидали много крупных сил: Сорохотина, Дергач, Любов, Токарева, Каширин, Никулин, Маврин, Левитский, Жихарева, Саблина-Дольмкая, Горбачевский, Борисов, Кошевский, Медведев, Ростовцев, Вересанов, Деоша, Строганов, Белоконь, Туганов, Гайдебуров, Гондатти, Корали-торцов, Анненская, белина-Белинович, Миганович, Писарева, Аблов, Новиков, Эспе, Васильев; а также были на гастролях: Варламов, бр. Адельгеймы, Мариус Петина, Орленев, Клямнсинская, Россов, Никита Форстрем, Сафонов, Давыдов (знаменитый виолончелист), Думчев, Кропивницкий, Затыркевич, Зарницкая, Сулов, Заньковецкая, Савина, Ленский, Багров, Ильинский, Правдин, Южин-Сумбатов и много других.

Многих из них уже нет, но они внесли свою большую жертву на этот алтарь искусства, они дали свой талант этому краю...

Их имена не грех вспомнить, они работали при ужасных, кошмарных условиях, когда на артистов смотрели, как на отщепенцев общества, когда Победоносцев причислял артистов к бродягам. Кто тогда не посягал на театр, кто не старался заглушить слова правды и искры чистого искусства.

Но своей истинно-героической борьбой они сумели завоевать себе почетное положение. Они отдавали нервы, здоровье, жизнь любимому искусству. Это были первые борцы и проповедники истины. Получив от них такое наследство, и при свободном театре, мы можем идти прямой дорогой.

Пожелаем же и впредь нашему свободному театру полного расцвета — быть всегда истинным авангардом культуры и просвещения края.

Пусть наш многострадальный театр, зависевший от всякого произвола, обновится, встанет на светлый путь и поведет народ-граждан к истине, любви и счастью!

Пусть с этой великой кафедры льется живое человеческое слово, бичуется зло и порок, и раздастся могучий призыв красивой, свободной жизни!

Горский вестник. 1923. № 1.

НА СОИГСИ. Ф. Искусство.

Д. 20. П. 10. Л. 1-2.

№ 4

От Начальника области

8 октября 1872 г.

Милостивый государь

Барон Александр Павлович!

Отзывом от 17 октября 1868 г. № 4754, Ваше Превосходительство уведомил меня, что Его Императорское Высочество, Великий Князь Наместник, изволил разрешить отпуск субсидий для Владикавказского театра из экстраординарных сумм Его Высочества, в виде опыта, на 4 года, в том внимании, что за это время может выясниться полезное влияние театра во Владикавказе, каковая субсидия и получена дирекцией за 1869 и 1870 г. по 1700 р., а за 1871 и 1872 г. по 1000 рублей в год. В настоящее время оказывается, что театр во Владикавказе составляет действительную потреб-

ность. Не говоря уже о всех служащих, театр стали посещать здешние купцы, мещане и в дни праздничные простой народ; более развитые горцы, приезжая по разным делам в город из мест своих жительство, охотно идут также в театр. При значительном числе находящихся здесь штаб-квартир и разных военных учреждений, существование театра было бы необходимо даже и для одного военного сословия.

Независимо от этого во Владикавказе как областном городе сосредоточены ныне губернские и судебные учреждения с весьма значительным числом служащих гражданских чинов.

Цивилизирующее влияние театра неоспоримо, во Владикавказе не имеется других общественных собраний, где бы все сословия вместе могли находить полезное для себя развлечение.

Финансовая сторона настоящего дела представляется в следующем виде: Со времени учреждения постоянной дирекции сбора от спектаклей за 1869/70 г. поступило свыше 10 т. руб., а в сезон за 1870/1871 цифра таковой возросла до 16 т. руб. и все расходы по театру, благодаря полученной субсидии, покрыта сполна.

В настоящее время Владикавказское общество, желая упрочить существование театра, открыло для сего, по примеру г. Ставрополя, подписку на акциях (в 50 р. каждая); и в короткое время подписчиков явилось до 80 лиц, из коих многие взяли по несколько акций, так что в настоящее время составилось сбора от взноса за акции до 5 тыс. рублей. Изображенной новой дирекцией труппа уже составлена и данные в последнее время спектакли показали, что каждый из них, по средней сложности доставил дирекции около 200 рублей сбора.

Предположив, что таких спектаклей будет в нынешний сезон 50, окажется в

итоге 10 тыс. рублей, а всего будет около 15 тыс. рублей. Между тем расход на содержание труппы и театра вообще, по приблизительному исчислению, простирается свыше 17 тыс. рублей.

Покрыть недостающую сумму из местных источников не представляется возможным, город, отпустив из своих сумм 7 т. руб. на дополнительную постройку театра и до 1500 руб. на разные приспособления в нем, построенный в настоящее время в своих средствах на удовлетворение безотлагательных расходов по городским росписям, решительно не в состоянии уделить какую-либо часть своих доходов на содержание театра.

В виду вышеизложенного, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в Вашем ходатайстве пред Его Императорским Высочеством о разрешении продолжить с января будущего 1873 года субсидию по 1000 рублей Владикавказскому театру еще по крайней мере по четыре года.

При этом обязываюсь присовокупить, что с окончанием устройства железной дороги и развитием общественной жизни во Владикавказе надобность в субсидии без сомнения минует.

О последующем поставьте меня уведомить

Верно

Помощник Архивариуса

Горского Архивного Управления

(Подпись)

НА СОИГСИ. Ф. Искусство.

Оп. 1. Д. 20. Л. 28-30.

№ 5

Прошение

29 сентября 1877 г.

г. Владикавказ

Его Превосходительству

Начальнику Терской Области

Губернского Секретаря

Ивана Чанцева

21-го сентября 1877 года мною сделано было Владикавказской Городской Управе предложение о передаче в мое ведение Владикавказский городской театр, сроком на три года.

Городская Управа по этому вопросу не дала мне положительного ответа и, кажется, сочла более удобным моему предложению предпочесть заявление какого-то проезжего танцора, в весьма выгодной форме для Городской Думы, пожелавшего тоже снять в аренду тот же самый театр. Таким образом, Владикавказская Городская Дума, не имея в своей среде ни одного более или менее компетентного лица в театральном знании, предрешила наобум такой важный вопрос, как научно-образовательная отрасль драматического влияния на массу народа путем сценических представлений, и склонна была передать Владикавказский театр в руки лица, совершенно неизвестного в нашем русском драматическом репертуаре.

Считаю не уместным излагать здесь десятилетнее изучение в теории и на практике русского театра, следствием чего служат мои печатные драмы и комедии, с успехом даваемые на разных театрах, но позволю себе почтительнейше обратиться к усмотрению Вашего Превосходительства театра в ведении Владикавказского театра в ведении моей театральной дирекции, сроком на три года, считая таковой с половины Октября настоящего 1877 года.

Признавая зимние театральные сезоны во Владикавказе весьма незначительными по своим денежным сборам, но находя, в то его подбора, я бы же время необходимым иметь драматическую русскую труппу хорошего подбора, я бы просил разрешения Вашего Превосходительства во время летних сезонов перевозить всю Владикавказскую труппу

пу в Пятигорск на летние месяцы и тем, может быть, хоть отчасти восполнить бедные сборы в зимний период театра во Владикавказе.

Вопрос о субсидии театру от города и из особых сумм Вашего Превосходительства позвольте передать в личном докладе, при изложении самых подробностей по этому вопросу.

Губернский Секретарь (*Подпись*)
ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2.
Д. 400. Л. 47-48.

№ 6

Журнал

Владикавказской Городской Думы

18 января 1895 г.

Собрание было открыто под Председательством Временно Исполняющего обязанности Городского головы, члена Управы И. М. Башакина при Городском Секретаре Л. П. Малкоедове.

Присутствовали 39 Гласных

Собрание гласных, выслушав заявление антрепренера городского театра А. А. Лобачевского (по театру Вольского) о сдаче ему в арендное пользование городского театра на сезон 1895/6 года и заключение Городской Управы от 16-го декабря 1894 года за № 112, коим Управа полагала бы предоставить Вольскому в арендное пользование городской театр на зимний сезон 1895/6 года и на условиях сезона 1964/5 года, определяет: принимая о внимание, что до начала театрального сезона 195/6 года еще много времени и что за это время могут последовать от других лиц более подходящие предложения, также имея в виду, что действующий ныне контракт города с Петром Белло об аренде театрального здания может быть будет Окружным Судом по предъявленному городом иску уничтожен и тогда окажется возможность сдать театр на усло-

виях, более соответствующих интересам города, — вопрос о предоставлении театра на сезон 1895/6 г. оставить пока открытым.

Подлинный журнал за подписями:

Председательствующего и гг. гласных Городской Думы и скрепою Секретаря

С подлинным верно:
Городской голова Сулимовский
(*Подпись*)

ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп. 1.
Д. 41. Л. 18-19.

№ 7

Извлечение

из Постановлений Владикавказской Городской Думы в связи с театральным ремонтом на основании контракта Городской Управы с владикавказским купцом 2-ой гильдии Петром Белло

Ремонт театральный должен быть произведен в 1890 году:

1) Устройство новых лестниц со 2-го и 3-го этажа, в полном обеспечении с выходами, каменной или железной, как окажется удобным.

2) С балкона лестницу, кирпичную, залить цементом и прибавить балкон для устройства по обе стороны двух комнат под балконом для вешалок и кассы.

3) Крышу на всем здании театра исправить, покрасить вновь и до истечения срока должна быть в исправности, не допуская течи.

4) Пол новый и поднять выше к передней кассе.

в 1891 году

5) Выкрасить заново прилично зрительную залу, ложу, все коридоры.

6) Занавеси, декорации, кулисы, пристановки и все принадлежности, начиная с 1891 ежегодно, какие для обстановки сцены необходимы, нужны обыкновенные, старые вновь ис-

править и перерисовать, на место совсем негодных заменить и добавить новыми.

7) Две дюжины полукресел венских, для приставных около оркестра и для литерных лож.

8) Две дюжины стульев венских для сцены.

9) Мебель старую театральную переправить заново.

10) Бутафорные реквизитные вещи должны быть исправлены и недостающие сделать новые.

11) Увеличить и прибавить в фойе нижнего этажа нисколько не будет возможно.

в 1892 году

12) Прибавить более помещения к женским уборным и буфету.

13) Два гарнитура мебели приличной для сцены.

14) Театральный гардероб должен быть исправлен и приведен в порядок и что нужно будет необходимо прибавить.

15) Покраска наружи театрального здания и все починки, какие окажутся нужны, должны быть сделаны.

16) Рамы в окнах и двери должны быть в исправности и где нужно заменены новыми и перекрашены вновь.

17) Передвижной второй пол в оркестре, с выкрашенным паркетом для закрывания оркестра при концертах.

в 1893 году

18) Обить новой материей все барьеры в ложах нижнего и верхнего ярусов; новые драпировки в ложах литерных и ложе Губернаторской.

19) Исправить все кресла, стулья в ложах и партере, перебить и обить другой материей.

20) Устройство наружи здания мастерской во дворе в полтора этажа. Верхний этаж для склада занавесей кулис и проч. на деревянном полу.

21) Комнату устроить в нижнем этаже, отделать новые полы, окна и двери для хористов.

в 1894 году

22) Пол исправить и где окажется, заменить новым; во всех коридорах, на сцене, а также и в уборных.

23) Две дюжины стульев мягких для уборных.

24) Потолок над сценой подбить шелевками, дранью и подштукатурить чрез всю сцену.

в 1895 году

25) Ворота ветхие заменить новыми.

26) Две стены под сараем сделать новыми.

27) Что только окажется нужным для улучшения и удобства в театре и вне театра, если пожелает содержатель устроить в сей смете, то он вправе, но за ведомом и разрешением членов Городской Управы.

Вообще, весь ремонт и все, что нужно во всем здании театра, как внутри, так и наружи должно быть исправлено, сделано и приведено в полный хозяйских порядок, как в собственность свою; постепенно в течение определенного срока по контракту и сей описи, чистота и порядок во всем должно строго наблюдаться.

Срок на означенное исправление ремонта и разного устройства по сей смете десятилетний, в который должно оставаться в полном и безвозвратном пользовании городского театра; содержатель не вправе ничего уничтожать для своей пользы из приобретенного имущества для театра.

Добавление к сей описи

Балки, где окажутся негодными под полом, заменить новыми.

Переделка и постройка новых печей и калориферов, ежегодно должны быть приведены в исправность и годность.

Тумбы устроить на всех главных лестницах бульваров и главных улицах — для расклейки афиши, заявлений, публикаций и проч. по особому условию с Городской Управой.

Подлинное за подписью владикавказского 2-й гильдии купца Петра Белло

С подлинным верно

Городской Голова (*Подпись*)

ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7.

Д. 424. Л. 95-96.

№ 8

К вопросу о дальнейшей судьбе городского театра

В сегодняшнем вечернем заседании владикавказской думе предстоит решительно высказаться по вопросу, весьма интересующему местное общество, а именно: быть или не быть городскому театральному зданию на откупе у арендатора г-на Белло?

В нашем городе почти всякому известно, каковы условия, на которых отдано в частные руки это ценное общественное достояние; всякому также известно, что прочитывать эти условия без чувства самого глубоко негодования положительно немислимо, и потому энергическое заявление гласного А. А. Рышави в заседании 1-го июня о том, что контракт театральный нельзя назвать иначе, как только возмутительным, и что достоинство города требует непременно уничтожения этого договора, — такое заявление почтенного гласного является лишь естественным откликом и совершенно верным отражением настроения всех тех, которые еще дорожат общественными интересами и ставят их выше своего самолюбия и своих, может быть, случайных впечатлений.

Но энергичный протест этот против действительно «возмутительной» экс-

плуатации общегородского достояния, к сожалению, не нашел себе, в среде того же собрания, столь же энергичной поддержки, и дело это неотложное, — по обыкновению, передано в комиссию «для всесторонней разработки».

Такой способ решения этого насущного вопроса, по нашему мнению, всего менее соответствует как интересам города, так и самым обстоятельствам дела.

Чем, в самом деле, должна была заняться эта выбранная комиссия?

В собрании думы городской голова доложил уже, что по многократном осмотре театрального здания во всех его частях и всего театрального имущества во всех его подробностях, как лично им самим, так и членами управы и городским архитектором, оказалось, что многие контрактные обязательства г-на Белло нарушены им были прежде и продолжают быть нарушаемы теперь, что все это занесено в протокол, и что поэтому есть возможность городскому управлению объявить контракт г-на Белло уничтоженным. При этом пространно докладывалось, что самое здание, благодаря небрежности арендатора, приходит к постепенному разрушению: всюду течи, грязь, неряшливость и полное отсутствие какой-либо хозяйственной заботливости о законтрактованном имуществе...

Казалось бы, что самым естественным и логическим выводом из доклада городского головы было бы поручение городской управе немедленно же приступить к уничтожению контракта (судом или добровольно — безразлично) и к принятию здания и его имущества в свое ведение; затем уже, ближайшее будущее должно было бы показать, как быть с театром дальше.

Но совсем не к такому заключению пришли гласные, явившиеся по этому

вопросу ораторами.

Одни из них требовали назначения комиссии для того, «чтобы проверить» все доложенное; другие «во имя справедливости» советовали осторожность там, где обогащается город; третьи настаивали, чтобы сейчас же были изложены способы дальнейшего содержания городского театра, и все эти ораторы сходились на том, чтобы выбрать комиссию и сдать ей этот вопрос.

Странное впечатление производили эти «речи»... не знаем, как смотрит на них сама управа, но заявленное требование о проверке ею докладов, засвидетельствованных подписями полного ее состава и в том числе городского техника, есть, по нашему, не что иное, как самое оскорбительное и при этом ничем не мотивированное недоверие к ее действиям, которые «по проверке», значит, могут оказаться вовсе иными, чем это официально и публично доказывается в открытом для всех собрании думы!.. Но если избранная «комиссия» представляется заслуживающей доверия, более компетентную даже, может быть, и вовсе непогрешимую, то где же в этом гарантия, и какая разница между членом комиссии из гласных и членом управы из тех же гласных? И если при такой точке зрения быть последовательным, то тогда целесообразнее будет совсем устранить управу от участия в решении серьезных и важных вопросов, чтобы не было надобности исправлять чьи-либо ошибки, а можно было бы прямо приступить к решению вопроса — бесповоротно и непогрешимо; роль же управы можно было свести лишь к простой инициативе: управа заявила, например, что в театре неладно; дума верит ей на слово, назначает комиссию и разбирает дело сама, оставляя управу в роли простого безмолвного свидетеля...

Но на каком разумном основании можно полагать, что эта комиссия вернее оценит юридическое значение поводов к уничтожению контракта, чем это может сделать управа, при участии своего опыта юрисконсульта?

Да, наконец, в деле юридической оценки всех этих мотивов последнее решающее слово принадлежит, ведь, не иному кому, как только суду, и если бы суд не согласился с доводами управу и ею юрисконсульта, то разве комиссия, ничем по составу своему от управы не отличающаяся, могла бы открыть новые пути из одного своего осмотра театра и его имущества или из своего почти нового знакомства с «возмутительным» контрактом? Очевидно, что нет и нет... и мы полагаем, что если при таком отношении к управе, с одной стороны, должно возмущаться чувство ее достоинства, то, с другой стороны, такой порядок неминуемо приведет к полному и совершенному обезличению управы, и роль этого учреждения, как исполнительного органа, сведется к нулю. А такое смешение понятий, кроме ущерба, ничего не принесет, так как здесь не может быть места ни для энергии, ни для инициативы, взамен которых появятся полное равнодушие и апатия — в расчет на усердие разных «комиссий». Или, может быть, дума предположила со стороны своей же избранницы — управы — какое-либо увлечение и хотела предупредить конфуз ее перед судом?

Не менее странно, затем, прозвучало напоминание собранию об «имени справедливости». Здесь уже ровно ничего не поймешь. Говорилось, что город — обогащается. Ну, и дай Бог, и постоянно давай Бог этого! Говорилось, что «гражданин» разоряется. — Но откуда же это видно? Где цифры его расхода и прихода? Где разница в пользу и в убыток? Дайте цифры, точные цифры, а не

устрашающие слова, которые говорят только воображению и ничего не свидетельствуют уму. Здесь патетические восклицания неуместны, и ими не истинное дело делать можно, а только играть на слабых струнах собрания, которое, действительно, поддается иногда действию пафоса...

В этом же собрании читалось, что здание театра неминуемо идет к разрушению, а из имущества его — костюмы остается только сжечь, как никуда негодные, и даже прямо вредные и опасные для здоровья... Если заслуга арендатора в медленном, но верном уничтожении городского добра, то «справедливость» тогда, конечно, на его стороне. Но законы гражданские, тоже «во имя справедливости», свидетельствуют, что контрагент, не выполняющий своих обязательств, не имеет никакого права искать свои убытки от уничтожения договора, а наоборот, еще сам отвечает всем своим имуществом. А чем же, по контракту, отвечает нынешний арендатор театрального здания: каким залогом, каким имуществом? — Ровно никаким, так как никакого залога с него не потребовано, а потребован только залог с антрепренера, чтобы расход арендатора на лампы и керосин и на все другое был заранее обеспечен уплатой. А если нет никакого залога, то на чем же тогда можно основывать свои воззвания к «справедливости»? Одних уверений мало, тут требуется более существенное; а потому или надо, без дальних слов, представить от себя ручательство за контрагента, или указать чем последний может гарантировать исполнение нового договора, или же, наконец, сокрушенно молчать при виде того, как «попирается справедливость».

Далее, в заслугу арендатору поставили и то, что он всегда был «выше барышей», что в нем никогда не было

хозяина, ни коммерческого человека, что он за все брался себе в убыток, что и плитки тротуарные и иконостасную мастерскую, словом все, он держал себе в убыток, а потому и надо поближе войти в его положение.

Но какого ответа заслуживает эта тирада? Можно сказать только одно, а именно, что если бы такие подходящие качества арендатора были известны раньше, то, может быть, даже у лиц, распорядившихся тогда городским добром, не хватило бы гражданского мужества допускать такого человека к такому сложному и ответственному делу, как создание для городского населения храма искусства. Надо быть признательным этому оратору за такое разоблачение; несомненно, поэтому, что чем скорее будет взято здание из таких хозяйственных и некоммерческих рук, тем покойнее для города, который, наконец, получит свое же добро, да и для самого «неудачника», который избавится, по крайней мере, от дальнейших убытков.

Таким образом, и самая справедливость, и интересы города действительно требуют, чтобы, не отлагая дела, немедленно же приступить к уничтожению контракта; а что касается до способов содержания театра, то управа должна принять его в свое ведение, как ведает всеми другими городскими имуществами, и с течением времени, еще до сезона, выработать правила и о них доложить думе; комиссии же ведут только к тому, что, не разрешая дела, замедляют его и снимают с управы всякую ответственность, устраняя этот исполнительный орган от выполнения возложенных на него обязанностей. Кроме того, надо помнить, что, если зашла речь об уничтожении контракта, то арендатор, деятельно выслеживающий все стадии этого дела, конечно, не может пребывать

в равнодушии и не обратится к своей предусмотрительности, а между тем, описи имущества никакой нет.

Управа возбудит это дело, и она же должна окончить его с честью; этого требуют не только интересы всего городского населения, но и ее достоинство.

Терские ведомости.
1894. № 70. С. 3.

№ 9

Извлечения

из Акта комиссии (от 8-11 марта 1911 г.), образованной по распоряжению Начальника Терской области, «которая свидетельствовала городской каменной театр и нашла его в нижеследующем состоянии»:

1) Театр расположен на площади и вмещает в себя: а) партер — три ряда кресел — 50 мест, семь рядов стульев — 130 мест, четыре ряда стульев амфитеатра — 86 мест, 22 ложи, 110 мест, а всего в партере 376 мест;

б) первый ярус — 12 лож — 60 мест и амфитеатра три ряда скамей — 63 места, а всего в первом ярусе — 123 места; в) второй ярус — галерея — 151 место; кроме того, в этом ярусе имеются свободные места без сидений, на которые пускаются зрители по контрамаркам и число которых можно определить до 50; а всего зрителей до 700 человек и, следовательно, здание это должно быть причислено к разряду больших театров. Сюда следует еще прибавить 30 человек оркестра и до 50 человек артистов на сцене и служащих и общее число людей в театре можно считать 780 человек.

2) В подвальном этаже восточной стороны здания частью под бетонным и частью под деревянным перекрытием, помещается квартира заведывающего театром, чего в больших театрах не

должно быть допускаемо. Помещение это сырое; имеет один только выход на улицу и отсюда же вход в театр.

3) Здание театра не снабжено громкоотводом.

4) Наружные стены театра, три внутренних стены вокруг партера и стены сцены — кирпичные.

5) Вестибюль имеет бетонное перекрытие по железным балкам, все же прочие перекрытия, как и полы, за исключением потолком двух комнат подвального этажа квартиры зрителя — деревянные.

6) По левую сторону входа в вестибюль в отдельной пристройке находится помещение для верхнего платья партера, кроме которого 1 и 2 ярусы имеют свои раздевални в соответствующих ярусах.

7) В партере имеется пять входов: первый, главный вход, шириной 2 аршина, прямо против сцены обслуживает 130 мест стульев и частью амфитеатр и ведет средний проход между стульями; два боковых входа в амфитеатр шириной по 15 вершков в начале боковых коридоров и два входа шириной по 1 аршину по обоим концам боковых коридоров, около литературных лож, обслуживает 50 мест кресел и ведут в проход между оркестром и первым рядом.

8) Ширина среднего прохода между стульями в партере от 1 арш. 6 вер. до 1 арш. 8 вер. дается от 9 до 10 мест. Такую ширину прохода нельзя считать достаточной, так как полагается двухаршинный проход на 12 мест, считая по 6 с каждой стороны, здесь же, за неимением боковых проходов, проход шириною 1 S аршина обслуживает до 20 мест.

9) Ложи партера и первые три ряда кресел имеют выход в узкий коридор, шириной 1 аршин 9 вершков и отделены от последнего тонкой деревянной, без

штукатурки перегородкой, что представляет собою опасность в пожарном отношении. Опасность эта усугубляется еще и неисправным состоянием раздвижных дверей, из которых некоторые с трудом отворяются.

10) Оба эти коридора имеют прямой выход только к вестибюлю, так как расположены с левой стороны при уборной для публики выход, имеющий шириной лишь 1 арш. 3 вер., так скрыты за мелкими помещениями, разделенными тонкими нештукатуренными перегородками, что для массового движения публики служить не может. Соответствующий этому выходу с правой стороны выход выделен деревянной перегородкой и предназначен для особого входа с улицы в литерную ложу. Таким образом, весь партер никаких запасных выходов не имеет.

11) Первый ярус вмещает в себя 12 лож с 60-ю местами и ряда (Л.20): амфитеатра с 63 местами, а всего 123 места. Ложы этого яруса выходят в такой же узкий коридор, как и ложи партера, с аналогичным устройством стен, полов, потолков и дверей.

12) Амфитеатр здесь имеет три выхода, стесненных в ширину до 15 вершков, чего нельзя допустить для быстрого массового движения.

13) Сообщением этого яруса с низом служит однокамерная лестница, в 2 марша, шириною 1 арш. 13 верш., к которой из этого яруса виден 1 выход шириной 3 аршина. Эта же лестница служит для входа в фойе 1-го яруса, расположенного над вестибюлем находится помещение верхнего платья. Здесь необходимо заметить что для этого яруса, при наличии еще фойе, следовало бы иметь еще вторую лестницу.

14) Клетка этой лестницы, между маршевой площадкой сообщается со смежной клеткой другой лестницы, вы-

ходящей на улицу и ведущей во 2-ой ярус. Ширина этой второй лестницы от места соединения ее с первой, до земли = 1 арш. 8 S вершков и вверх от того же места до второго яруса, различна, — от 1 арш. 8 верш. до 1 арш. 12 верш. Ступени верхне половины ее расположены несколькими группами, ширина ступеней 6 вершин, высота 4 вершка, что неудобно для движения и составляют уклон 33° , тогда как лестницы в театрах должны иметь уклон не более 25° . Лестница эта выходит в западный коридор второго яруса, с противоположной от сцены стороны, а с того же конца восточного коридора имеется вторая каменная лестница с выходом на улицу, шириной внизу 2 арш. 12 верш. и вверху 2 арш. 5 верш., такая же крутая и с забежными ступенями, что делает ее неудобной при спокойном движении и невозможной для спешного массового движения.

15) Верхнее перекрытие обеих лестниц — деревянное, в следствие чего они теряют свое пожарное значение.

16) Полы второго яруса и потолок зрительного зала — деревянные и последний не оштукатурен, а оббит холстом и покрашен.

17) Полы сцены — деревянные и за недостатком кладовых задняя ее часть и трюм служат складом запаса декораций и бутафорских принадлежностей. Между тем, на сцене не должно быть декораций более потребного для недельного репертуара.

18) Выходов со сцены имеется: один в западной стене шириною 1 арш. 12 верш., выходящий на заднюю крытую галерею, откуда дверь шириною 2 арш выходит на двор; другой — в боковой левой стене шириною 1 арш. 1 верш. — в фойе артистов; третий, с той же стороны, шириною 1 арш. 1 верш. — в бутафорскую, четвертый — с пра-

вой стороны такой же ширины — в уборные артистов и пятый — в задней стене с правой же стороны — в другие уборные, откуда имеется каменная, с деревянным перекрытием лестница с уклоном в 45°, в подвальный этаж, где помещаются статисты, костюмеры, парики и т.п. Из этих последних помещений выхода наружу не имеется, потолки и переборки деревянные, окна с железными, и, таким образом, в случае пожара, находящиеся там люди лишены будут возможности вылезти даже в окна.

19) Двери, ведущие со сцены в окружающие помещения — деревянные, тогда как должны быть сделаны из такого прочного несгораемого материала, чтобы не могли не ломаться от падения кулис, не погнуться от давления газов и жара при начале пожара и затворяться так плотно, чтобы не пропускать много дыма.

20) Железного занавеса для отделения зала от сцены на случай пожара — не имеется.

21) Вентиляционного отверстия на сцене для выхода дыма на случай пожара, который смотря по величине театра должна быть от 1 S до 3 кв. саж. — не имеется.

22) Уборные артистов не отделены от сцены ни коридором, ни артистическим фойе с несгораемыми стенами и таким же перекрытием, как это требуется, и находятся в непосредственном сообщении со сценой. Уборные темные, с одним только выходом на сцену. Полы и потолки деревянные, последние оштукатурены, а перегородки сделаны из тонких досок, без штукатурки, оклеенные обоями. У пожарных кранов огнегасительных снарядов в уборных не имеется.

23) Трюм не имеет выходов к лестницам и коридорам, есть лишь один выход со двора и один выход в поме-

щение оркестра. Этот последний выход служит единственным выходом для оркестра, тогда как для него должны быть два выхода по концам оркестрового помещения с выходом на лестницы, коридор или наружу.

24) Стена между оркестром и трюмом деревянная, неоштукатуренная.

25) В трюме же помещается калорифер, окруженный со всех сторон деревом и складом негодных бутафорских принадлежностей. Верхняя часть калорифера отстоит от деревянного неоштукатуренного потолка на 1 аршин. Топка калорифера — отсюда же. Другой подобный же калорифер помещается с восточной стороны под фойе для публики.

26) Отопление других частей — уттермаркскими и голландскими печами, причем размещение их совершенно случайное, дымовые трубы выходят непосредственно над печами через потолок, местами без надлежащих разделок. Вся эта система отопления представляет собою большую опасность в пожарном отношении.

27) В трюме же, в деревянной чрезвычайно тесной камере помещается мраморная распределительная доска электрического освещения, без какого-либо другого выхода в трюме. Реостаты на деревянных досках. Никаких огнегасительных приспособлений здесь не имеется. Камера эта представляет собою не меньшую опасность в пожарном отношении как и калорифер.

28) Пожарные краны имеются: на задней стене сцены — два крана в двух концах оркестрового помещения — два крана. Расположение их таково, что во время пожара доступ к ним будет невозможен.

Из вышеприведенного описания видно, что здание этого театра в настоящем его состоянии настолько опасно в

пожарном отношении, что без особых приспособлений для улучшения его состояния, по мнению комиссии, невозможно допустить дальнейшее его функционирования.

Требования, предъявляемые настоящим актом по осмотру театра для города не посильны и равняются требованию полного уничтожения театрального здания и постройки нового; в частности, переделки, назначенные для первой очереди, неисполнимы в имеющийся для того срок. В виду того, что городом театр сдан по контракту на сезон 1911/12 года, я полагаю бы справедливым предложить городу устранить дефекты, обозначенные в п.п. 1,2,3,4,5,6,7,9,10,11,12,13,14/2,3,4,5,6,7,8,9,14 первой и второй очереди и тем ограничиться, а к сезону 1912/13 года принять меры к более капитальному переустройству здания городского театра.

Городской Голова (*Подпись*)

Необходимые меры:

1) Устроить железный занавес, отделяющий сцену от зрительного зала. Занавес этот должен приводиться в движение самостоятельно как со стороны сцены, так и со стороны зала;

2) деревянную стену, отделяющую оркестр от трюма, заменить каменной...

10) Выход со сцены во двор дать посередине и расширить его до 2 S аршин

11) Двери со сцены в смежные помещения сделать из прочного железа и расширить до 2-х аршин.

12) Из помещения статистов в подвале дать выход во двор или на улицу.

13) Перегородки из уборных артистов сделать штукатурными.

14) Дать из уборных выход на улицу и, где возможно, дать окна во двор или на улицу или хотя бы в имеющийся задний коридор, который должен быть снабжен отдельным выходом.

15) Оркестр должен быть снабжен двумя отдельными несгораемыми выходами по концам его помещения, под литерными ложами, с выходом к лестницам, коридорам или наружу.

16) Калориферы заключить в особые несгораемые помещения с особым выходом к топкам.

Наконец следующие работы могут быть отсрочены на три года:

1) Отопление должно быть заменено центральным, водяным или паровым с соответствующей вентиляцией.

2) Перегородки, полы и потолки коридоров партера и ярусов должны быть железобетонными.

3) Сделать на первый ярус вторую лестницу шириною 2 аршина с уклоном 25°.

4) Две старые лестницы переделать, придав им уклон 25°. И ширину марша не менее 2-х аршин.

5) Потолок зала должен быть или несгораемыми или же, в крайнем случае, оштукатурен снизу по войлоку и покрыт сверху тонким слоем смазки по войлоку же.

6) Каменную лестницу из уборных в подвале к статистам переделать на 25-градусный уклон и заключить в несгораемую клетку.

7) Уборные артистов перестроить так, чтобы они были отделены от сцены несгораемым коридором.

8) Иметь отдельные помещения для курения табака для публики, как партере, так и в ярусах.

9) Квартиру заведывающего вынести из театра.

10) Главные деревянные части на сцене и на сажень от нее, которые нельзя будет заменить несгораемым материалом, но которые подвергаются опасности от огня, должны быть покрыты огнеупорным составом.

11) Здание снабдить громоотводом.

Об изложенном постановлено записать сей акт и предоставить на распоряжение Начальника области.

Председатель комиссии
Младший помощник Начальника
Терской области (Подпись Гаибова)
ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 62.
Д. 190. Л. 19-23.

№ 10

Журнал Владикавказской Городской Думы по делу о постройке здания городского театра (извлечения)

10 июня 1915 г.

[Собрание под председательством
Городского Головы Г. В. Баева]

Во Владикавказскую Городскую Управу
Доклад Председателя комиссии народных
развлечений Г. А. Семенова

<...>

б) План театра должен удовлетворять следующим требованиям:

а) внешний вид; простота и изящество без всяких вычурных украшений и полное отсутствие каких-либо доходных побочных помещений при театре, лавок, ресторанов и т.д.

б) экономия места. Необходимо при расчете театра на 1500 мест приблизительно, экономить место, т.е. надо идти в землю таким образом, чтобы все выходы из театра спускались в подвальный этаж, где будет помещаться вестибюль и откуда лестницы должны идти в зрительный зал. С другой стороны, где это возможно и необходимо, надо поднять как можно выше, т.е. театр должен быть не менее как три яруса:

- 1) партер и ложи;
- 2) второй ярус амфитеатр;
- 3) три галереи

в) Зрительный. Как можно меньше лож и как можно больше дешевых отдельных мест. Выходы — через каждые два ряда партера, чем устраняется тол-

котня. Удобные кресла с автоматическими поднимающимися и опускающимися сидениями.

г) Сцена. Сцена должна быть достаточно широка, глубока и высока. Ширина — минимум 20 аршин, высота — 9 S — 10 аршин и глубина (от рампы к задней стене) — до 30 аршин.

К оборудованию сцены должны быть применены все последние изобретения и, главным образом, приспособления, благодаря которым декорации моментально смогут быть убираемы вверх.

д) Окружающие сцену помещения: комната, комната хранения декораций, мебельная, костюмерная, декоративная (для писания декораций), бутафорская должна помещаться совершенно в стороне от уборных и быть достаточно обширными.

е) Уборных должно быть достаточное количество — не менее двадцати и два для статистов и статисток

ж) Отопление — центральное, пароводяное

з) Освещение — электрическое, желательно собственная электростанция. Не менее 4-х реостатов на сцене (световых эффектов)

к) Помещение (смотрителя из двух комнат и кухни)

л) Дворницкая

м) Касса и контора дирекции.

н) Фойе в каждом ярусе и помещения... для общего буфета и столиков для продажи прохладительных напитков, сластей и фруктов — в каждом ярусе несколько.

и) Санитарная часть. Каждый ярус должен иметь две уборные — мужскую и женскую, промываемых водой. Такие же две уборные должны быть и за сценой, не считая третьей специально для рабочих.

о) Антипожарность.

Материал (постройки): камень, кир-

пич, бетон, асфальт, железо, дерево — лишь при невозможности обойтись без него.

Наивозможно большое количество входов и выходов; достаточное количество пожарных кранов. Железный занавес на случай пожара.

п) Помещение для оркестра должно быть рассчитано на 60 человек, принимая во внимание и пространство для помещения пюпитров.

Оркестр должен иметь свободный выход не под сценой, а с боков ее.

р) Отдельный подъезд для артистов и для них отдельный вестибюль

с) Комната отдыха артистов и библиотека.

<...>

Нельзя говорить о том, что обстоятельства момента не позволяют заняться постройкой театра. Напротив, момент настоятельно требует широкого развития культурных удовольствий и общедоступной проповеди вечных начал добра, т.к. вносит огрубение в нравы.

Постройка театра, вероятно, займет полтора-два года и, конечно, было бы крайне нежелательно оставлять население города столь продолжительное время без театра. Общество народных чтений приступает к постройке сцены и зрительного зала и, следовательно, публика, для которой театр особенно нужен, без него не останется.

<...>

...С наступлением Великого поста 1916 года приступить к постройке...

ЦГА РСО-А. Ф. 17. Оп. 1.

Д. 152. Л. 6-7об.

№ 11

Театр и музыка

На истекшей неделе на сцене городского театра поставлены были серьезные классические пьесы: в воскресенье — «Гамлет» Шекспира, во вторник, в

дневном спектакле, трагедия Шпажинского «Чародейка», в среду вечером «Разбойники» Шиллера и в пятницу — «Гибель Содома». Пьесы прошли при составе всей труппы К. К. Маврина в общем недурно.

Для роли Гамлета, этой очень сложной в психологическом отношении натуры, требуется недюжинный талант. Г-н Маврин старался провести эту роль возможно реальнее и ему, как опытному актеру, многое удалось. Очень хорошо провел те места, где не слишком поднимал тон, выдерживал переходы и не спешил в речи. Лучшие места у него были с Офелией, Полонием и со странствующими актерами; сцены же с тенью отца, с матерью, где принц датский мечет стрелы в ее душу за коварную измену, можно считать неудачными. Монолог же «Быть или не быть», эта квинтэссенция трагедии. Вышел у него мало эффектным. Г-жа Анненская роль Офелии исполнила прекрасно, сумасшествие передала с полной иллюзией. Очень хорошо продекламировал эллинские стихи г-н Борецкий, он же недурен был в Лаэрте. Г-н Татаринов в роли друга Горация был неудачен; кроме того. Он в сцене сумасшествия Офелии настолько забылся, что стоял все время подбоченясь, а в финале последнего акта забыл даже снять головной убор... Остальные исполнители способствовали ансамблю. Все удостоились вызова и аплодисментов. Публики на этот спектакль собралось довольно много.

Трагедия «Чародейка», несмотря на дешевые цены, не дала сбору; причиной тому, вероятно, неудобное время, в которое она шла в театре, с 2-х часов дня. Разыграна она была с успехом: все ответственные роли прошли гладко. Трагедия очень сценична, написана звучными стихами; сюжет взят из нижегородских преданий, обстановка и типы верны старине; характеры действующ-

щих лиц очерчены ярко и психологически точно; такая пьеса очень пригодна для народных спектаклей. Пальма первенства в исполнении выпала на долю г-жи Анненской в заглавной роли, и г-на Борецкого в роли ее возлюбленного, княжича Юрия. Очень комичен был г-н Зубов в Паиссии, бродяге-чернце.

«Разбойники» Шиллера прошли с большим успехом, благодаря талантливой игре г-на Маврина в двух, совершенно противоположных в трагедии, ролях, Франца и Карла. Эти два классических типа при всей их сложности, изображены артистом очень художественно, игра его произвела сильное впечатление на зрителей. Остальные актеры были также на своих местах.

Терские ведомости. 1897.

№ 127. С. 2.

№ 12

Общественные спектакли во Владикавказе

Спектакли кружка наших любителей, которые с мая месяца ставятся в городском театре, приобретают все больше симпатий и популярности. Если вначале они были только «общедоступными», то теперь они становятся действительно народными в полном смысле этого слова. Главный контингент зрителей на них составляет та небогатая трудящаяся часть населения, которая раньше никогда почти не заглядывала в театр. В этом факте заключается уже огромная заслуга любителей. С энергией и настойчивостью, в течение всего летнего сезона, они работали над тем, чтобы представить бедному классу населения доступные развлечения. Для достижения этой цели пришлось не только поработать, но и принести некоторые материальные жертвы, потому что организация народного театра потребовала затрат, а помощи они ни откуда не получили, дей-

ствуя на свой страх и риск. Зато теперь, концу сезона, организаторы дождались полного удовлетворения, если не материального, то нравственного. Каждый спектакль привлекает такую массу публики, какую наш городской театр еще никогда не видел. Во время последнего представления, 27 июля, происходило даже нечто совершенно невиданное во Владикавказе: не только все места в театре были заняты, не только люди стояли в проходах. Но даже на площади перед театром толпились пришедшие посмотреть спектакль, которым, к сожалению, не хватило билетов.

Мы были свидетелями того, как захватывает каждая пьеса эту многочисленную публику, какие искренние выражения восторга шлют эти зрители артистам! Между сценой и зрителями устанавливается своеобразное общение: часто, во время какой-нибудь патетичной сцены, вдруг с «райка» или из задних рядов раздается трогательное восклицание — выражение одобрения или замечание. Такие разговоры публики с действующими лицами, может быть, и покоробили бы вас в «настоящем» театре, но здесь они трогают своею непосредственностью и простотой.

А сколько разговоров при выходе из театра! Точно рой пчел гудит, и все комментируют слова и поступки героев: одних осуждают, других хвалят, вспоминают подходящие примеры из собственной жизни...

От лиц, Сиду имущих, иногда приходилось слышать, что народный театр — праздная модная затея. Нет, не затея это, а могучее средство воздействия на впечатлительную душу простого народа, не избалованную вниманием интеллигенции. В этом можно убедиться, лишь побывав в театре, прислушиваясь к речам и толкам зрителей.

Терские ведомости. 1903.

№ 169. С. 2.

НОВЫЕ КНИГИ

О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ И АРЕАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ ОСЕТИНСКОЙ НАРТИАДЫ

(Рецензия на монографию: Чибиров Л. А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 464 с.)

А. Х. Хадикова

В предлагаемой рецензии на монографию профессора Л. А. Чибирова «Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи» подчеркивается особая актуальность, своевременность и многоаспектное значение этого труда — научное, просветительское, методологическое. В условиях, когда в нартоведении стали слишком заметны тенденции отстаивания узконациональных интересов, рецензируемый труд является примером возвращения к принципам научного анализа и объективного историзма. Монография содержит целенаправленное и разностороннее исследование нартовского эпоса, в различных вариантах бытующего у многих народов Северного Кавказа, его генезиса, условий формирования и путей распространения. Большую ценность представляют сопоставительные параллели, скрупулезно отслеживаемые автором на базе обширного и оригинального материала: от нартовского эпоса к скифам, а через них к европейским, иранским и индоиранским древностям, эпическому пространству Евразии. Системному анализу подвергаются кавказские варианты эпоса, а также динамично развивающиеся версии о центрах формирования ядра эпоса. Л. А. Чибиров представляет читателю научно аргументированный вывод о бесперспективности дискуссий об авторстве эпоса и о приемлемости единственной версии — научной.

Ключевые слова: осетинская Нартиада, нартоведение, сопоставительные параллели, центр формирования ядра эпоса, принципы научного анализа и объективного историзма.

In the review on the professor L. A. Chibirov's monograph «Ossetian Nartiada. Mythological origins and areal connections» special actuality, timeliness, and multidimensional importance of this work (scientific, educational, and methodological) are accentuated. The reviewed book is an example of returning to the principles of scientific analysis and objective historicism in the face of too noticeable tendencies in the Nart studies of standing up for only national interests. The monograph is a purposeful and all-round research of the Narts' epos circulating in various versions among different ethnics of the North Caucasus, as well as its genesis, formation conditions and spreading. Of particular value are the comparative parallels scrupulously traced by the author on the basis of vast and original materials: from the Narts' epos to Scythians, and through them to European, Iranian and Indo-Iranian antiquities. The Caucasian versions of the epos are systemically analyzed, alongside with dynamically developing hypotheses on the centers of formations of the epos' core. L. A. Chibirov presents to a reader scientifically argumentative conclusions on futility of discussions about epos authorship, and on admissibility of only scientific version.

Keywords: Ossetian Nartiada, Nart studies, comparative parallels, center of formations of the epos' core, principles of scientific analysis and objective historicism.

Каждая книга видного российского этнолога Людвигу Алексеевичу Чибирову является ярким событием современной научной жизни. Однако ценность и

своевременность монографии, о которой пойдет речь далее — «Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи», — predetermined не только богатством и уникальностью исследуемого материала и высоким уровнем теоретических обобщений, но и другими, не менее важными смыслами и перспективами. Этот труд авторитетного ученого имеет еще и неоценимое просветительское назначение, кроме того, он призван защищать те истины, которые совсем недавно считались вечными и непреложными, но вдруг оказались необязательными.

В условиях, когда в нартоведении стали слишком заметны тенденции отстаивания узконациональных интересов, ученый в своей книге опирается на принципы научного анализа и объективного историзма. Напоминая коллегам, что не может быть «осетинской», «адыгской», «балкаро-карачаевской», «ингушской» и пр. версий происхождения ядра нартовского эпоса, а может быть только одна — научная, профессор Л. А. Чибиров призывает вернуться к пристойности в дискуссиях, не жертвовать объективностью ради сомнительных политических целей. В ситуации азартного соперничества за «авторство» нартовского эпоса он призывает следовать научной истине, а не местному этнопатриотизму, ставшему идейным стержнем трудов некоторых исследователей.

Монография, являющаяся итогом плановой исследовательской работы ученого, стала важным вкладом в современное нартоведение. Работа над темой предполагала широкий историографический обзор, автору пришлось не только глубоко вникнуть в суть литературы, вышедшей в рамках этого научного направления, но и реагировать на содержащиеся в ней концепции.

Отнюдь не случайно книга начинается с разъяснения, какой должна быть позиция истинного ученого-историка. Вынужденный настаивать на исключительно научных методах в нартоведении, исследователь уточняет, что сам использует сравнительно-методологический подход. В собственном анализе и систематизации большого и оригинального материала Л. А. Чибиров оперирует научными методами истории, этнологии, археологии, лингвистики, что является залогом объективности, аргументированности и компетентности сделанных им выводов.

Объявляя целью своего исследования «концентрированный взгляд и сопоставительные параллели, идущие от нартовского эпоса к скифам, а через них к европейским, иранским и индоиранским древностям, эпическому пространству Европы», ученый не только с успехом справляется с этой задачей, но и заметно расширяет исследовательское поле многими прочими аспектами эпоса, распространенного на Северном Кавказе. Достаточно упомянуть, что в столь широком диапазоне ареальные связи Нартиады исследуются впервые.

С позиций объективного, беспристрастного исследователя, с учетом новых научных достижений и на основе широкой доказательной базы Людвиг Алексеевич подтверждает либо вновь доказывает индоевропейское (индоиранское) происхождение кавказской Нартиады. Отмечая, что эпическое наследие — не место для соперничества, автор вынужден уточнить: поскольку героический эпос больше чем любой другой фольклорный жанр связан с историческими судьбами определенного этноса, нартовский эпос есть художественная автобиография осетинского народа. В образах, мотивах и сюжетах эпопеи о богатырях-нартах многое пе-

рекликается с легендами, обычаями и конкретными древними историческими и этнографическими реалиями скифов, сарматов и алан.

Высокую степень верификации работы в значительной степени выстраивает ее широчайший историографический контекст — каждый свой постулат ученый предваряет подробным обзором концепций и взглядов на эту же проблему всех своих предшественников. Так уж сложилось, что в современном нартоведении историографический анализ, помимо своей традиционной научной сути, имеет еще и идейно-мировоззренческий подтекст.

В монографии содержатся ссылки на труды признанных ученых, утверждающих, что в основе своей нартовский эпос вызван к жизни военной и политической жизнью алан. Как известно, первым авторитетным исследователем, обнаружившим целый пласт индоиранских (скифо/сармато-нартовских) параллелей, был Всеволод Федорович Миллер. Он утверждал, что в художественных мотивах нартовские сказания донесли до наших дней многое из того, что стало известно о скифах, сарматах и аланах от Геродота и Аммиана Марцеллина. Окончательно, и уже в качестве всемирно признанной концепции, теория скифо-аланского ядра эпоса была сформулирована В. И. Абаевым и Ж. Дюмезилем. Они представили доказательства начала формирования осетинских нартовских сказаний в тот период, когда древние предки осетин, индоиранцы (скифы, сарматы, аланы), проживали еще вдали от Центрального Кавказа, около Черного и Азовского морей, в бассейне Дона, Днепра, Волги.

До середины прошлого века в научном мире практически никто не ставил под сомнение, что нартовский эпос в основе своей индоиранский и принесли

его на Кавказ скифо-аланские племена, а бытование эпоса о нартах в версиях соседних кавказских народов является следствием культурного заимствования. Но уже немногим более полувека, отмечает ученый, большими силами идут поиски кавказских корней нартовского эпоса. Однако целенаправленный анализ позволил Людвигу Алексеевичу резюмировать, что революционного прорыва в науке не случилось — столь интенсивные поиски не выявили ничего такого, что смогло бы кардинально поменять что-либо в нартоведении как научном (не популистском) направлении.

Действительно, научно-аргументированную позицию нескольких поколений прославленных ученых, в том числе таких корифеев нартоведения, как Васо Абаев, Жорж Дюмезиль, Всеволод Миллер, оспорить весьма трудно, ее можно лишь обходить стороной. В этой связи достаточно много своего внимания автору рассматриваемой книги приходится уделять разъяснениям по поводу несостоятельности тех «несокрушимых доказательств», которые на поверку оказываются недобросовестной интерпретацией высказываний признанных ученых. Корректным разъяснением подобных искажений из списка сторонников версии кавказского субстрата были «выведены» такие видные исследователи фольклора, как В. И. Абаев, В. Ф. Миллер и Е. А. Мелетинский.

Вызывает вопросы и научная аргументированность и логика суждения противников скифо-аланского ядра формирования эпоса. Противники скифо-аланского центра усмотрели причину наибольшего распространения осетинской версии в высоком авторитете ученых — сторонников иранской версии. Автор монографии вынужден отвечать, что, во-первых, авторитет не

выпрашивается и не покупается, а приходит к ученому за его бескорыстное служение подлинной науке и достигнутые результаты. Во-вторых, среди этих высоких авторитетов преобладают люди некавказского происхождения, которых трудно заподозрить в особых симпатиях ни к одному из местных народов.

В научных дискуссиях разных лет можно также встретить упреки, адресованные В. Абаеву и Ж. Дюмезилю за их чрезмерное увлечение сравнительно-историческим методом и ареальными связями. Спустя годы Л. А. Чибиров находит достаточно аргументов в оправдание подобного подхода, доказывая, что древнее ядро эпоса никогда не было замкнутым миром, непроницаемым для внешних импульсов и влияний. Напротив, оно было широко открыто для взаимодействия с эпосом и мифологией народов, с которыми скифы, сарматы, аланы на протяжении всей своей долгой истории имели не только родственные генетические, но и культурные связи. В связи с этим необходимо отметить, что неоспоримым достоинством рецензируемой монографии является эффективное совмещение исследовательских аспектов: анализа героев и сюжетных линий эпоса, с одной стороны, в контексте индоевропейского мифопоэтического мира, а с другой — на уровне сопоставления общего и различного в кавказских эпических вариантах.

Автор монографии отдает себе отчет в том, что восстановить полностью ареальные связи едва ли удастся — слишком обширна была территория расселения и передвижений североиранских племен, слишком многочисленны и разнообразны были народы, с которыми соприкасались далекие предки осетин. И все же с очевидным успехом он вносит свой значительный вклад в рекон-

струкцию культурных контактов предков осетин с некоторыми европейскими, тюрко-монгольскими, кавказскими народами, оставившими в осетинском эпосе о нартах свой достаточно явный след.

Упрекнуть Л. А. Чибирова в желании однонаправленной интерпретации исследуемого материала в пользу индоевропейского происхождения Нартиады весьма сложно — в одном из самых значительных разделов своей книги он уделяет внимание всем существующим на данный момент версиям формирования ядра эпоса. В монографии представлен подробный и обстоятельный анализ новых, динамично развивающихся, хотя и не всегда добротных аргументированных, притязаний, которым противопоставляет только квалифицированный и объективный анализ.

Так, в монографии рассмотрено, что ранее других альтернатив была сформулирована гипотеза о субстратно-кавказском происхождении эпоса, согласно которой скифо-аланское ядро отвергается, возникновение эпоса связывается исключительно с народами Северного и отчасти Южного Кавказа. Эпос видится как результат творчества исключительно кавказских племен родственного кавказского субстрата, носителям же некавказских языков в любой причастности к созданию эпоса отказывается. Л. А. Чибиров подробно анализирует деятельность современных адыгских фольклористов, по сути реанимирующих категорические положения А. М. Гадагатля о том, что зародился эпос в адыго-абхазской среде с дальнейшим распространением среди соседних народов. Абхазские нартоведы также настаивают на абхазском происхождении эпоса, но признают хотя бы три центра формирования Нартиады — скифо-аланский, адыгский и абхазский,

при этом абхазский вариант считают наиболее древним и подлинным.

Как отмечает сам Л. А. Чибиров, в результате «такой легкой раздачи центров формирования Нартиады», стали множиться («как грибы после дождя») все новые претенденты на авторство эпоса. А в последние годы громко заявлено и о существовании балкаро-карачаевского и ингушского центров. В основе ингушской версии лежит утверждение, что в момент зарождения эпос принадлежал одному общему протоингушскому этносу и был ассимилирован пришлыми иранцами. Как отмечает Чибиров, авторы этой гипотезы, не утруждая себя доказательствами, декларируют еще одну — аланы являются не этническим, но собирательным термином для обозначения местных аборигенов. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Автор «Осетинской Нартиады» останавливается и на тюркской версии, согласно которой первоначально эпос зародился в гуннской среде, а к адыгам и осетинам попал после распада Золотой орды, однако выводы о роли киммеро-скифо-аланских тюркоязычных племен в формировании эпоса автор называет экстравагантными. Ученый-этнограф рассматривает предысторию вопроса: он считает, что постыдные квазинаучные споры начались с ревизии Зеленчукской надписи — с попытки А. Ж. Кафоева предложить адыго-кабардинскую интерпретацию текста. Вслед за этим появились тюркская и вайнахская вариации того же текста. Всю дальнейшую суету с авторством надписи и позже — нартовского эпоса, он образно называет перетягиванием каната.

Утверждение научной версии происхождения архаического эпоса народов Северного Кавказа, его скифо-сармато-аланских корней является важ-

ной, но не единственной задачей автора монографии об осетинской Нартиаде. Тщательно и в высшей степени скрупулезно им собрано и разъяснено все, что имеет прямое и даже косвенное отношение к вопросам мифо-поэтического творчества вообще и нартоведения в частности.

Свои выводы Л. А. Чибиров делает на основе обстоятельного анализа нартовских циклов, эпических героев и персонажей, волшебных предметов, особенностей социального быта (взаимоотношения со старшими, побратимство и пр.), мировоззренческих характеристик, нартовской космогонии, трехфункциональной теории и пр. По поводу последней Ж. Дюмезиль замечал, что ни один из соседних неиндоевропейских народов, заимствовавших у осетин большую часть нартовского эпоса, не сохранил принцип организации героев по трем функциональным родам.

Читателю рассматриваемой книги предстоит погрузиться в удивительный мир нартовской жизни со всеми его понятиями, особенностями, мировоззрением и философией. В доступной, очень живой и интересной форме автор повествует о представлениях скифов и алан о религиозно-мифологическом значении бытия, о вере в загробную жизнь, об отношении к жизни и смерти, о представлениях о человеческом теле, его отдельных органах и многом, многом другом. В высшей степени увлекательно представлена ритуально-обрядовая жизнь: например, культ чаши рассмотрен и в мифологических воплощениях в нартовском эпосе, и в исторической реальности скифского мира, и в контексте эпоса кельтов и древних скандинавов, и у древних кобанцев. Автор также обращается к архаичным андиевским вари-

антам эпоса, в частности, к сказаниям о девах-воительницах как историческим реминисценциям воинственных женщин скифо-сарматов.

В своей монографии автор обращается к разнообразным проблемам эпического творчества, ему блестяще удается анализ, строящийся на позициях как российского классического академизма, так и новых направлений современной западной науки — это гендерный аспект этнографических и мифологических исследований и пр.

Большой интерес у читателей вызовет раздел, посвященный поискам аналогов нартовских героев в индоевропейской мифологии. Анализ проводится в контексте славянских древностей, богов и героев мифологии ведической (Индра, Вайю, Арджуна и др.), иранской (Рустам), греческой (Арес, Ахиллес), англо-нормандской (Артур, Ланселота) ирландской (Кухулин) и др. Как уже было отмечено, автор книги рассматривает героев (к примеру, Батрадза) в национальных версиях Нартиады, в грузинской и армянской мифологии, ветхозаветных текстах.

Нартовские образы и сюжеты — всеобъемлющие и колоритные — высвечивают многие грани мировоззрения предков осетинского народа, их обширные культурные контакты. Говоря об исторических корнях ареальных связей, Л. А. Чибиров приводит веские аргументы в пользу того, что, несмотря на наличие в нартовских сказаниях названий многих стран и народов, в нартах осетинского эпоса в первую очередь нужно видеть алан. Исследованиями установлено, что степные иранцы являлись продолжателями древней индоевропейской цивилизации и в то же время имели огромное влияние на Европу. Вместе с тем, уже было отмечено, в монографии обстоятельно и последо-

вательно исследуется и внутрикавказский культурный синтез.

Ученый высказал и свое мнение о хронологии эпоса, показав тщетность попыток «удревнить» период формирования его ядра и отнести его к эпохе доиранского и дотюркского влияния на культуру и быт народов Северного Кавказа. То, что окончательно эпос сформировался в XIII-XIV вв., мало у кого вызывает сомнение, однако подобного единства во взглядах относительно начала складывания Нартиады нет. Мнения авторов расходятся, и достаточно существенно — от III тыс. до н.э. до I тыс. н.э. («аланского» времени). Большинство же исследователей сходятся в том, что начало формирования эпоса стоит относить с I тыс. до н.э. Л. А. Чибиров, на основе введенного им в оборот материала, соглашается с Ю. С. Галлойти и начало формирования ядра эпоса определяет не позже середины II тыс. до н.э.

В I тыс. до н.э. весьма значительное воздействие на Кавказ имели скифы, а в III в. до н.э. их сменили сарматы, занявшие огромные географические пространства, в том числе и северокавказские степи. Культурное влияние алан на соседние племена были значительным, наибольшее же распространение сказаний о нартах среди адыгов и абхазов объясняется тем, что в состав средневековой Алании входила часть синдо-мелотских племен (протоадыгов) среднего и нижнего Прикубанья. Алано-вайнахские параллели также уходят вглубь веков — в позднем средневековье Джейрахское ущелье населяли переселенцы из Осетии и ингуши, известно, что там было распространено два языка — осетинский и ингушский.

Л. А. Чибиров на фактах доказывает, что в наиболее полном виде, в логической последовательности и взаимосвя-

зи циклов, эпос представлен у осетин, далее у кабардинцев, затем балкарцев, следом — у ингушей, и менее всего — у чеченцев, то есть эпос «затухает» по мере удаления от эпицентра его распространения. Эпос возник и развивался в одной этнической среде, он отражал историю и мировоззрение одного многочисленного народа, а затем уже распространился по региону. Так у каждого народа Северного Кавказа возникли свои национальные версии. Своей монографией Л. А. Чибиров закрывает многие спорные вопросы, и в частности опровергает версию так называемого «осетиноцентризма», представив в Приложении подборку высказываний авторов разных эпох (от Масуди X века до ученых XX века) по поводу алано-осетинской преемственности.

Немало удивляясь той легкости, с которой оппоненты теории скифо-аланского генезиса ядра эпоса игнорируют мнения выдающихся исследователей-нартоведов и замалчивают неудобные им литературные источники, Л. А. Чибиров приводит довольно обширный перечень подобных исследований. В ответ на призыв некоторых коллег (И. Дахкильгова) искать корни эпоса лишь на Кавказе и среди так называемых коренных его народов, ученый призывает не закрывать глаза на объективность и напоминает непреложную истину — в науке не должно быть запретных тем.

Тактично опровергается позиция некоторых абхазских и адыгских коллег, которая заключается в следующем — если признать скифо-аланский пласт ядром эпоса, то тем самым другие кавказские народы отлучаются от него. Л. А. Чибиров предлагает коллегам вопрос — а если признать только адыго-абхазское ядро, отлучения других народов не произойдет? Ему приходит-

ся развенчивать и другие псевдоконцепции, например: скифы — кочевой народ, а кочевые народы «не эпичны», но известно, что Геродот сообщает и о скифах-земледельцах. Столь же безосновательны опасения многих нартоведов принять версию по поводу того, что эпос создан за пределами Кавказа и импортирован оттуда. Автор на это отвечает, что ко времени формирования ядра эпоса ираноязычные племена были уже исконными обитателями Кавказа.

Как отмечает Людвиг Алексеевич, все попытки доказать недоказуемое, то есть лишить предков осетин их эпического творения, не имеют под собой научно-аргументированной основы. Он напоминает, что в период окончательного формирования эпоса по своей численности, мощи и влиянию аланский этнос доминировал над другими племенами Северного Кавказа. Адыги, вайнахи и другие народы региона входили в состав аланского политического объединения.

Борьба за заветное первенство в сотворении ядра Нартиады, развернувшаяся между адыго-абхазами, вайнахами и карачаево-балкарцами, вступила в новую фазу. Это тот случай, когда, как сказал В. И. Абаев, национальная принадлежность ученого определяет его научную позицию и выводы.

Людвиг Алексеевич как крупный ученый-этнограф терпеливо разъясняет в монографии, что истину надо искать не в мнимой политической и иной сиюминутной выгоде, а в объективных факторах этногенеза и этнической истории народов, населяющих Северный Кавказ, в строгости исследовательских подходов, в профессиональной компетентности и этике исследователя. Как истинный ученый, он предлагает коллегам из соседних республик оставить

деятельность, более похожую на политическую, нежели научную. Искренне сетует по поводу аланомании и нартомании многих коллег и отдает должное тем, кого сия болезнь не поразила, и призывает отдавать предпочтение исключительно научной истине.

Ученый, по его же словам, с болью в сердце напоминает, что дальнейшие амбициозные споры не делают чести краю, который всегда славился достойными мужами. Он сетует, что развитие

ненаучного соперничества заставляет и тех исследователей, которые способны мыслить объективно, писать сейчас вынужденно, под диктовку политической обстановки в регионе. Для сохранения мира и взаимопонимания, вековой дружбы кавказских народов Людвиг Алексеевич Чиби́ров как представитель старшего поколения российских этнографов призывает поставить точку в вольных манипуляциях и ненаучных упражнениях.

НАШИ АВТОРЫ

Бритаева Анжела Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; angelikabb@yandex.ru

Далгат Эльмира Муртузалиевна — доктор исторических наук, зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; elmira.dalgat@yandex.ru

Дарчиев Анзор Валериевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; dar-anzor@mail.ru

Дзалаева Камила Руслановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; abisaltik@mail.ru

Дзпарова Елизавета Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; l-dzparova@mail.ru

Калабекова Людмила Тазретовна — доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; posu@nosu.ru

Мамиева Изета Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; dzirasga@mail.ru

Марзоев Ислам-Бек Темурканович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором генеалогических исследований отдела этнологии Северо-Осетинского инсти-

тута гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; is-bek@yandex.ru

Нарожный Евгений Иванович — доктор исторических наук, главный специалист, зав. сектором системного изучения археологических памятников Непубличного акционерного общества «Наследие Кубани»; zai_ein@mail.ru

Пигарь Степан Сергеевич — преподаватель исторического факультета Абхазского государственного университета; stepanpigar@mail.ru

Салихова Лейла Багаутдиновна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; leila.salihova@yandex.ru

Сатцаев Эльбрус Батрбекович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; satiael@mail.ru

Хадикова Алина Хазметовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; khadikovaa@mail.ru

Цаллагова Искра Нартовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; czallagon@mail.ru

Цибиров Герлик Иласович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН

Цориева Инга Тотразовна — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН; tsorin@mail.ru

OUR AUTHORS

Britaeva Anzhela Borisovna — candidate of philological sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS; angelikabb@yandex.ru

Dalgat Elmira Murtuzalievna — doctor of historical sciences, professor, head of the department of Modern and Contemporary Dagestan history, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences; elmira.dalgat@yandex.ru

Darchiey Anzor Valerievich — candidate of historical sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS; dar-anzor@mail.ru

Dzalaeva Kamila Ruslanovna — candidate of historical sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS; abisaltik@mail.ru

Dzaparova Elizaveta Borisovna — candidate of philological sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS; l-dzaparova@mail.ru

Kalabekova Liudmila Tazretovna — Doctor of philological sciences, associate professor of the Chair of Foreign Languages for Nonlinguistic Specialties, the Faculty of Foreign Languages, K. L. Khetagurov North-Ossetian State University; nosu@nosu.ru

Khadikova Alina Khazmetovna — candidate of historical sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS; khadikovaa@mail.ru

Mamieva Izeta Vladimirovna — candidate of philological sciences, associated professor, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian

and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS; dzirasga@mail.ru

Marzoev Islam-Bek Temurkanovich — doctor of historical sciences, senior researcher, head of the sector for Genealogical research of the ethnology department, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS; is-bek@yandex.ru

Narozhnyi Evgeni Ivanovich — doctor of historical science, head of the sector of system studying of archaeological monuments, chief specialist, Non-Public Joint-Stock Company «Nasledie Kubani»; zai_ein@mail.ru

Pigar Stepan Sergeevich — lecturer of the Faculty of History, Abkhazian State University; stepanpigar@mail.ru

Salikhova Leila Bagautdinovna — candidate of historical sciences, researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Centre of RAS, leila.salihova@yandex.ru

Sattsaeu Elbrus Batrbekovich — candidate of philological sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS; satiael@mail.ru

Tsallagova Iskra Nartovna — candidate of philological sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS; czallagon@mail.ru

Tsibirob Gerlik Ilasovich — candidate of historical sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS

Tsorieva Inga Totrazovna — doctor of historical sciences, associate professor, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS; tsorin@mail.ru

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

Научный журнал

Компьютерная верстка — *Черная А.В.*

Сдано в набор 19.06.2017. Подписано в печать 04.06.2017. Выход в свет 07.07.2017.
Формат бумаги 60×84 ¹/₈. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Minion».
Печать цифровая. Усл.п.л. 22,5. Тираж 100 экз. Заказ №62.

Распространяется бесплатно

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО–А
362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
<http://www.izvestia-soigsi.ru>

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО–Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3